

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

На правах рукописи

Цю Шуаншуан

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ КИТАЯ: ЭТАПЫ,
НАПРАВЛЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ (1978–2025 гг.)

Специальность 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор политических наук
Виноградов Андрей Владимирович

Москва, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1: ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ КИТАЯ	28
1.1. Формирование основ гуманитарной помощи Китая (1949–1978 гг.)	28
1.2. Трансформация гуманитарной политики КНР со времени принятия политики реформ и открытости (1978–2001 гг.).....	36
1.3. Стратегия гуманитарной помощи Китая в периоды управления КНР Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина (2002–2025 гг.).....	48
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КИТАЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ЗАРУБЕЖНЫМ СТРАНАМ.....	68
2.1. Политика и программы экономической помощи Китая.....	68
2.2. Гуманитарная помощь Китая в области здравоохранения и медицинского образования	86
2.3. Проекты в области образовательных программ	101
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ КИТАЯ.....	117
3.1. Влияние геополитических факторов на оказание Китаем гуманитарной помощи.....	117
3.2. Инициатива "Один пояс, один путь" как основа гуманитарного взаимодействия.....	132
3.3. Международное гуманитарное сотрудничество Китая в рамках ШОС .	146
3.4. Гуманитарная помощь Китая африканским странам в рамках форума "Китай — Африка"	159
3.5. Гуманитарная помощь Китая как инструмент формирования позитивного имиджа на международной арене.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационной работы определяется глубокими трансформациями мировой системы, в которых гуманитарная составляющая международных отношений приобретает все более важное значение. В условиях растущей комплексной взаимозависимости государств вопросы образования, здравоохранения, культуры, технической помощи и развития человеческого капитала становятся не периферийным, а стратегическим направлением внешней политики, оказывая прямое влияние на устойчивость международной среды, возможности национального развития и формирование новых форм глобального взаимодействия.

На рубеже XX–XXI вв. Китай превратился в одного из ключевых акторов мировой политики, что существенно изменило характер его участия в международном гуманитарном сотрудничестве. Стремительный экономический рост, повышение технологического и институционального потенциала, активное включение в процессы глобализации создали условия, при которых гуманитарная помощь КНР стала важным механизмом его взаимодействия с миром. По мере укрепления национальной мощи, Китай получил возможность расширять пространство собственного развития, формировать устойчивые связи с государствами глобального Юга, а также участвовать в реформировании систем глобального управления.

Ситуация в мировой политике усиливает необходимость анализа данного феномена. Во-первых, гуманитарная помощь стала одним из ключевых инструментов КНР в рамках инициатив международного развития, включая инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), ФОСАС, ШОС и механизмы сотрудничества «Юг–Юг». Во-вторых, растущее влияние Китая вызывает активную дискуссию о природе его гуманитарной политики, ее целях, формах и возможных последствиях для мировой системы. В-третьих, современная гуманитарная активность Китая приобретает институционализированный характер: развивается система нормативных

документов, формируются устойчивые направления помощи, расширяются многосторонние форматы сотрудничества.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных внешней политике Китая, комплексный исторический анализ именно гуманитарной помощи КНР с 1978 по 2025 гг. остается недостаточно разработанным. Многие работы сосредоточены либо на отдельных направлениях – здравоохранении, образовании, инфраструктуре, – либо на оценке «мягкой силы» Китая. При этом отсутствуют исследования, которые рассматривали бы гуманитарную помощь как многоуровневую систему, развивающуюся в условиях глобальной взаимозависимости и отражающую долгосрочные стратегические задачи государства.

Особую значимость представляют вопросы формирования китайской модели международной помощи, ее отличия от западных подходов, влияние на социально-экономическое развитие стран-получателей, а также ее роль в выстраивании новых форм международного порядка и культурной многополярности. Изучение этих аспектов необходимо не только для понимания современного места Китая в мировой системе, но и для оценки перспектив глобального развития и взаимодействия в условиях усиливающейся взаимозависимости государств.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема политики предоставления гуманитарной помощи привлекает внимание современных российских, китайских и зарубежных исследователей.

Первая группа – исследования, рассматривающие специфику дипломатических стратегий и современных форм дипломатии Китая, в том числе дипломатию великой державы Си Цзиньпина.

Анализ китайской дипломатии в российском научном сообществе отличается многоплановым подходом, сочетающим исследования концептуальных основ внешнеполитической стратегии КНР, практических аспектов экономической дипломатии и специфики региональной политики. Особое внимание уделяется идеологическим и цивилизационным факторам: в

работах А.А. Крушинского, А.М. Кузнецова¹ Л.Л. Сухадольской² детально рассматривается концепция «китайской мечты» и исторические традиции китайского мышления, влияющие на дипломатические практики. Я.В. Лексютина уделяет внимание принципам добрососедской дипломатии в Восточной Азии³.

Н.А. Абрамова, В.А. Абрамов⁴, А.А. Киреева⁵, Д.В. Мосяков⁶, В.Я. Портяков⁷, М.С. Рамич⁸, П.А. Цыганков⁹ и др. исследователи рассматривают китайскую дипломатию не только в контексте теории международных отношений, но и через призму глобальных трансформаций в АТР и взаимодействия Китая с ведущими державами и региональными объединениями. В работах В.Ф. Ершова¹⁰ важное место занимает анализ стратегического партнерства России и Китая, его роли в условиях цивилизационной глобализации и изменения мирового порядка.

¹ Крушинский А.А. К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 123–133. Крушинский А. А. Логика Древнего Китая. М.: ИДВ РАН, 2013. 304 с.; Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 166–177.

² Сухадольская Л.Л. Россия и Китай: гуманитарное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 181-192; Сухадольская Л.Л. «Китайская мечта» и новая дипломатия Китая // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. №. 1. С. 363-370.

³ Лексютина Я.В. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии / Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 12-18; Лексютина Я.В. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2015. №. 2. С. 24-37.

⁴ Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы международной конференции. Чита, 18–20 октября 2006 г. Чита, 2006. С. 75–79.

⁵ Киреева А.А. "Инициатива пояса и пути": содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. №. 3. С. 61-74.

⁶ Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. М.: Белый город, 2019, 390 с.; Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 3. С. 112-121.

⁷ Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.

⁸ Худайкулова А.В., Рамич М.С. “Квад 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. №. 3. С. 23-43.

⁹ Цыганков П.А., Грачиков Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Политическая наука. 2015. № 4. С. 22–39.

¹⁰ Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. С. 804-827.

Особый интерес представляют труды А.В. Виноградова¹¹. Предметом его научных интересов стали проблемы модернизации, социокультурные трансформации модернизирующихся обществ, цивилизации и междивилляционные отношения, общественная мысль, современный политический процесс и политическая система КНР и России. Ученый также изучает современную внешнюю политику Китая, ее региональный аспект. Труды А.В. Виноградова позволили автору рассмотреть дипломатию Китая в контексте обеспечения реализации ключевых внешнеполитических задач и претворения в жизнь социально-экономической модернизации страны.

Важное значение для темы исследования представили работы Е.Н. Грачикова¹², в которых систематически разбираются теория дипломатической стратегии Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина.

Для оценки институционального потенциала Форума китайско-африканского сотрудничества как инструмента гуманитарной помощи Китая африканским странам автор обращался к трудам Т.Л. Дейч¹³ и А.А. Забелла¹⁴.

Китайские исследователи дипломатии КНР уделяют особое внимание теоретическим основам внешнеполитического курса страны. Обращение к

¹¹Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008; Виноградов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. №3 С. 69-86; Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С. 228-246.; Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 3. С. 23-32; Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века. // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 131-145; Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы дальнего Востока. 2018. № 1. С. 68-80.

¹² Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы //Международные отношения. 2015. №. 3. С. 290-306; Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993-2018) //Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №. 3. С. 83-93; Грачиков Е., Сяоюй Чжоу Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70-83.

¹³ Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №. 5. С. 119-141.

¹⁴ Забелла А.А. Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на развитие отношений между Китаем и странами Африки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. №. 1. С. 35-46.

работам Су Чанхе¹⁵, Су Хао¹⁶, Чу Шулуи, Цзинь Вэй, что позволило автору рассмотреть культурные и институциональные аспекты концепции «партнерства» в международных отношениях, а также стратегии взаимодействия с ключевыми мировыми акторами. Работы Ци Пэнфэй, Ли Баочжэнь¹⁷, Чжан Байцзя¹⁸, Ли Цзе¹⁹, Е Цзычэн²⁰ позволило автору изучить историческое развитие дипломатии, включая эволюцию внешнеполитического курса. Шан Вэй²¹, Чжан Цинминь²², Ян Цзечи²³, Ян Цземьянь²⁴ и др. глубоко

¹⁵ 苏长和：“中国大国外交的政治学理论基础”，载“世界经济与政治”2019年第8期第4-19页 [Су Чанхэ. Введение в политическую теорию внешних отношений Китая. Мировая экономика и политика, 2019, № 8, с. 4-19 (на китайском языке)]. 苏长和：“从关系到共生—中国大国外交理论的文化和制度阐释”，载“世界经济与政治”2016年第1期第5-25页 [Су Чанхэ. От отношений к симбиозу: культурная и институциональная интерпретация китайской дипломатической теории. Мировая экономика и политика. 2016. № 1. 1, С. 5-25]

¹⁶ 苏浩：中国外交的“伙伴关系”框架[J].世界知识, 2000(05):11-12页。[Су Хао. Рамки "партнерства" для китайской дипломатии // Знание мира, - Пекин. 2000. с. 11-12]

¹⁷ 新中国外交简史 / 齐鹏飞, 李葆珍 著。—北京：人民出版社, 2014年版第299页 [Ци Пэнфэй, Ли Баочжэнь. Краткая история дипломатии Нового Китая. Пекин: Народное издательство. 2014. 299 p. (In Chin.)].

¹⁸ 章百家：“中共对外政策和新中国外交史研究的起步与发展”.当代中国史研究, 2002(05), 88-100页。[Чжан Байцзя. Начало и развитие изучения внешней политики компартии Китая и дипломатической истории нового Китая // Исследования по современной китайской истории, 2002(05), с. 88-100.] 章百家：“目标与选择——新中国对外关系演进的历史经验及启示”，现代国际关系, 2010, 32-40页。[Чжан Байцзя. Исторический опыт и последствия эволюции внешних отношений нового Китая с точки зрения целей и выбора // Современные международные отношения, 2010, С. 32-40].

¹⁹ 李捷：“世界多极化趋势与毛泽东的三个世界划分理论”[J].当代中国史研究, 1997(01), 102-110页。[Ли Цзе. Тенденция мировой многополярности и теория Мао Цзэдуна о разделении на три мира [J] // Исследования по современной китайской истории. 1997. (01). С. 102-110].

²⁰ 叶自成. 中国大战略. 北京：中国社会科学出版社, 2003. 442页 [Е Цзычэн. Великая стратегия Китая. Пекин: Издательство социальных наук Китая, 2003. 442 с.]

²¹ 尚伟：“中国梦与中国外交新理念”，湖南师范大学社会科学学报, 2016年第1期, 40-47页。[Шан Вэй: «Китайская мечта и новая концепция китайской дипломатии», Журнал социальных наук Хунаньского педагогического университета, выпуск 1, 2016 г., с. 40-47.]

²² 张清敏：《理解十八大以来的中国外交》，《外交评论》2014年第2期。[Чжан Цинминь. Понимание дипломатии Китая после 18-го съезда Коммунистической партии Китая, «Дипломатическое обозрение», № 2, 2014 г.]

²³ 杨洁篪：《新形势下中国外交理论和实践创新》，《求是》2013年第16期。[Ян Цзечи. Инновации в дипломатической теории и практике Китая в новой ситуации // Цюши. № 16, 2013.]

²⁴ 杨洁篪：“国际政治中的中国外交”，北京：中国传媒大学出版社，[Ян Цземьянь, Китайская дипломатия в международной политике. Пекин, Издательство Китайского коммуникационного университета, 2005. 475 с.]; 杨洁篪：“新时期中国外交思想、战略和

исследовали инновации в дипломатической практике, а также рассмотрели влияние национальной идеологии и принципы международного сотрудничества на внешнюю политику страны.

Западные исследования китайской дипломатии сосредоточены на нескольких ключевых направлениях. Во-первых, значительное внимание уделяется теоретическим основам международных отношений и роли Китая в изменяющейся мировой системе. В данном контексте авторы рассматривают дипломатическую стратегию КНР через призму транснациональных классов и структуру мировой элиты. Этому направлению посвящены работы М. Мерль²⁵, Кес ван дер Пила²⁶ и др. Во-вторых, такие авторы, как Э.Дж. Джонстон²⁷, А. Кент²⁸, С.М. Эван²⁹, изучают участие Китая в международных институтах и организациях, а также его подход к глобальному управлению.

Во *вторую группу*, необходимо, прежде всего, выделить научные исследования, посвященные теоретическому осмыслению вопросов гуманитарной сферы во внешней политике стран. До сих пор остается открытым вопрос выработки и принятия единого понятийного аппарата и теоретических основ внешней культурной дипломатии. Поэтому наибольший интерес с точки зрения степени разработки проблемы представляют труды, посвященные теоретическим аспектам международных культурных связей, внешней культурной политике,

практической инновации». 国际问题研究, [Ян Цземьянь. Исследовательские инновации в китайской дипломатической мысли, стратегии и практике в новую эпоху // Исследования по международным вопросам, 2015(01), С. 17-28].

²⁵ Merle, M. *Sociology of International Relations* / Translator: D. Parkin. Berg Publishers, 1992.

²⁶ Pijl, K. van der. *Global Rivalries: From the Cold War to Iraq*. Pluto Press, 2006. 279 p.; Jorgensen, K.E. *International Relations Theory: A New Introduction*. Palgrave Macmillan, 2010. 338 p.; Pijl, K. van der. *The Making of an Atlantic Ruling Class*. Verso Books, 2012. 302 p.; Pijl, K. van der. *Transnational Classes and International Relations*. L.: Routledge, 1998. 341 p.

²⁷ Johnston A.J. *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton University Press. 2008. 385 p.

²⁸ Kent A. *China's Participation in International Organisations. Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy* / Y. Zhang, G. Austin (eds). Australian National University Press. 2013. P. 132–166.

²⁹ Evan S. Medeiros. *China's International Behavior: Activism, Opportunism, and Diversification*, Santa Monica: RAND Corporation. 2009. 82 p.

культурной дипломатии. К их числу относятся работы Н.М. Боголюбовой, К.П. Боришполец, О.В. Лебедевой, К.М. Табаринцева-Романовой и др.³⁰.

В китайском научном сообществе вопросы роли культуры в международных отношениях и ее практическом применении в двусторонних и многосторонних контактах изучают Сюй Сяньмэй, Цзинь Синь, Цзя Мэнцян, Цао Вэй, Чжао Кэцин, Ван Хайюнь и др.³¹. Особое внимание авторы уделяют феномену публичной дипломатии, которая представляет опору для официальной дипломатической деятельности.

Проблему значимости китайской традиционной культуры в государственной стратегии внешнеполитического развития поднимали Ван Хунин³², Чжао Линьдун³³, Шу Цзюнь³⁴, Цао Айцзюнь, Чэнь Сы³⁵ и другие.

³⁰ Бахриев Б.Х., Боришполец К.П. "Мягкая сила" негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов // Вестник Томского государственного университета. 2022. №. 481. С. 66-76; Николаева Ю.В., Боголюбова Н.М. Межкультурная коммуникация в 2 ч. СПб: СПбГУ. 2020. 276 с.; Лебедева О.В. Концептуальные основы культурной политики России на современном этапе: основные цели и задачи //Международная жизнь. 2020. №. 9. С. 34-43; Нагорная О.С. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945-1989. М.: РОССПЭН. 446 с.; Фокин В.И. Культурная дипломатия СССР 20-30-х годов XX в. в современной информационной войне // Межкультурный диалог в современном мире. СПб: Скифия-принт. 2022. С. 47-55.

³¹ 徐向梅.俄罗斯公共外交体系建设及对西方的公共外交 // 西伯利亚研究 [Сюй Сяньмэй. Построение системы публичной дипломатии в России и публичной дипломатии в отношениях с Западом // Сибирские исследования]. 2020. Vol. 47 (04). P. 19-117; 廖宏斌. 公共外交: 国际经验与启示 // 当代世界与社会主义 [Ляо Хунбинь. Публичная дипломатия: международный опыт и вдохновение // Современный мир и социализм]. 2009. Vol. 1. P. 50-61; 金新,贾梦茜. 中美公共外交博弈: 叙事构建与策略选择 // 国际展望 [Цзинь Синь, Цзя Мэнцян. Китайско-американская игра в публичную дипломатию: построение повествования и стратегический выбор // Международные перспективы]. 2021. Vol.13(06). P. 10-33; 曹玮、赵可金. 合法性塑造及中国公共外交 // 国际政治科学研究 [Цао Вэй и Чжао Кэцин. Формирование легитимности и китайская публичная дипломатия // Международная политическая наука. 2013. № 2. P. 70-81.

³² Ван Хунин. Культура как национальная мощь: мягкая сила. Вестник Фуданьского университета. 1993 (王沪宁. 作为国家实力的文化:软权力. 复旦大学学报. 1993).

³³ 赵林栋. 传统文化与文化软实力. 攀登 [Чжао Линьдун. Традиционная культура и «мягкая сила». Журнал «Новые высоты»]. 2014.

³⁴ 舒俊. 中国文化软实力研究的回顾与思考. 文化软实力 [Шу Цзюнь. Ретроспектива и размышления об изучении «мягкой силы» китайской традиционной культуры. Журнал «Мягкая сила» культуры]. 2017.

³⁵ 曹爱军, 陈思. “一带一路”背景下中华文化“走出去”研究. 石家庄经济学院学报 [Цао Айцзюнь, Чэнь Сы. Выход китайской культуры на мировой уровень на фоне стратегии «Пояс и путь». Журнал Шичзячжуанского экономического университета]. 2016.

Культурный аспект внешнеполитического влияния является в китайском экспертном сообществе достаточно распространенной темой для обсуждения и дискуссий. В связи с чем существует и точка зрения, которой придерживаются такие китайские исследователи, как Янь Сюэтунь³⁶, которые считают, что культурная компонента не является образующей в вопросах построения положительного имиджа страны за рубежом и не может быть единственной формой воздействия в случае необходимости наращивания совокупной мощи страны.

В западном научном сообществе подход к изучению гуманитарных факторов во внешней политике сформировался с 1990 г., когда профессор Гарвардского университета Дж. Най впервые ввел в научный оборот термин «мягкая сила»³⁷, данный феномен является объектом внимания многих видных ученых, представителей разных политологических воззрений. Так, изучением силы имиджа страны как средства достижения внешнеполитических целей в разные времена занимались такие западные исследователи-теоретики, как С. Анхольт³⁸, Дж. Галларотти³⁹, Р. Дувалл⁴⁰, М. Леонард⁴¹, С. Льюкас⁴², Н. Фергюссон⁴³ и многие другие.

К *третьей группе* следует отнести работы, в которых изучается особенности применения гуманитарной помощи в китайской внешней политике, а также факторы, источники и инструменты «мягкой силы» Китая.

³⁶ 颜声毅. 当代中国外交. 上海: 复旦大学出版社 [Янь Шэньи. Современная китайская дипломатия. Шанхай: Издательство университета Фудань]. 2004. 301 с.

³⁷ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 370 p.

³⁸ Anholt S. Soft Power // Internationale Politik 1, Januar/Februar 2014. P. 48–53.

³⁹ Gallarotti G. Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism, NY: Cambridge University Press, 2010. 307 p.; Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why It's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. 2011. P. 25–47.

⁴⁰ Duval R. Power in global governance. Cambridge University Press, 2005. 368 p.

⁴¹ Leonard M., Stead, C. Smewing, C. Public Diplomacy. London: The Foreign Policy Centre, 2002. 302 p.

⁴² Lukes S. Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power. Millennium // Journal of International Studies June. 2005 Vol. 33. P. 477–493.

⁴³ Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. London, Penguin books, 2004. 400 p.

Китайский язык как фактор продвижения интересов на внешнеполитической арене в разное время изучали такие исследователи, как Чжоу Яньфэй⁴⁴, Дун Сюэфэн⁴⁵, Е Инь⁴⁶, Гао Цзиньпин, Го Чжиэнь⁴⁷. Важный вклад в понимание роли китайского образования во внешнеполитическом дискурсе внес Лянь Дасян⁴⁸, который подробно описал в своей работе зависимость распространения китайского культурно-экономического влияния от числа Институтов Конфуция в регионе. Автор утверждает, что изучение китайского языка иностранцами способствует повышению уровня принятия китайской культуры.

Среди специалистов, изучавших потенциал «мягкой силы» образовательной помощи КНР, можно отметить И.Г. Актамова, Т.Б. Бадмацыренова⁴⁹, Е.А. Антюхову⁵⁰, Т.Л. Гурулеву⁵¹ и других. Из китайских исследователей можно выделить Ван Юэчуань, Чжан Сипин, Чжан Ухуа⁵² и других.

⁴⁴ 周燕飞. 基于国际中文教育视角的“文化走出去战略”探究 // 文化创新比较研究 [Чжоу Яньфэй. Изучение «Глобальной стратегии развития культуры» с точки зрения международного китайского образования. Журнал «Сравнительные исследования культурных инноваций»]. 2020. С. 43-51.

⁴⁵ 董学峰. 国家语言战略背景下的汉语国际推广研究 // 东北师范大学出版社 [Дун Сюэфэн. Исследование международного продвижения китайского языка в контексте национальной языковой стратегии. Издательство Северо-Восточного педагогического университета]. 2016. С. 56-67.

⁴⁶ 叶英. 从外媒报道看孔子学院的海外形象 // 四川大学学报(哲学社会科学版) [Е Инь. Взгляд на имидж институтов Конфуция за рубежом через призму иностранных СМИ. Журнал Сычуаньского университета (философия и социальные науки)]. 2015. С. 76-84.

⁴⁷ 高金萍, 郭之恩. 孔子学院与公共外交 // 中国文化研究 [Гао Цзиньпин, Го Чжиэнь. Институты Конфуция и публичная дипломатия. Журнал «Культурология Китая»]. 2013. С. 45-57.

⁴⁸ 连大祥. 孔子学院对中国出口贸易及对外直接投资的影响 // 中国人民大学学报 [Лянь Дасян. Влияние институтов Конфуция на экспортную торговлю Китая и прямые иностранные инвестиции. Журнал Китайского университета Жэньминь]. 2012. С. 14-29.

⁴⁹ Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. № 3. С. 45-56.

⁵⁰ Антюхова Е.А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика и геополитика. 2019. С. 13-29.

⁵¹ Гурулева Т.Л. «Мягкая сила» китайского образования в России // Азия и Африка сегодня. 2020. С. 45-60.

⁵² 王岳川, 张西平, 张梧华. 教育: 国家软实力提升的助推器 [Ван Юэчуань, Чжан Сипин, Чжан Ухуа. Образование: стимул для совершенствования национальной «мягкой силы»] // MOE China. 2013. URL:

В работах Е.В. Журавлевой, О.В. Зиневич, С.В. Кривохиж, Н.В. Селезневой⁵³ проводится анализ концепции «мягкой силы» в китайском дискурсе и во внешнеполитической деятельности КНР, указываются специфические ее особенности и варианты толкования.

Обращение к работе В.Б. Кашина, А.С. Королева и А.С. Пятачковой⁵⁴ позволило рассмотреть концептуальные основы китайской помощи внешнему миру, чтобы оценить ее эффективность на примере стран Африки и Юго-Восточной Азии как главных реципиентов китайского содействия.

Российские исследователи, включая З.Э. Гомбоин⁵⁵, Н.А. Журавель⁵⁶, С.В. Михневич⁵⁷, В.А. Смирнову⁵⁸ и др., анализируют внешнюю помощь КНР преимущественно через призму инструментальной логики, рассматривая ее как ключевой элемент стратегии «мягкой силы» и механизм защиты экономических интересов.

В рамках исследований, посвященных роли Китая в глобальном управлении, гуманитарная активность рассматривается как один из инструментов расширения влияния страны на международные нормы в таких

http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/s7093/s7193/s7196/s7197/201303/t20130318_148753.html (дата обращения: 02.02.2025).

⁵³ Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. №. 2. С. 178-192; Журавлева Е.В. Система "мягкой силы" с китайской спецификой и ее особенности // Политические процессы в условиях смены экономической модели. 2016. С. 140-151; Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. М. 2022. Vol. 15. № 6. С. 36–54.

⁵⁴ Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 204-218.

⁵⁵ Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. 2023. Выпуск №6. С. 48-58.

⁵⁶ Журавель Н. А. Реализация "мягкой силы" КНР в XXI веке (на примере предоставления гуманитарной помощи) //Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2018. С. 814-819.

⁵⁷ Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая //Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. №. 2. С. 95-129.

⁵⁸ Смирнова В.А. Китай в глобальной архитектуре гуманитарной помощи // Азия и Африка сегодня. 2022. № 3. С. 43-49.

областях, как содействие международному развитию, концепции «ответственность по защите» и урегулирование конфликтов. Ученые Н. Вудс⁵⁹, П. Ротманн⁶⁰, Р. Тхакур и др. отмечают, что подход Китая к этим вопросам заметно отличается от позиций ведущих развитых стран, особенно в отношении гуманитарных интервенций и международной помощи.

Другое направление исследований вопросов внешней помощи КНР фокусируется на внутренних факторах, формирующих китайский взгляд на гуманитарные вопросы. В этом контексте особое значение придается культурным особенностям, историческому опыту и урокам, извлеченным из прошлого, особенно в связи со стихийными бедствиями. В этом направлении работали М. Хироно⁶¹, П. Йофантонг⁶², Л. Гонг⁶³ и др.

Китайские исследователи, такие как Сюй Цзиньцян⁶⁴, Ян Чжуан⁶⁵, Го Юй, Ван Ло⁶⁶, Чэнь Гао, Ван Цзяцин⁶⁷, Чжуан Лу, Ли Цзянань, Цао Ци и др.⁶⁸,

⁵⁹ Woods N. Whose aid? Whose influence? China, emerging donors and the silent revolution in development assistance // *International Affairs*. 2008. Vol. 84(6). P. 1205–1221.

⁶⁰ Rotmann P, Kurtz G., Brockmeier S. Major powers and the contested evolution of a responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol. 14(4). P. 355–377.

⁶¹ Hirono M. Impact of China's decision-making processes on international cooperation: cases of peace keeping and humanitarian assistance/disaster relief // *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74(1). P. 54–71.

⁶² Yeophantong, P. China and disaster governance: Assessing the domestic sources of a global responsibility // *Journal of Chinese Political Science*. 2016. Vol. 21(2). P. 241–255.

⁶³ Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 238–252.

⁶⁴ 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 p.

⁶⁵ 外交学: 理论与实践 / 杨闯等著 [Дипломатия: теория и практика, под ред. Ян Чжуан и др.]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe. 2018. 321 с.

⁶⁶ 郭语,王涿.中国对外援助的演进、逻辑与历史经验[Го Юй, Ван Ло. Эволюция, логика и исторический опыт внешней помощи Китая] // 当代中国与世界 [Современный Китай и мир]. 2025. Vol. 01. P. 109-117.

⁶⁷ 陈高,王嘉庆. 新发展理念视角下中国对外援助与受援国高质量发展 [Чэнь Гао, Ван Цзяцин. С точки зрения новой концепции развития, иностранная помощь Китая и качественное развитие стран-получателей] // 湖北经济学院学报 [Журнал Хубэйской школы экономики]. 2025. Vol. 23 (01). P. 5-19.

⁶⁸ 庄露,李嘉楠,曹淇.基础设施援助与工业发展——来自中国对外援助的经验证据 [Чжуан Лу, Ли Цзянань, Цао Ци. Инфраструктурная помощь и промышленное развитие -

в своих трудах анализируют внешнюю помощь КНР как комплексный стратегический инструмент, исследуя ее роль в интеграции стран-реципиентов в глобальные цепочки создания стоимости, ее идеологическое обоснование в рамках официальной парадигмы развития, историческую эволюцию и практическую эффективность, особенно в сфере инфраструктуры, что в совокупности формирует теорию уникальной китайской модели содействия международному развитию, тесно связанной с экономическими и внешнеполитическими целями государства.

В целом стоит отметить, что проблематика диссертационного исследования в российской, китайской и западной научной литературе нашла свое отражение, однако комплексного и глубокого анализа феномен не получил. В то же время в китайской литературе недостатка научных статей и публикаций, раскрывающих природу и мотивацию китайской «мягкой силы» не наблюдается. Высокая публикационная активность китайских исследователей приводит к дискуссиям по некоторым вопросам, что позволяет провести исследование, опирающееся на разные точки зрения и подходы.

Объект исследования: гуманитарная составляющая внешней политики КНР с 1978 по 2025 годы.

Предмет исследования: этапы, направления и формы предоставления гуманитарной помощи Китаю.

Цель диссертационного исследования – определить особенности реализации программ гуманитарной помощи как политического инструмента внешней политики КНР на рубеже XX – XXI веков.

В диссертации поставлены следующие **задачи:**

- проанализировать процесс формирования и идеологические основы системы гуманитарной помощи КНР на начальном этапе существования государства (1949–1978 гг.).

эмпирические данные о внешней помощи Китая] // 南开经济研究 [Нанкайские экономические исследования]. 2025. Vol. 01. P. 183-200.

- исследовать трансформацию принципов и механизмов гуманитарной политики Китая под влиянием курса реформ и открытости (1978–2001 гг.).

- охарактеризовать стратегические цели и приоритеты гуманитарной помощи Китая на современном этапе его развития (2002–2025 гг.).

- определить ключевые программы и особенности экономического измерения помощи КНР, а также ее роль в сфере здравоохранения и медицинского образования.

- рассмотреть проекты в области культуры и образовательных программ как центральный элемент народной дипломатии и инструмент укрепления имиджа Китая.

- выявить влияние геополитических факторов и глобальных инициатив (ОПОП, ШОС, ФОРУМ FOCAC) на фокус, масштабы и механизмы предоставления гуманитарной помощи КНР.

- оценить эффективность гуманитарной помощи Китая как инструмента формирования позитивного международного имиджа и укрепления его положения в системе глобального управления.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1978-2025 гг. Нижняя граница исследования обусловлена важным историческим значением 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося 18-22 декабря 1978 г. в Пекине, на котором было принято историческое решение о провозглашении курса на модернизацию страны. Верхняя граница исследования определена 2025 г., поскольку в данном году председатель КНР Си Цзиньпин в ходе заседания ШОС+ представил Инициативу глобального управления, в которой концептуально расширил рамки гуманитарной помощи и укрепил ее легитимность в международной системе.

Источниковая база исследования. Решение поставленных задач стало возможно, благодаря тщательному анализу широкого круга источников на русском и китайском языках. Источники, используемые для разработки темы, по видовому признаку условно можно разделить на: нормативно-правовые, делопроизводственные, публицистические, статистические.

Основными и наиболее важными для данного исследования стали *нормативно-правовые документы* Китая и России, включающие Конституцию КНР 1982 г.⁶⁹ и постановления Министерства культуры КНР⁷⁰, которые позволили проанализировать процесс модернизации культурной составляющей китайской внешней политики. Изучение Конституций Китая позволило определить основные ценности и принципы внешней политики государства, специфику деятельности государственных органов власти и распределение властных полномочий внутри внешнеполитических вопросов.

Закон КНР об образовании от 18 марта 1995 г.⁷¹ является основным документом об образовании в КНР в 1990-х гг. и позволяет изучить государственную политику в области образования в тот период, что актуально не только для исследования российско-китайского образовательного сотрудничества, но и комплексного анализа гуманитарных связей РФ и КНР.

Кроме отмеченных выше документов, большого значения для проведения исследования имели многосторонние⁷² и двусторонние⁷³ соглашения КНР с

⁶⁹ 中华人民共和国宪法 [Конституция КНР]. 14.06.2005. / 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 10.01.2025).

⁷⁰ 文化部关于学习和贯彻《营业性演出管理条例》的通知 [Уведомление Министерства культуры об изучении и внедрении "Положения об организации коммерческих представлений"]. URL: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49625.htm (дата обращения: 15.01.2025); 文化部关于加强文化市场统计工作的通知 [Уведомление Министерства культуры об усилении статистической работы на культурном рынке]. URL: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49707.htm (дата обращения: 15.01.2025).

⁷¹ 《中华人民共和国教育法》（1995年3月18日第八届全国人民代表大会第三次会议通过，1995年9月1日起施行）["Закон Китайской Народной Республики об образовании" (принят на Третьей сессии Восьмого Всекитайского собрания народных представителей 18 марта 1995 года и введен в действие 1 сентября 1995 года)]. URL: http://www.qinquanfa.com/t_content.asp?Id=639 (дата обращения: 23.11.2024).

⁷² United Nations. Treaty Series. India and People's Republic of China: Agreement (With Exchange of Notes) On Trade and Intercourse Between Tibet Region of China and India. P. 70. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf> (дата обращения: 10.05.2024); Final Communiqué of the Asian-African conference of Bandung. 24 April 1955 // CVCE. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/final_communique_of_the_asian_african_conference_of_bandung_24_april_1955-en-676237bd-72f7-471f-949a-88b6ae513585.html (дата обращения: 11.01.2025).

⁷³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 10.10.2023).

партнерами по культурно-гуманитарному сотрудничеству. Данные источники создали нормативно-правовую базу для культурно-гуманитарного сотрудничества.

Автор также обращался к концептуальным документам китайской гуманитарной политики. Так белая книга «Иностранная помощь Китая» (2011 г.)⁷⁴ отражает принципы, инструменты, формы и направления внешней помощи, предоставляемой КНР. Белая книга «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху» (2021 г.)⁷⁵ раскрывает принципы китайской внешней помощи, ориентированной на сотрудничество «Юг-Юг» и поддержку развивающихся стран.

Не менее важными стали *делопроизводственные* документы, к которым можно отнести отчеты Государственного совета о работе правительства ⁷⁶, которые позволили рассмотреть представленность культурно-гуманитарного вектора в деятельности государственных структур. Учитывая специфику государственного управления в Китае, автор обращался к партийным документам, среди которых Устав КПК⁷⁷, решения и постановления ЦК КПК⁷⁸,

⁷⁴ 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. 101 с.

⁷⁵ "Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху" (полный текст) // Информационное бюро Государственного Совета Китайской Народной Республики]. 2021. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130669.html (accessed: 25.08.2025).

⁷⁶ 1983年国务院政府工作报告 [Отчет Государственного совета о работе правительства за 1983 год] // 中央政府门户网站 [Портал Центрального правительства]. 16.02.2006. URL: https://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_200823.htm (дата обращения: 31.01.2025); 中国现代化报告2001. 北京:京大学出版社 [Отчет о модернизации Китая за 2001 год. Пекин: Издательство Пекинского университета]. 2001. 10 р.

⁷⁷ 中国共产党章程 [Устав Коммунистической партии Китая]. 22.10.2022. URL: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/> (дата обращения 20.12.2024).

⁷⁸ 中共中央关于深化文化体制改革推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важных вопросов, связанных с углублением реформы культурной системы и содействием значительному развитию и процветанию социалистической культуры] // 中央政府门户网站 [Центральный Правительственный портал]. 25.10.2011. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2011-10/25/content_1978202.htm (дата обращения 07.12.2024).

а также планы и проспекты ЦК КПК⁷⁹ в областях гуманитарного характера. Кроме того, автор изучил Устав Института Конфуция⁸⁰ для оценки эффективности данного инструмента гуманитарного сотрудничества.

Для решения поставленных задач автор обращался к документам международных гуманитарных организаций, позволяющих сделать вывод о характере взаимодействия с ними КНР. Так автором были проанализированы документы ЮНЕСКО, ФАО, МЭА, ВОЗ, МККК и др.⁸¹.

Для анализа гуманитарной помощи Китая в рамках ШОС автор обращался к документам данной Организации. В частности, в «Хартии Шанхайской Организации Сотрудничества»⁸² диссертант подчеркнул основы многостороннего взаимодействия стран-членов ШОС.

Особое значение имели Планы действий Форума сотрудничества Китай-Африка (FOCAC), в которых отражены программы гуманитарной помощи

⁷⁹ 中共中央 国务院印发《生态文明体制改革总体方案》 // 中国政府网 [Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали "Общий план реформирования системы экологической цивилизации" // Китайская правительственная сеть]. 2015. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2015/content_2941157.htm (дата обращения: 31.01.2025).

⁸⁰ 孔子学院章程 [Устав Института Конфуция]. 2013. URL: https://wenku.baidu.com/view/2c9024237375a417866f8fb0.html?fr=aladdin664466&ind=1&aigcsid=0&qtype=0&lcid=1&queryKey=%E5%AD%94%E5%AD%90%E5%AD%A6%E9%99%A2%E7%AB%A0%E7%A8%8B&verifyType=0&_wks_=1738048710756&bdQuery=%E5%AD%94%E5%AD%90%E5%AD%A6%E9%99%A2%E7%AB%A0%E7%A8%8B&needWelcomeRecommand=1&unResetStore=1 (дата обращения: 11.01.2025).

⁸¹ South-South Cooperation: Our Partners / FAO. URL: <https://www.fao.org/partnerships/south-south-cooperation/our-partners/en/> (дата обращения: 01.02.2025); Our work in China / ICRC. URL: <https://www.icrc.org/en/where-we-work/china> (дата обращения: 01.02.2025); Renewables 2022. Analysis and forecast to 2027 // International Energy Agency. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/ada7af90-e280-46c4-a577-df2e4fb44254/Renewables2022.pdf> (дата обращения: 31.03.2025); 教科文组织世界文化多样性宣信. 巴黎:教科文组织 [Письмо о декларации Всемирного культурного разнообразия ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО]. 2001. 7 с.; Towards a Health Silk Road / WHO. 2017, August 18. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/towards-a-health-silk-road> (дата обращения: 11.01.2025).

⁸² Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества // Президент РФ. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (accessed: 10.09.2025).

странам Африки, которые КНР декларирует в рамках данного формата регионального взаимодействия⁸³.

Публицистические источники включают в себя речи, выступления, интервью, заявления политических лидеров КНР: выступление председателя КНР Ху Цзиньтао в Йельском университете 22 апреля 2006 г., выступление Си Цзиньпина на 75-й сессии ГА ООН⁸⁴, речи, доклады, выступления Дэн Сяопина⁸⁵, доклад Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК, выступление Си Цзиньпина на XIX съезде КПК и др. Ценная информация о формировании основ гуманитарного вектора внешней политики КНР была получена из концептуальных деклараций⁸⁶ и межгосударственных заявлений⁸⁷, а также из трудов и выступлений Дэн Сяопина, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпина и др.⁸⁸.

⁸³ Forum on China-Africa Cooperation-Addis Ababa Action Plan (2004-2006) // Secretariat of the Forum on China-Africa Cooperation. 2003. URL: http://www.focac.org.cn/eng/zywx_1/zywj/200909/t20090925_7933568.htm (accessed 13.07.2025); Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025-2027) // State Council. 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html (accessed 13.07.2025).

⁸⁴胡锦涛. 在美国耶鲁大学的演讲 // 人民日报 [Ху Цзиньтао, выступление в Йельском университете// People's Daily] 23.04.2006. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2006-04/22/content_260592.htm (дата обращения: 31.12.2024); 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК]. [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1 /2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения: 04.03.2021).

⁸⁵Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Дэн Сяопин. - Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз., 1987. - 217 с.; Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин, 1985.

⁸⁶ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm (дата обращения: 15.01.2025); Астанинская декларация десятилетия ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 18-22.

⁸⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху / Президент РФ. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 30.01.2025).

⁸⁸Дэн Сяопин. Мир и развитие - две крупные проблемы современного мира // Основные вопросы современно го Китая. М.: Политиздат. 1988. 325 с.; 胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话 [Выступление Ху Цзиньтао на саммите, посвященном 60-летию Организации Объединенных Наций] // 中央政府门户网站 [Центральный Правительственный портал]. 16.09.2005. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (дата обращения: 31.12.2024); 文化强国，习近平总书记强调坚定文化自信 // 新华网 [Являясь культурным лидером, Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул важность укрепления культурной уверенности в себе // Синьхуа]. 20.06.2023.

Четвертую группу составляют статистические данные, подготовленные различными государственными или частными структурами. Так, автор опирался на статистику, собранную Академией туризма Китая⁸⁹ и Отделом управления образованием Китайского общества высшего образования для иностранных студентов⁹⁰. Обращение к государственному бюджету КНР позволило сделать вывод о финансовом потенциале китайских программ внешней помощи⁹¹.

Таким образом, источниковая база данного исследования является достаточно репрезентативной, что позволило автору решить поставленные задачи и достичь намеченной цели.

Методология исследования. С точки зрения теоретического обоснования изучения проблем и перспектив международной гуманитарной помощи автор опирался на *теорию комплексной взаимозависимости* в интерпретации китайского ученого директора Института китайской национальной специфики Университета Цинхуа Ху Аньгана⁹². Данная теория рассматривает современное развитие КНР как часть глобального процесса углубления взаимосвязанности государств в сферах экономики, торговли, инвестиций, гуманитарного обмена и международного управления. Обращение к идеям Ху Аньгана позволяет анализировать гуманитарную

URL: http://www.news.cn/politics/xxjxs/2023-06/20/c_1129707594.htm (дата обращения: 10.01.2025); 习近平在中非领导人对话会上的主旨讲话（全文）// 新华网 [Основная речь Си Цзиньпина на диалоге лидеров Китая и Африки (полный текст)// Синьхуа]. 25.08.2023. URL: http://www.news.cn/world/2023-08/25/c_1129823246.htm (дата обращения: 10.01.2025).⁸⁹中国旅游研究院、携程发布《2017出境旅游大数据报告》[Академия туризма Китая опубликовала Большой статистический отчет по туризму за 2017 г.]. 01.03.2018. URL: <http://www.ctaweb.org/html/2018-2/2018-2-26-11-57-78366.html> (дата обращения: 03.01.2025).

⁹⁰ 2023年全国来华留学生数据统计 // 中国高等教育学会外国留学生教育管理分会 [Статистика национальных иностранных студентов, приезжающих в Китай в 2023 году // Отдел управления образованием Китайского общества высшего образования для иностранных студентов]. 2024. URL: <http://www.cafsa.org.cn/> (дата обращения: 11.01.2025).

⁹¹ 2018年中央本级支出预算表 [Государственный бюджет КНР за 2018 год]. URL: http://yss.mof.gov.cn/2018zyys/201804/t20180403_2859400.html (дата обращения: 03.02.2025).

⁹² Hu Angang. China in 2020: A New Type of Superpower. Washington: Brookings Institution Press. 2011. 213 pp.

помощь не как инструмент соперничества держав, а как закономерное следствие растущей интеграции Китая в мировые процессы, а также как форму участия в преобразовании глобальной системы.

Быстрый рост КНР, углубление ее включенности в глобальные рынки и участие в международных институтах формируют устойчивые сети взаимосвязей, в рамках которых Китай получает расширение пространства развития, доступ к международным ресурсам, каналы долгосрочного сотрудничества, основанные на практической кооперации, а не на политическом давлении. В этой методологической перспективе гуманитарная помощь рассматривается как один из важнейших механизмов, через который Китай превращает взаимозависимость во взаимовыгодное сотрудничество, а гуманитарные инициативы Китая интерпретируются не как инструмент одностороннего влияния, а как выражение стремления к многостороннему, взаимозависимому и устойчивому глобальному развитию.

Методы исследования. В работе был применен ряд общенаучных и специально-исторических методов исследования. Общенаучные методы – это совокупность методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, единства исторического и логического. Благодаря данным методам, было изучено развитие и существующее положение культурно-гуманитарного сотрудничества как политического инструмента внешней политики КНР.

В данном исследовании был использован *системный метод* анализа гуманитарной помощи Китая как внешнеполитического инструмента. Данный метод представляет собой набор взаимосвязанных элементов, которые характеризуются определенными целями, ресурсами и отношениями с внешней средой. В рамках *институционального метода* были проанализированы особенности функционирования институтов предоставления гуманитарной помощи в сфере здравоохранения, образования и в различных областях экономики. Особое внимание уделено государственным учреждениям, общественным и профессиональным организациям, которые играют важную роль в реализации этой политики.

Сравнительный метод использовался для сопоставления особенностей культурной дипломатии и гуманитарной помощи при разных председателях КНР для анализа общего и специфичного в их подходах.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– дана целостная периодизация эволюции гуманитарной помощи Китая как процесса институционализации и адаптации. Доказано, что развитие китайской модели внешней помощи проходило в три этапа: от идеологически ориентированной поддержки в 1949–1978 гг. к рыночным механизмам и контрактной системе в 1978–2001 гг., а затем к комплексной стратегии XXI в., ориентированной на человеческий капитал, социальное развитие и международное партнерство;

– уточнено и концептуально обосновано, что принципы равенства, взаимной выгоды и отсутствия политических условий составляют неизменное ядро гуманитарной политики КНР. В отличие от существующих исследований, в работе показано, каким образом сохранение этих принципов при их гибкой интерпретации в различных исторических условиях обеспечило устойчивость и привлекательность китайской модели по сравнению с западными подходами;

– установлено, что гуманитарная помощь Китая выполняет двойственную функцию, сочетая задачи внешнеполитического инструмента и внутреннего развития страны. Впервые на широком историческом материале доказано, что внешняя помощь КНР не только укрепляла ее международный авторитет, но и служила стимулом для развития промышленности, внедрения рыночных механизмов и продвижения китайских технологий на глобальные рынки, формируя комплексную модель взаимного усиления внутреннего и внешнего потенциала;

– выявлена специфика китайской модели международной помощи, заключающаяся в ее многоуровневости (сочетании грантов, беспроцентных ссуд и льготных кредитов с проектной и гуманитарной поддержкой), а также уточнены географические и отраслевые приоритеты КНР в оказании международной помощи: особое внимание уделяется Африке и Азии, а

ключевыми сферами становятся здравоохранение, образование, сельское хозяйство и инфраструктура;

– выявлен и концептуализирован трансформационный характер инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в гуманитарной сфере. Отмечено, что ОПОП эволюционировал из экономико-инфраструктурного проекта в комплексную платформу гуманитарного взаимодействия и институционализации норм устойчивого развития, продвигаемых Китаем. Его взаимосвязь с ЦУР ООН легитимизирует инициативу в глобальном масштабе, создавая новую, не западную модель связки развития и гуманитарного сотрудничества

– введен в научный оборот ряд новых аутентичных китайских источников по проблеме предоставления гуманитарной помощи Китаем в современной дипломатической практике Китая.

Положения, выносимые на защиту.

1. На первоначальном этапе развития КНР (1949–1978 гг.) была сформирована особая модель гуманитарной помощи, базирующаяся на идеологических принципах социалистического интернационализма, равенства государств, невмешательства во внутренние дела и отказа от политических условий при оказании поддержки. Эта модель носила ярко выраженный ценностно-нормативный характер и была направлена на поддержку стран, ведущих борьбу за независимость и социально-экономическое развитие. Несмотря на ограниченность материальных ресурсов, Китай сумел создать базовые организационные структуры внешней помощи, выработать ключевые принципы взаимодействия с партнерами и заложить фундамент институциональной и идеологической базы, определившей долгосрочную эволюцию гуманитарной политики страны.

2. В период политики реформ и открытости (1978–2001 гг.) гуманитарная помощь КНР претерпела качественную трансформацию: произошло смещение от идеологически мотивированной поддержки к прагматичной, экономически ориентированной модели сотрудничества.

Основной акцент был сделан на принципах взаимной выгоды, эффективности и долгосрочного партнерства. В этот период активно внедрялись рыночные механизмы, формировались новые формы взаимодействия (включая тендерные процедуры и смешанные модели финансирования), что способствовало институционализации системы внешней помощи, ее структурированию и интеграции в общую стратегию экономического развития и внешнеполитической активности КНР.

3. На современном этапе (2002–2025 гг.) гуманитарная помощь Китая приобрела комплексный и многомерный характер. Ее стратегические цели расширились и включают развитие человеческого капитала, модернизацию систем здравоохранения и образования, а также поддержку устойчивого социально-экономического развития стран-партнеров. Гуманитарная политика стала органичной частью глобальной дипломатической стратегии КНР, направленной на усиление международного влияния, расширение участия в глобальном управлении и формирование устойчивых взаимозависимостей с государствами глобального Юга.

4. Экономическое измерение гуманитарной помощи Китая характеризуется опорой на масштабные инфраструктурные проекты, предоставление льготных кредитов, развитие технического сотрудничества и реализацию программ социально-экономической модернизации. Особое значение приобретает сектор здравоохранения: Китай активно направляет медицинские миссии, участвует в строительстве больниц, поставляет медикаменты и оборудование, а также реализует программы подготовки медицинских кадров. В результате медицинская помощь и образование в сфере здравоохранения стали одним из ключевых направлений гуманитарной активности КНР, способствующих укреплению ее международного авторитета.

5. Культурно-образовательное сотрудничество выступает центральным элементом гуманитарной политики Китая и важнейшим инструментом формирования долгосрочных каналов народной дипломатии.

Реализация стипендиальных программ, академических обменов, подготовки специалистов и проектов культурного взаимодействия способствует распространению китайского языка и культуры, укреплению межобщественных связей и формированию позитивного восприятия Китая за рубежом. Данные инициативы создают устойчивую основу для развития партнерских отношений на межгосударственном и общественном уровнях.

6. Геополитические факторы и участие Китая в глобальных и региональных инициативах оказывают существенное влияние на масштабы и направления гуманитарной помощи. Такие платформы, как «Один пояс, один путь», ШОС и Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОСАС), формируют институциональную среду для координации проектов, расширения сотрудничества и продвижения китайской модели международной помощи. В рамках этих инициатив гуманитарная политика интегрируется в более широкие стратегические цели КНР, включая экономическую экспансию и укрепление политического влияния.

7. Гуманитарная помощь Китая является важным инструментом формирования позитивного международного имиджа и укрепления его позиций в системе глобального управления. Активное участие в решении гуманитарных проблем, развитие сотрудничества в формате «Юг–Юг», создание специализированных фондов и участие в многосторонних механизмах способствуют росту доверия к КНР. В результате Китай укрепляет свою роль как одного из ключевых акторов формирующейся многополярной мировой системы.

8. Гуманитарная помощь КНР представляет собой синтез традиционных ценностных установок и современных инструментов глобального управления, формируя уникальную модель международного содействия развитию. Эта модель сочетает принципы невмешательства и уважения суверенитета с прагматичным использованием экономических и институциональных механизмов, что позволяет Китаю предлагать альтернативный западным подход к международной помощи. В условиях

трансформации мировой системы данная модель способствует усилению роли КНР как инициатора новых норм и практик международного сотрудничества, ориентированных на взаимную выгоду, развитие и многополярность.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она углубляет научные знания об историческом опыте гуманитарных отношений Китая с зарубежными странами. Представленные факты и выводы являются важным вкладом в изучение данной проблемы, а также особенностей китайского культурно-гуманитарного сотрудничества с 1978 года. Кроме того, диссертационное исследование вносит свой вклад в теорию и практику культурной дипломатии, межцивилизационной коммуникации, а также в разработку новых подходов к анализу диалога культур, культурной дипломатии и гуманитарных отношений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при подготовке научных трудов о глобализации, диалоге культур и публичной (народной) дипломатии Китая. Результаты исследования могут быть полезны для китайских и российских вузов и официальных органов власти, занимающихся международным культурно-образовательным сотрудничеством, а также для представителей предпринимательских кругов, работающих на китайском рынке туризма, образования и культуры. Материалы диссертации послужат основой для дальнейшей оптимизации внешнеполитического сотрудничества Российской Федерации и КНР, а также могут быть использованы для написания монографий, учебных пособий, разработки учебных дисциплин по истории Китая, внешней и культурно-гуманитарной политики КНР, а также истории международных отношений.

Апробация работы. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в пяти научных публикациях диссертанта, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень РUDN.

Структура исследования. Структура диссертационной работы определяется целью и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1: ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ КИТАЯ

1.1. Формирование основ гуманитарной помощи Китая (1949–1978 гг.)

Когда речь заходит о Китае в контексте международной помощи, в глобальном сообществе его часто называют «новым донором», подразумевая, что он лишь недавно начал активно участвовать в этом процессе⁹³. Однако в действительности Китай начал оказывать помощь развивающимся странам практически одновременно с западными государствами⁹⁴. Еще в 1950-х годах Китай начал предоставлять материальную поддержку Корейской Народно-Демократической Республике и Вьетнаму, и с тех пор на протяжении более 60 лет продолжает оказывать иностранную помощь.

Первый этап приходится на период от основания Нового Китая в 1949 г. до периода реформ и открытости. На данном этапе закладывались основы механизмов оказания гуманитарной помощи и формулировались основы ее предоставления. Второй этап продолжался с конца 1970-х до конца 1990-х годов. На этом этапе Китай выдвинул на первый план основной принцип «равенства», и экономическое значение иностранной помощи вышло за рамки требований идеологических интересов. С 2000-х гг. в связи с усилением экономической мощи Китая и формированием его дипломатической стратегии, в которой особое внимание уделялось “взаимовыгодному сотрудничеству и совместному развитию”, Китай как нетрадиционный донор постепенно привлек к себе международное внимание, и, таким образом, иностранная помощь Китая вступила в третью стадию всестороннего развития.

⁹³ Woods, N. Whose aid? Whose influence? China, emerging donors and the silent revolution in development assistance // *International Affairs*. Vol. 84. № 6. 2008. P. 19; Lixia T. et al. China's Foreign Aid:-History, Current Situation and Challenges // *Journal of International Development Cooperation*. 2013. Vol. 8. №. 4. P. 11-28.

⁹⁴ Fuchs A., Rudyak M. The motives of China's foreign aid // *Handbook on the international political economy of China*. 2019. P. 392.

С первых лет своего существования Китай строил свою внешнюю помощь на принципах интернационализма и гуманизма, а не ради извлечения прямой выгоды. Основой этой позиции было стремление поддержать народы, борющиеся за свободу и равенство, особенно тех, кто сталкивается с таким же угнетением, какое переживал китайский народ. Мао Цзэдун подчеркивал, что народы, добившиеся освобождения, должны помогать другим в их борьбе — это и есть выражение интернационалистской ответственности⁹⁵.

В 1950-х гг. главной задачей внешней помощи Китая была поддержка народов, стремящихся к политической и экономической независимости. Китай оказывал помощь Северной Корее и Вьетнаму в их борьбе за освобождение, а затем расширил это направление на страны Азии, Африки и Латинской Америки. Особое внимание уделялось поддержке антиколониальных движений в Африке. После обретения этими странами независимости, Китай начал помогать им в восстановлении экономики и в достижении экономической самостоятельности.

Премьер Чжоу Эньлай сформулировал внешнюю помощь Китая как способ укрепления социалистического лагеря, содействие строительству социализма в дружественных странах, поддержка освободившихся государств в развитии и укреплении независимости, а также помощь в борьбе против империализма. Он подчеркивал, что содействие другим странам в укреплении их позиций приносит пользу и самому Китаю, ослабляя влияние империалистических держав⁹⁶.

Таким образом, политика Китая в сфере внешней помощи изначально базировалась на двух ключевых принципах:

1. Освободившийся от внешнего господства Китай стремился поддержать другие угнетенные народы в их борьбе за независимость и в

⁹⁵ Talks of Chairman Mao Zedong at the Meeting of African Friends // People's Daily, August 9, 1963.

⁹⁶ Zhou E. Government work report by Premier Zhou Enlai at the first session of the third National People's Congress // People's Daily. 31 Dec 1964. P. 4.

последующем экономическом развитии. Это также позволяло самому Китаю преодолевать международную изоляцию.

2. Как развивающаяся страна Китай видел в поддержке других государств часть глобальной борьбы за справедливый международный порядок. Оказание помощи воспринималось как способ самосовершенствования.

Идеи Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая определили общий подход Китая к международным отношениям и внешней помощи: интернационализм, ориентация на сотрудничество с другими развивающимися странами и стремление к совместному развитию. Они подчеркивали, что помощь должна основываться на взаимной выгоде и учитывать как интересы получателей, так и интересы Китая.

Для реализации этих целей требовалась четкая организационная структура. Несмотря на то, что Новый Китай находился в тяжелом экономическом положении — слаборазвитой промышленностью и сельскохозяйственным укладом — он стремился создать эффективную систему внешней помощи. Сначала помощь предоставлялась в виде материальных ресурсов и небольших денежных сумм, а ее администрирование осуществлялось через специально созданные государственные органы. В 1952 году было учреждено Министерство внешней торговли, отвечавшее за координацию проектов помощи, а также за организацию работы импортно-экспортных компаний, реализующих соответствующие программы.

Позднее Китай начал оказывать более масштабную и комплексную помощь — например, участвуя в восстановлении инфраструктуры (железных дорог, мостов, портов) в странах, пострадавших от войн. Это потребовало более сложной системы управления. В 1954 году была внедрена модель координации между двумя органами: Министерством внешней торговли, которое занималось переговорами и материальной реализацией, и Государственной плановой комиссией, которая координировала помощь по различным отраслям через соответствующие ведомства.

Эта система позволила Китаю постепенно перейти от простой материальной поддержки к более сложным формам сотрудничества, направленным на устойчивое развитие партнерских стран. После Азиатско-африканской конференции, состоявшейся в Бандунге в 1955 г., объекты внешней помощи Китая распространились с соседних стран на другие развивающиеся страны, особенно на Африку, которым Китай в основном оказывал экономическую, техническую и военную помощь. В частности, строительство железной дороги Танзания-Замбия стало знаковым событием в сфере внешней помощи Китая.

В начале существования КНР система внешней помощи Китая отличалась централизованностью и скоординированной организацией. В 1958 году, с ростом масштабов помощи, была введена так называемая «общая система поставок», при которой за реализацию конкретных проектов отвечали профильные министерства. Они координировали все — от проектирования и снабжения до обучения персонала. Например, Министерство путей сообщения руководило железнодорожными проектами, а другие ведомства участвовали как поддерживающие. Для комплексных задач, таких как адаптация техники к местным стандартам или перевод документации, создавались специальные координационные группы. Иногда в реализацию проектов вовлекались местные органы власти. Эта структура находилась под совместным управлением Министерства внешней торговли и Государственной плановой комиссии. В 1960 году для централизованного управления была создана Комиссия по внешней торговле и экономике⁹⁷.

Такая система позволила эффективно мобилизовать ресурсы в условиях слабой промышленной базы и огромной территории, обеспечив реализацию стратегических задач Китая и интернационалистских обязательств. Ее главные черты — строгая плановость и согласованные действия различных структур.

⁹⁷ Shi L. Foreign economic cooperation of modern China. Beijing: China Social Sciences Press. 1989. P. 56.

После разрыва с СССР в 1960-х Китай переориентировал свою внешнюю политику на укрепление связей с развивающимися странами Азии и Африки. В этот период помощь КНР стала важным инструментом международной дипломатии и способом преодоления изоляции со стороны Запада.

Чтобы упорядочить подход к оказанию помощи, в 1964 году премьер Чжоу Эньлай сформулировал «Восемь принципов внешней помощи»⁹⁸, которые стали основой китайской политики в этой сфере. Среди них:

1. Равенство и взаимная выгода.
2. Отсутствие политических условий или требований.
3. Облегчение финансового бремени для стран-получателей.
4. Поддержка саморазвития и самостоятельности.
5. Проекты с малым бюджетом и быстрым эффектом.
6. Поставка качественного китайского оборудования.
7. Обучение специалистов стран-получателей.
8. Равные условия для китайских экспертов — без особых привилегий.

Чжоу Эньлай официально представил эти принципы в январе 1964 года во время встречи с президентом Ганы Кваме Нкрумой, а позже — на заседании Всекитайского собрания народных представителей⁹⁹.

Эти принципы стали отличительной чертой китайской помощи, резко контрастируя с подходами западных стран, которые зачастую навязывали политические условия и сохраняли неравноправные отношения. Китай же подчеркивал партнерство, уважение к суверенитету и практическую поддержку, что вызывало положительный отклик у стран, особенно бывших колоний¹⁰⁰. В целом, можно сказать, что «Восемь принципов» не только легли

⁹⁸ People's Daily, April 26, 1964. URL: <https://8964museum.com/time/en/t-d13-002/> (accessed: 25.08.2025).

⁹⁹ Zhou E. Government work report by Premier Zhou Enlai at the first session of the third National People's Congress // People's Daily. 31 Dec 1964. P. 6.

¹⁰⁰ Records of the interview with the former director of the Department of Foreign Assistance, Li Chengwei, in 2007.

в основу международной помощи КНР, но и стали выражением ее дипломатической философии — сочетания интернационализма, прагматизма и стремления к равноправному сотрудничеству.

Чтобы внедрить «Восемь принципов» в практику внешней помощи, Китай выстроил четкую управленческую систему, обеспечивающую соблюдение принципов равенства, взаимной выгоды, невмешательства и интернационализма. В 1960-х–1970-х гг. система «общих поставок» была реформирована: в 1964 году Управление торговли и экономики преобразовали во Внешнеэкономическую комиссию, а в 1970 г. было создано Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества (对外贸易经济合作部). С 1971 г. ключевые участники проектов стали называться «строительными подрядчиками» и «координирующими сторонами». Подрядчики — профильные министерства — отвечали за реализацию проектов, включая координацию с региональными органами власти.

С ростом числа проектов появились стандарты безопасности и организации труда. Ответственные министерства издавали документы с техническими и управленческими требованиями, чтобы обеспечить единый уровень исполнения и соблюдение духа равноправия. Особое внимание уделялось поведению китайского персонала за рубежом: он должен был быть скромным, уважительным, избегать высокомерия и великодержавного поведения¹⁰¹.

Премьер-министр Чжоу Эньлай лично следил за соблюдением этих принципов. Он подчеркивал, что истинная дружба строится не на показной помощи, а на искренности, скромности и уважении к местной культуре. Он выступал против того, чтобы китайские специалисты считали себя выше

¹⁰¹ Compilation team of Biography of Fang Yi. Biography of Fang Yi. People's Publishing House. 2008. P. 51.

местных партнеров. В случае нарушений принципов Чжоу вмешивался лично, вплоть до публичных замечаний и дисциплинарных мер¹⁰².

Такой подход подчеркивал, что «внешняя помощь Китая — это не только материальная поддержка, но и работа над человеческими отношениями», уважением и взаимопониманием. Этот компонент сыграл ключевую роль в формировании позитивного имиджа Китая. Благодаря этому подходу, китайские специалисты вызывали доверие у правительств стран-получателей. Например, Хо Ши Мин называл китайского представителя Фан И своим «главным советником».

В итоге успех китайской помощи объясняется не только ее масштабами, но и тем, как тщательно подходили к реализации проектов, взаимодействию с местным населением и воплощению духа равенства и взаимного уважения.

В тот период внешняя помощь Китая способствовала не только международным связям, но и стимулировала развитие внутренней промышленности. Система внешней помощи, основанная на сотрудничестве между «строительными подрядчиками» и «координирующими сторонами» под управлением Комиссии по внешней торговле и экономике, была тесно связана с плановой экономикой. Это позволило оперативно адаптировать внутреннее производство под нужды внешней помощи и эффективно решать возникающие организационные и производственные задачи.

Так, производство запчастей и оборудования, которые иначе пришлось бы закупать за рубежом по высокой цене, налаживалось внутри страны. Проекты по поставке техники для стран-получателей стимулировали научные разработки и технологические усовершенствования, учитывающие климатические и региональные особенности зарубежных партнеров. В итоге внешний спрос стал двигателем прогресса внутри Китая, укрепляя производственные и инженерные мощности.

¹⁰² Zhou B. Diplomatic Career at the extraordinary period (Sept 1964–Jan 1982), 1st edn. World Knowledge Publishing House. 2004. P. 69-71.

Хотя в 1964 г. Китай официально провозгласил «Восемь принципов» помощи — на основе равенства и без политических условий — на практике внешняя помощь все еще в значительной степени служила политико-идеологическим интересам и не всегда учитывала экономическую целесообразность¹⁰³. Китай практически не получал встречной помощи и действовал односторонне, часто предоставляя поддержку сверх своих возможностей. В 1971–1978 гг. он выделил 29,66 млрд юаней в помощь 68 странам¹⁰⁴. В 1973 г. расходы на помощь достигли 5,58 млрд юаней — 7,2% госбюджета, что превышало долю аналогичной помощи даже в более богатых и развитых странах¹⁰⁵.

Несмотря на внутренние вызовы периода становления административно-командной системы (вторая половина 1950-х – 1970-е годы), Китай оказывал значительную поддержку развивающимся государствам. Эта помощь, направленная на обретение ими независимости и экономическое развитие, стала фундаментом для прочных и долгосрочных дружественных отношений между странами¹⁰⁶.

Если говорить о количественных показателях, то стоит отметить, что в период 1949–1978 гг. общий объем иностранной помощи Китая составил 18,49 млрд юаней, что соответствовало 3,45 % государственных расходов и 0,99 % ВВП страны. Наиболее интенсивным периодом стала первая половина 1970-х — например, в 1973 г. расходы на помощь достигли 5,58 млрд юаней (7,2 % госбюджета)¹⁰⁷.

¹⁰³ Zhang Qingmin. From the 'nationalism' to the 'mutual benefits': the change to the policy of China's foreign aid // *Motherland*. 2010. №2. P. 12.

¹⁰⁴ Li Xiaoyun. Can the Foreign Aid of China and the West Donors be Complementary in International Development? Unpublished. 2013. P. 31.

¹⁰⁵ Zhang Yongpeng. International Development Cooperation and Africa - Comparative Study of the Aid to Africa Provided by China and Western Countries // *Social Sciences Academic Press*. 2013. P. 21-22.

¹⁰⁶ Карлусов В.В., Ярков Д.А. Внешняя помощь Китая: эволюция стратегии, основные формы и источники финансирования // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. Том 14. № 7А. С. 168-181.

¹⁰⁷ National Data // National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 10.10.2025).

Таким образом, в период 1949–1978 гг. в Китае были заложены прочные организационные, идеологические и практические основы гуманитарной помощи, которые отличались от западных моделей своей интернационалистской направленностью, акцентом на равенство и отказом от политических условий. В условиях сложной внутренней обстановки и ограниченных ресурсов КНР не только разработала эффективную систему внешней помощи, но и использовала ее как инструмент дипломатии, внутреннего развития и укрепления международного авторитета. Эти усилия сформировали уникальный подход Китая к оказанию помощи развивающимся странам, который продолжает влиять на его внешнюю политику и по сей день.

1.2. Трансформация гуманитарной политики КНР со времени принятия политики реформ и открытости (1978–2001 гг.)

После 3 пленума Центрального комитета КПК 11-го созыва Китай начал масштабные экономические реформы, повлекшие за собой структурные и политические изменения, затронувшие и сферу внешней помощи. Тем не менее, основные принципы внешней помощи КНР остались неизменными.

После «Культурной революции» в апреле 1974 г. Дэн Сяопин возглавил делегацию на специальной сессии Генассамблеи ООН, где подтвердил «Восемь принципов» помощи, предложенных Чжоу Эньлаем: помощь должна быть основана на равенстве и взаимной выгоде, без политических условий; кредиты предоставляются на льготных условиях, с возможностью отсрочки или списания долгов; техническая помощь должна быть практичной и доступной; китайские специалисты обязаны обучать местное население, уважать законы и обычаи, не требовать привилегий и не нарушать местные законы¹⁰⁸.

Коммюнике 3-го пленума закрепило курс на развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества с другими странами, освоение как

¹⁰⁸ Han N. Contemporary Diplomacy in China. China Social Sciences Publishing House. 1988. P. 54.

внутренних, так и внешних ресурсов, и обучение управлению внутренним развитием и внешнеэкономическими связями. Эти принципы легли в основу новых подходов Китая к внешней помощи¹⁰⁹.

Дэн Сяопин в своих выступлениях подчеркивал три ключевых момента:

1. Внешняя помощь — стратегическая задача; несмотря на собственные трудности, Китай будет помогать другим странам.

2. Чтобы внести большой вклад в развитие человечества, Китай должен сначала развить собственную экономику.

3. Китай, как и другие развивающиеся страны, нуждается в поддержке западных государств для собственного развития.

Дэн открыто объяснял партийному руководству и международным партнерам необходимость реформирования внешней помощи. Он подчеркивал: «Мы должны сократить расходы, но эффективно помогать», «Окажем больше помощи при меньших затратах»¹¹⁰. Китай начал активно использовать международную помощь: в 1979 году стал партнером ПРООН и Всемирного банка, а также начал получать помощь от Японии и Германии, став крупнейшим получателем помощи в мире¹¹¹.

Сокращение расходов на внешнюю помощь и принятие помощи от западных стран не означали отказа Китая от принципиальных позиций в этой сфере. Столкнувшись с непониманием внутри страны, Дэн Сяопин подчеркивал, что внешняя помощь — стратегически важная статья расходов. Он настаивал на необходимости патриотического и интернационального

¹⁰⁹ Compilation of Important Documents since the Third Plenary Session // CCCPC Party Literature Research Office. 1982. P. 5.

¹¹⁰ Shi L. Foreign economic cooperation of modern China. Beijing: China Social Sciences Press. 1989. P. 62.

¹¹¹ В 1994 году Китай получил помощь на общую сумму 3,2 млрд долл. США, что сделало его крупнейшей страной-получателем помощи в мире. См. Davies, P. China and the End of Poverty in Africa—towards mutual benefit? Sundbyberg: Diakonia. 2007. P. 33.

воспитания населения и говорил: даже став развитым государством, Китай должен считать себя частью третьего мира и помогать бедным странам¹¹².

В 1980 году Госсовет Китая пересмотрел политику внешней помощи, подтвердив приверженность «восьми принципам», интернационализму и взаимовыгодному сотрудничеству. В 1983 году были предложены четыре новых принципа: равенство и взаимная выгода, прагматизм, разнообразие форм и совместное развитие¹¹³. Это стало дополнением к прежним идеям с упором на реализм и эффективность. Китай продолжал оказывать помощь в рамках своих возможностей и одновременно принимать ее от других стран, развивая механизмы управления этими процессами¹¹⁴.

Реформа внешней помощи велась в духе «восьми принципов» — речь шла не о радикальном изменении, а об уточнении и улучшении. Признавались ошибки — например, неспособность стран-получателей использовать предоставленные мощности, случаи коррупции. Это подталкивало к более эффективным подходам.

После 3 пленума ЦК КПК 11-го созыва основное внимание в реформах внешней помощи уделялось корректировке политики, методов и системы управления. В 1979–1982 гг. расходы на помощь были строго ограничены, их доля в бюджете снижена с 6–7%. При этом Дэн Сяопин настаивал на повышении качества помощи при меньших затратах¹¹⁵.

Изменения коснулись и методов: например, страны-получатели стали оплачивать «местные расходы». Это позволяло контролировать расходы и вовлекать партнеров в управление проектами, обучая их основам

¹¹² Speech by Deng Xiaoping at the talks with the Malian President Dioncounda Traoré: China will still be a third-world country—even after it has become a developed country in the future // People's Daily, June 22, 1986.

¹¹³ Chen M. Open a new situation offoreign economy and trade. People's Daily, 20 Sept 1982.

¹¹⁴ Zhou H, Zhang J, Zhang M. Foreign aid in China. Social Sciences Academic Press. 2007. P. 47.

¹¹⁵ Zhou H. China's foreign aid and 30-year reform and opening-up // World Econ. 2008. Pol 12. P. 4.

экономического планирования и создавая условия для самостоятельного развития.

Реформа внешней помощи Китая включала смену направлений инвестиций. Учитывая уровень развития стран-получателей, Китай сократил помощь в производственные проекты и стал финансировать строительство символических объектов — дворцов, стадионов, больниц, конференц-залов. Эти проекты проще в администрировании и менее затратны, что снижало нагрузку на Китай и повышало устойчивость результатов.

Позже акцент сместился на поддержку средних и малых объектов, связанных с нуждами населения: сельские школы, базовая инфраструктура. Китай отправлял специалистов, предоставлял оборудование, приглашал на обучение в Китай.

Если раньше преобладали крупные "проектные" формы помощи — до 60–70%, то теперь внимание сместилось к равноправному сотрудничеству. Ранее Китай сам проектировал, снабжал материалами и направлял кадры для строительства, пуско-наладки и обучения. Эти проекты называли «под ключ» или «дача рыбы», но они страдали от проблем устойчивости¹¹⁶. Получатели не всегда могли поддерживать работу объектов из-за нехватки кадров и систем управления. Поэтому акцент сместился на обучение и передачу знаний — «учить ловить рыбу», а не просто «давать рыбу».

В 1984 г. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества (对外贸易经济合作部) КНР утвердило документ, предписывающий усиливать техническое сотрудничество после завершения проектов, включая совместное управление и создание СП с местными структурами. Часто страны могли расплачиваться своей валютой, которую Китай использовал для инвестиций на месте.

Примером стало сотрудничество с Мали: в 1960–70-х годах Китай построил там несколько сахарных заводов, но из-за слабого управления они

¹¹⁶ Records of talks of the Chinese expert team for the TAZARA Railway on January 24, 2008.

были убыточны. В 1984 году стороны заключили соглашение о совместном управлении. Китайская компания улучшила агротехнику, наладила ремонт оборудования, оптимизировала производство и внедрила систему ответственности. Однако из-за общего отставания экономики Мали, износа техники и других факторов, проект столкнулся с ограничениями. В итоге была применена схема «кредит в обмен на долю» и совместное управление.

С 1979 г. расходы Китая на внешнюю помощь сократились, но содержание и формы помощи стали разнообразнее и ближе к нуждам населения. Сотрудничество развивалось от простой технической помощи до комплексного — включая управленческое, консультационное и создание совместных предприятий.

Изменение содержания и форм внешней помощи Китая повлекло за собой реформу методов и системы управления. В 1979 году Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества КНР ввело систему контрактных отношений, регулиующую ответственность за производство, снабжение, эксплуатацию и сбыт. Это способствовало улучшению управления, экономическому расчету и внедрению рыночных механизмов.

С 1980 года началось внедрение системы генерального подрядчика по инвестициям для проектов внешней помощи. Это стало ключевой реформой: сокращались масштабы помощи, изменялись методы, и предприятия, а не государственные органы, стали главными исполнителями проектов. Государство больше не могло управлять проектами административными мерами и стало обращаться напрямую к предприятиям, готовым участвовать на рыночных условиях. Система централизованного административного контроля постепенно демонтировалась¹¹⁷.

С 1982 года управление внешней помощью перешло в ведение Министерства внешнеэкономических связей и торговли. В рамках рыночной реформы была внедрена «система фиксированных инвестиций» — вся

¹¹⁷ Shi L. Foreign economic cooperation of modern China. Beijing: China Social Sciences Press. 1989. P. 89.

ответственность за проект передавалась одному подрядчику (министерству, региону или предприятию). Подрядчик получал автономию в рамках внешнеполитических и финансовых ограничений, а финансирование фиксировалось в контракте. Эта система применялась к различным типам проектов — от строительства до поставки оборудования и обучения.

Цель реформ — упростить управление, передать ответственность и активизировать исполнителей. Однако в условиях слабого рынка и доминирования монополий возникали проблемы: завышенные расходы, отсутствие конкуренции и экономического учета.

Позже появилась более продвинутая форма — «система ответственности подрядчика». С 1983 года предприятия получали больше автономии и работали на принципах самоокупаемости. Контракты стали заключаться на конкурсной основе. Подрядчики несли ответственность за сроки, стоимость и качество, могли заключать субподряды и самостоятельно распоряжаться доходами. Эта система придала гибкость, усилила экономический подход и позволила развивать более эффективные формы сотрудничества.

Министерство при этом продолжало формировать политику, вести переговоры, утверждать бюджеты, проводить тендеры и следить за реализацией. Подрядчики занимались технической частью, проектированием, контролем качества и документацией. Таким образом, полномочия в области финансов, управления и кадров постепенно передавались на уровень подрядчиков¹¹⁸.

Внедрение системы тендеров и «ответственности подрядчика» на основе рыночных принципов заменило прежнюю административную модель управления внешней помощью Китая. Это стало важной реформой структуры, форм и организации внешней помощи. Китайские органы, занимавшиеся внешней помощью, перешли от административной роли к координационной и

¹¹⁸ Shi L. Foreign economic cooperation of modern China. Beijing: China Social Sciences Press. 1989. P. 90-93.

рыночно-управленческой. Полноценная тендерная система была внедрена лишь в 1990-х годах¹¹⁹.

В 1982 г. в рамках реформ госаппарата были объединены министерства внешней торговли и внешнеэкономических связей, а в 1985 г. полномочия по реализации проектов были частично переданы корпорации Complant. В 1993 г. она стала независимой компанией. Министерство отвечало за координацию, отбор подрядчиков и контроль, а Complant — за непосредственную реализацию проектов¹²⁰.

С переходом к социалистической рыночной экономике усилилась роль рыночных механизмов, что дало импульс развитию, но также породило проблемы: как совмещать политические задачи помощи с экономической выгодой. В 1990-х гг. усилилось влияние глобального рынка, включая приватизацию в странах-получателях, что повлияло на китайские проекты.

Китай стал заключать совместные предприятия с развивающимися странами, чтобы сохранить эффективность проектов. В 1994 году была создана Shangkala Sugar Co. в Мали — первое предприятие, где помощь трансформировалась в долю капитала. Китай получил 60% акций, взял на себя долги и обеспечил рост числа сотрудников до 7000 человек. Аналогично поступили с текстильной фабрикой в Мали, передав 80% акций китайской компании, что позволило списать долги и создать рыночную форму сотрудничества.

Однако приватизация — не универсальное решение. Так, проект железной дороги Танзания-Замбия (TAZARA), построенный в 1970-х при китайской помощи, из-за высоких расходов и изменения геополитики оказался убыточным. Его приватизация обсуждалась десятилетиями, но столкнулась с трудностями.

¹¹⁹ Jiang Z. Accelerate the pace of reform, opening up and modernization construction to win a greater victory in the cause of socialism with Chinese characteristics. In: Report delivered at the Fourteenth National Congress of the Communist Party of China // People's Daily, 21 Oct 1992.

¹²⁰ Song K. China's foreign aid architecture in a transitional period, 1964–1976 // Journal of Asian Architecture and Building Engineering. 2022. Vol. 21. № 2. P. 234-248.

Тем не менее, рыночные подходы помогли оживить проекты, находившиеся на грани банкротства, и придали новое направление внешней помощи — акционерное сотрудничество. Китайские предприятия начали инвестировать в такие проекты, как торговые центры, сборочные производства и сельхозтехника. Это способствовало более тесной интеграции интересов Китая и стран-получателей¹²¹.

С усилением глобализации, Китай стал активно использовать свои кадровые и технологические ресурсы, а развивающиеся страны — природные. Возникли новые формы долгового взаимодействия, когда старые долги трансформировались в доли в совместных предприятиях. Китайские компании помогали наладить управление и обучение кадров в этих странах.

Таким образом, внешняя помощь Китая эволюционировала от политического инструмента к долгосрочному экономическому партнерству, охватывая энергетику, инфраструктуру, транспорт и промышленность, оказывая значительное влияние на развитие развивающихся стран.

С 1993 г. в Китае произошли значительные изменения в системе управления внешней помощью, связанные с рыночными реформами. Главное нововведение — расширение масштабов помощи за счет предоставления льготных кредитов. Идея возникла после Токийской конференции по развитию Африки в 1993 г., где африканские страны выразили желание перейти от традиционной межправительственной помощи к инвестициям и внешней торговле. Это совпадало с китайским опытом: в начале реформ международная помощь была важным источником валюты, но затем ее заменили инвестиции¹²².

В рамках административной реформы китайское правительство стало сокращать контроль, передавать полномочия предприятиям и усиливать рыночные механизмы. С 1995 г. Китай начал предоставлять льготные

¹²¹ Li P. Markets and regulation: economic diary of Li Peng, vol I, II, and III. Xinhua Publishing House. 2007.

¹²² Wang Y. Three decades of transformation of China's foreign relations. Social Sciences Academic Press. 2008. P. 168-169.

государственные кредиты через созданный Экспортно-импортный банк Китая (Exim Bank). Кредиты субсидировались за счет бюджетных средств и предоставлялись на выгодных условиях: процентная ставка не выше 5%, срок — до 15 лет¹²³.

Льготные кредиты использовались для финансирования производственных проектов, закупки оборудования, в том числе за рубежом, и покрытия местных расходов в странах-получателях. Благодаря этому были построены заводы, экспортировано оборудование с китайскими технологиями. Процедура оформления включала одобрение Госсоветом, подписание межправительственного соглашения и рассмотрение конкретных проектов Exim Bank.

Новый механизм вызвал критику на Западе, но китайские льготные кредиты соответствуют международной практике и служат инвестиционным целям, особенно в стратегических сферах: энергетике, транспорте, телекоммуникациях. Китай не рассматривал сами кредиты как помощь, учитывая только субсидии. Льготные кредиты стали инструментом объединения государственных и частных средств, мобилизуя ресурсы как Китая, так и стран-получателей¹²⁴. Они способствовали созданию совместных предприятий, технологической кооперации и передаче управленческого опыта. Также это расширило зону многостороннего сотрудничества Китая с развивающимися странами.

В 1990-х гг. началась реформа органов управления внешней помощью. В соответствии с принципом «разделения государства и предприятий», предприятия, ранее управлявшие проектами, были выведены из подчинения министерствам и стали независимыми. За ними закрепили ответственность за прибыль и убытки. Министерство внешней торговли и экономики сохраняло

¹²³ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. *Compilation of Rules and Regulations on Foreign Aid Management (1958–2004)* // Department of Foreign Assistance. 2005. P. 2.

¹²⁴ Zhou H. *China's foreign aid and 30-year reform and opening-up* // *World Econ.* 2008. Vol 12. P. 6.

функции по разработке политики и регулированию, а Exim Bank отвечал за реализацию льготного кредитования и других направлений помощи.

С расширением проектов китайской внешней помощи в социальную и гуманитарную сферы увеличилось число участвующих организаций, усложнились процедуры и появилась необходимость в новом регулировании. Департамент внешней помощи стал определять квалификацию компаний для участия в тендерах. Ранее более 100 «международных компаний» были формальными представителями провинций, а сами проекты выполнялись реальными подрядчиками по субподряду. Однако с рыночными реформами реальные компании начали требовать прямого участия в конкурсах. В ответ была внедрена система квалификационного отбора, включая аудиты и проверку смет, что позволило участвовать и частным предприятиям.

Административное вмешательство постепенно сократилось, усилилась роль профессиональных процедур. Помимо основных министерств (иностраннных дел, финансов, торговли), в процесс внешней помощи вовлеклись новые участники — от планирования и переговоров до финансирования и исполнения. В 1998 г. штат Департамента внешней помощи был сокращен до 64 человек (в среднем — 4 страны на одного сотрудника). Ситуация улучшилась после создания в 2003 г. Бюро международного экономического сотрудничества, которое занялось управлением на этапах после утверждения проекта. До утверждения проектами продолжал заниматься Департамент внешней помощи.

С началом привлечения рыночных ресурсов в 1990-х гг. возникла необходимость в нормативной базе. В 1992 г. были приняты ключевые регламенты, включая правила по системе подрядной ответственности. Они закрепляли автономию подрядчиков, исключали политическую или техническую ответственность государства за подрядчика, ускоряли строительство и повышали эффективность проектов. Подрядчики отбирались

на конкурсной основе: если сумма превышала 10 млн юаней — через тендер, иначе — по переговорной процедуре¹²⁵.

Китай продолжал придерживаться принципов равенства в помощи и учитывал запросы стран-получателей, принимая решения после экспертных проверок. Участие рыночных игроков разрешалось на стадии реализации. Это сделало процесс более сложным, но гибким. Бюро международного сотрудничества координировало рыночные структуры, а Департамент внешней помощи взаимодействовал с министерствами (МИД, Минфин, Минсельхоз, Минобробразования и др.), регионами и банками.

С 1993 г. начали официально действовать системы «ответственности генерального подрядчика» и «ответственности надзора». Министерство торговли (тогда — внешней торговли и экономики) через тендеры выбирало проектировщиков, строителей и надзорные органы. Все стороны работали на местах: проектная группа, подрядчик и надзор присутствуют в странах-получателях. Несмотря на трудности, это был шаг в сторону рыночной децентрализации и взаимного контроля.

Бюджет на внешнюю помощь ежегодно формировался министерствами, утверждался Минфином, Госсоветом и Всекитайским собранием народных представителей. Затем осуществлялся контроль исполнения бюджета, в том числе со стороны Контрольно-ревизионного управления КНР (中华人民共和国审计署). Таким образом, Китай выстроил систему внешней помощи, основанную на рыночных механизмах и многоуровневом управлении.

В 1990-е годы, в ходе перехода к социалистической рыночной экономике, Китай реформировал систему внешней помощи, диверсифицируя источники финансирования. В 1993 году был создан Фонд для поддержки совместных предприятий, частично финансируемый за счёт возвращаемых беспроцентных кредитов и направленный на стимулирование участия китайского малого и

¹²⁵ Xiaoyun L., Jin W. China's Foreign Aid: Historical Evolution, Architecture and Challenges //Emerging Asian Approaches to Development Cooperation. 2017. P. 27.

среднего бизнеса в зарубежных проектах. «С 1995 года Экспортно-импортный банк Китая начал предоставлять льготные кредиты, что расширило финансовые каналы и сместило акцент на укрепление потенциала стран-партнёров, включая масштабную подготовку их кадров. Важным этапом стало создание в 2000 году Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в качестве ключевой платформы для диалога. Эти меры позволили Китаю существенно нарастить объёмы и повысить результативность своей внешней помощи»¹²⁶.

Если говорить о количественных показателях, то стоит отметить, что «после начала реформ, Китай существенно сократил масштаб гуманитарной помощи (по сравнению с предыдущим этапом), переориентировав ее на более рациональную и взаимовыгодную основу. За этот этап общий объем помощи составил 20,01 млрд юаней, но доля в общих расходах упала до 0,42 %, а в ВВП — до 0,06 %»¹²⁷.

Таким образом, в период с 1978 по 2001 гг. гуманитарная политика Китая претерпела глубокую трансформацию: от идеологически мотивированной помощи к прагматичному и структурированному экономическому партнерству. Основываясь на принципах равенства, взаимной выгоды и реализма, КНР адаптировала свою внешнюю помощь к новым внутренним и международным условиям, внедрив рыночные механизмы, диверсифицировав формы сотрудничества и усилив эффективность реализации проектов. Эти реформы позволили не только сохранить международное влияние Китая, но и создать устойчивую модель взаимодействия с развивающимися странами, которая сочетала политические интересы с экономической рациональностью.

¹²⁶ Карлусов В.В., Ярков Д.А. Внешняя помощь Китая: эволюция стратегии, основные формы и источники финансирования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 168-181.

¹²⁷ National Data // National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 10.10.2025).

1.3. Стратегия гуманитарной помощи Китая в периоды управления КНР Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина (2002–2025 гг.)

В XXI в. вопрос внешней помощи Китая вступил в период стремительного развития. Объемы финансирования внешней помощи демонстрируют двузначные темпы роста. Кроме того, направления и формы предоставления помощи были оперативно скорректированы и усовершенствованы. Особое внимание стало уделяться проектам, связанным с обеспечением социальных нужд населения и международной гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях, а также непрерывному улучшению системы и механизмов управления внешней помощью.

В период управления Китаем Ху Цзиньтао (2002-2011 гг.) одним из важных направлений гуманитарной помощи стали страны Африки. Данное направление получило важный импульс, когда в 2000 г. в Пекине состоялась министерская конференция в рамках Форума сотрудничества Китай–Африка (FOCAC), в которой приняли участие министры иностранных дел и уполномоченные представители 44 стран, установивших дипломатические отношения с Китаем. В ходе конференции были приняты Пекинская декларация FOCAC и Программа китайско-африканского сотрудничества в области экономического и социального развития, которые стали программой действий и руководством для Китая и других развивающихся стран в XXI веке. В Пекинскую декларацию были включены предложения Китая, в том числе принципы равенства и взаимной выгоды, разнообразие форм и направлений помощи, стремление к эффективному развитию и разрешению разногласий мирным путем. Это закрепило базовые принципы и курс на равенство, сотрудничество и совместное развитие между Китаем и Африкой и отразило общий консенсус о создании нового долгосрочного партнерства, основанного на стабильности, равенстве и взаимной выгоде.

Программа китайско-африканского сотрудничества в области экономического и социального развития определяет конкретные направления

и меры взаимодействия Китая и африканских стран в экономике, торговле и других сферах. В частности, Китай впервые предложил списать или освободить от выплат долги на сумму 10 млрд юаней, которые были накоплены 32 странами с наибольшим уровнем задолженности и наименее развитыми странами¹²⁸. Были выделены средства для поощрения инвестиций в Африку со стороны мощных китайских компаний с хорошей деловой репутацией, а также учрежден фонд развития человеческих ресурсов Африки, предназначенный для подготовки профессиональных кадров.

Параллельно с увеличением объемов внешней помощи Китаем в адрес Африки, другие направления китайско-африканских экономических связей также демонстрировали стремительное развитие. На первой конференции FOCAC Китай и страны Африки заключили контракты на реализацию 20 совместных проектов на сумму свыше 300 миллионов долларов США. Объем торгового оборота между Китаем и Африкой в 2000 году составлял 11 миллиардов долларов, в 2006 г. — 55 миллиардов, а в 2011 году достиг 166,3 миллиарда долларов¹²⁹. Совокупный объем прямых китайских инвестиций в Африку превысил 15 миллиардов долларов. Начиная с 2002 года, китайские инвестиции в Африке начали расти стремительными темпами: к концу 2010 года объем накопленных инвестиций составил 13,04 миллиарда долларов, что в 8,2 раза превышает показатель 2005 года¹³⁰.

С количественной точки зрения, объемы внешней помощи Китая ежегодно значительно увеличиваются. Среднегодовой темп увеличения внешней помощи с 2000 по 2021 гг. составил в среднем 14.73%¹³¹. Однако в сравнении с темпами роста национальной экономики Китая доля внешней

¹²⁸ Среди стран, которым были списаны долги, – Ангола, Руанда, Ботсвана, Конго, Замбия, Мальдивы, Кения.

¹²⁹ Samy, Y. China's Aid Policies in Africa: Opportunities and Challenges, The Round Table // The Commonwealth Journal of International Affairs. 2010. Vol. 99. № 406. P. 75-90.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Global Chinese Development Finance Dataset, Version 3.0. // AidData. 2023. URL: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0> (accessed 10.10.2025).

помощи остается незначительной. Несмотря на ограниченные масштабы, китайская внешняя помощь не сопровождается политическими условиями. Кроме того, она способствует мобилизации рыночных факторов в поддержку развивающихся стран, что приносит значительные выгоды.

С точки зрения структуры, очевидны качественные изменения. Внешняя помощь Китая все больше ориентирована на улучшение условий жизни и предоставление общественных благ странам-реципиентам. Поскольку развитие самого Китая перешло от акцента на экономику к социальному прогрессу, в странах-реципиентах также обнаруживаются новые потребности и возможности. Например, в африканских странах развитие отрасли радиовещания и телевидения заметно отстает. Во время министерской конференции, когда главы более десяти государств собрались вместе, стало ясно, что необходимы полупроводниковые технологии. Хотя в некоторых странах имеются телестанции, их оборудование устарело. Поэтому Китай начал оказывать помощь в этой сфере. Также, учитывая нехватку технического персонала, Китай начал строительство школ и расширение программ профессионального обучения. В настоящее время, наряду со строительством экономической инфраструктуры, Китай все больше поддерживает проекты, связанные с социальной сферой и нуждами населения, такие как больницы, аграрные учебные центры, школы, поставки противомаларийных препаратов и создание центров борьбы с наркотиками.

Помимо двусторонней помощи, китайское правительство активизировало переговоры и сотрудничество в рамках многосторонних форматов и улучшило свою деятельность в таких областях, как сельское хозяйство, инфраструктура, образование, здравоохранение, развитие человеческих ресурсов и чистая энергетика.

«Проект, ориентированный на человека», стал новой темой китайской внешней помощи. По мере роста китайской экономики все большее значение приобретают человеческие ресурсы, что признается как Китаем, так и странами-реципиентами. Так, заместитель министра образования Эфиопии Д.

Меконнен выразил надежду, что Китай не только построит школы, но и обеспечит их руководством, учителями, учебниками и образовательными методами. Он отметил, что при наличии ресурсов Эфиопии и трудолюбии китайцев развитие страны неизбежно¹³².

Китайская помощь выходит за рамки простой передачи капитала или инфраструктурных проектов. Она включает техническое сотрудничество, обучение, отправку медицинских команд и добровольцев, списание долгов и формирует модель развития, основанную на дружбе и взаимопонимании. Поддержка человеческого развития признана более устойчивой, чем отдельные объекты вроде больниц или стадионов.

В 2005 году председатель Ху Цзиньтао предложил ООН «пять мер» китайской помощи:

1. Освобождение от таможенных пошлин большинства товаров из 39 наименее развитых стран.
2. Списание всех беспроцентных и льготных кредитов, предоставленных бедным странам до конца 2004 года.
3. Выделение 10 млрд долларов льготных кредитов на инфраструктуру и совместные проекты.
4. Расширение медицинской помощи, особенно для Африки — лекарства от малярии, обучение персонала, строительство больниц.
5. Обучение более 30 000 специалистов из развивающихся стран в течение трех лет¹³³.

Главный акцент был сделан на прямую помощь людям — здоровье, образование и способность к самостоятельному развитию. Вице-премьер У И подчеркивала, что развитие человеческих ресурсов — ключ к новой политике внешней помощи Китая, требующей повышения качества подготовки и инноваций в обучении.

¹³² Interview with the Minister of Education of Ethiopia on January 16, 2008

¹³³ Quoted from the Announcement of the Five Measures for Assisting the Developing Countries by Hu Jintao. September 15, 2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-09/15/content_63526.htm (accessed: 25.08.2025).

Такая гуманитарная помощь позволяет оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия. В 2002 году было создано чрезвычайное подразделение при Минторге Китая. В 2004 году вместе с МИДом был разработан механизм реагирования — помощь доставляется максимально быстро благодаря слаженной работе министерств и координации с гражданской авиацией¹³⁴.

Китай также активно развивает образовательную составляющую помощи: предоставляет стипендии, организует курсы в области технологий и управления, отправляет добровольцев. С 1983 года проводится обучение при поддержке ООН, охватывающее свыше 30 прикладных направлений: от выращивания риса и рыбы до солнечной энергии и биогаза. Обучение показало высокую эффективность.

С 1998 г. Китай обучает африканских госслужащих в области управления и экономики. С 2003 г. число обучающихся выросло в 25 раз, инвестиции составляют сотни миллионов юаней. К 2009 г. Китай обучил свыше 120 000 специалистов из более чем 150 стран¹³⁵.

Тематика обучения со временем расширилась: от прикладных умений к экономике, праву, экологии. Например, проводились курсы для африканских аудиторов, министров, полицейских. Обучающиеся не только получают знания, но и посещают регионы Китая, знакомятся с борьбой с бедностью, перенимают успешные практики.

Кроме того, обучение разрушает стереотипы о китайской продукции и стимулирует торговлю: страны начинают закупать китайское оборудование. Но главное — это укрепление взаимопонимания и создание платформы для равного обмена опытом между Китаем и развивающимися странами.

Концепция развития человеческих ресурсов как основы прогресса актуальна не только для Китая, но и для развитых стран Запада. Еще в начале

¹³⁴ Letter Sent by Wu Yi to the National Working Conference on Foreign Aid Training // People's Daily, July 27, 2007.

¹³⁵ Interview with the Training Office of the Department of Foreign Assistance of the Ministry of Commerce on November 21, 2007.

реформ Дэн Сяопин обратился к Всемирному банку с просьбой о помощи в подготовке кадров. В 1980 г. Китай официально изложил эти требования, и вскоре началось сотрудничество. С тех пор Китай активно участвует в международных обучающих программах, как получая знания, так и передавая их другим развивающимся странам¹³⁶.

В процессе обмена знаниями Китай адаптирует западный опыт, добавляя к нему собственные «китайские элементы». Благодаря сходной исторической судьбе (колониализм, бедность) китайский путь развития ближе и понятнее другим развивающимся странам, особенно в Африке. Китай делает акцент не на абстрактной модернизации, а на строительстве инфраструктуры и практическом развитии, что дает конкретные результаты. Так, приоритеты Китая, такие как защита окружающей среды, теперь также передаются другим странам через обучение и помощь¹³⁷.

Многие африканские слушатели вдохновляются примером Китая — его трудолюбием и успехами в образовании. Это рождает стремление учиться у Китая, особенно в сфере профессионального образования. Такой обмен опытом укрепляет сотрудничество и создает «эффект снежного кома»: дружба, партнерство и совместное развитие. Например, китайские аграрные технологии, переданные в Алжир, позволили стране быстро рассчитаться с долгами¹³⁸.

Китай тщательно подходит к организации обучения. В 2008 году министр У И подчеркнула важность точного отбора стран, целей, программ и методик обучения. Учебные материалы должны отражать реалии Китая, его политику и путь развития¹³⁹. Важные направления — борьба с бедностью,

¹³⁶ Zhou H, Zhang J, Zhang M. Foreign aid in China. Social Sciences Academic Press. 2007. P. 243.

¹³⁷ Davies, P. China and the End of Poverty in Africa—towards mutual benefit? Sundbyberg: Diakonia. 2007. P. 36.

¹³⁸ Gill, B., Chin-hao Huang, and Stephen J. Morrison. China's Expanding Role in Africa—Implications for the United States. A Report of the CSIS Delegation to China on China-Africa-U. S. Relations. November 28-December 1, 2006, P. 67.

¹³⁹ Records of the symposium with Ethiopian trainees participating in the foreign aid training program held by China. January 14, 2008.

развитие экономики, профилактика заболеваний. Обязательна оценка эффективности обучения и четкие критерии его качества. Таким образом, обучение становится целевым, практичным и эффективным.

В XXI веке китайская помощь расширила масштаб и охват, а также изменилась система управления. Появилась специализация и межведомственная координация, например, в виде рабочих групп по экономике с Африкой или координационных механизмов по обучению кадров. С усложнением задач и ростом профессиональных требований стало необходимым создавать гибкие и многоуровневые механизмы управления, способные адаптироваться к новым вызовам¹⁴⁰. Новая модель отличается от прежней централизованной системы плановой экономики — теперь она более децентрализована, но стремится к эффективной координации и адаптации к меняющимся условиям.

После внедрения в управление китайской внешней помощью «системы подрядчиков» и «ответственности подрядчиков» в сферу помощи вошли рыночные механизмы. Компетентные органы стали проводить тендеры, контролировать качество, а также ввели сертификацию по стандартам серии ISO 9000¹⁴¹ для подрядчиков. Также была организована подготовка инженерно-технического и бухгалтерского персонала, а странам-получателям предоставили право контроля. Государственные инспекции и механизмы поощрения и наказания стали частью системы. В 2003 году был создан Бюро по международному экономическому сотрудничеству Минторга КНР, что облегчило нагрузку на Департамент внешней помощи. Были открыты офисы по тендерам и проверке квалификации. С ростом числа заявок и процедур

¹⁴⁰ Interview with the Algerian Ministry of Agriculture—On the afternoon of February 21, 2010.

¹⁴¹ ISO 9000 — серия международных стандартов, содержащих термины и определения, основные принципы менеджмента качества, требования к системе менеджмента качества организаций и предприятий, а также руководство по достижению устойчивого результата

появились базы данных и новые подходы к управлению кадрами — включая обязательное предварительное обучение и выдачу сертификатов¹⁴².

В 2008 г. Минторг провел структурные изменения: были созданы Центр международного обмена и Академия подготовки чиновников, ответственные за материальные проекты и обучение. Бюро международного сотрудничества продолжило вести комплексные и технические проекты. Экспортно-импортный банк Китая остался ответственным за льготное кредитование. Медицинские команды направляются Минздравом через местные органы, а добровольцы — через китайский комсомол (КСМК).

С целью усиления координации в 2011 году был создан Межведомственный координационный механизм, в который вошли 24 центральных ведомства под руководством Минторга, МИД и Минфина. Этот механизм решает вопросы общей стратегии, распределения функций и согласования политики в сфере помощи.

В XXI в. ключевую роль в управлении стала играть информационная поддержка. Из-за расширения программ и числа участников стало необходимо автоматизировать процессы. В 2000 году Минторг запустил электронный документооборот, позже создал информационное подразделение. Были разработаны единые технические стандарты, введен контроль качества и мониторинг для обеспечения прозрачности и научного подхода к принятию решений.

Особое внимание уделяется управлению персоналом. Если западная помощь выделяется за счет крупных финансовых ресурсов, то преимущество Китая — в преданности и трудолюбии его специалистов. Китайские сотрудники создают в странах-реципиентах устойчивые дружеские связи. Поэтому Китай тщательно отбирает, обучает и руководит кадрами. Еще в годы

¹⁴² Interview with the Comprehensive Affairs Bureau, Economic Cooperation Department of the Ministry of Commerce, September 20, 2007.

плановой экономики сотрудники отличались высокой моралью, профессионализмом и физической выносливостью¹⁴³.

Во время «Культурной революции» Чжоу Эньлай настаивал на улучшении подготовки специалистов, чтобы устранить перекоп в сторону политической подготовки в ущерб технической. В начале реформ Госсовет признал, что успехи внешней помощи зависят не только от политики, но и от самоотверженного труда персонала¹⁴⁴.

Сегодня сотрудники китайской помощи активно взаимодействуют с общественными организациями стран-реципиентов. Условия, в которых они работают, порой крайне тяжелые. Так, медицинская бригада в Эритрее проводила более 1000 операций в год, питалась скромно, терпела болезни, жертвы и не могла возвратиться домой. Тем не менее, Китай продолжает направлять такие команды, подтверждая приверженность делу помощи. Это имеет глубокий гуманитарный смысл и большое международное значение¹⁴⁵.

Как уже упоминалось, по мере развития внешней помощи Китая все больше ее участников начинают работать за рубежом, служа обществу стран-реципиентов. Работники китайской помощи — от руководителей подрядных компаний до врачей медицинских бригад и молодых добровольцев — живут и трудятся в этих странах круглый год. В ходе повседневной работы они обмениваются опытом с местными коллегами, укрепляют взаимопонимание и способствуют развитию неофициальных связей между народами. Хотя их деятельность не связана с формальной дипломатией, по сути, она представляет собой экономическую или «народную» дипломатию, зачастую более сложную и тонкую, чем официальные переговоры.

¹⁴³ Сотрудники китайских предприятий работают дольше и усерднее, чем их европейские и японские коллеги, работающие на местах, и обладают более сильным чувством ответственности. См: Kaplinsky, R., Dorothy McCormick and Mike Morris. *The Impact of China on Sub-Saharan Africa*. IDS Working Paper 291, P. 8.

¹⁴⁴ Shi L. *Foreign economic cooperation of modern China*. Beijing: China Social Sciences Press. 1989. P. 268-269.

¹⁴⁵ Liu Y. *Walking in Africa*. China Business Update (special issue of the 60th anniversary of China's foreign aid). August 2010. P. 38-39.

После завершения проектов многие из этих специалистов, опираясь на созданную репутацию и связи, продолжают работать в странах-получателях, участвуют в новых проектах, становятся уважаемыми гостями на правительственном уровне и способствуют развитию дружбы между государствами. Они также выступают как проводники экономического сотрудничества, оказывая влияние на разные слои общества в странах-реципиентах.

На данном этапе заметна активизация гуманитарной политики Китая, который ее осуществляет как на двусторонней основе, так и в кооперации с международным сообществом. Так в 2008 г. Китай проголосовал за включение принятых в Осло Руководящих принципов использования военных средств и средств гражданской обороны для оказания помощи при стихийных бедствиях в резолюцию ГА ООН по гуманитарным вопросам¹⁴⁶. Еще одним и особенно показательным примером тенденции к расширению участия Китая в международной гуманитарной помощи стала реакция Китая во время цунами в Индийском океане в 2004 году.

26 декабря 2004 г. землетрясение в Индийском океане и вызванное им цунами нанесли колоссальный ущерб странам Южной и Юго-Восточной Азии. Реакция Китая на это бедствие заметно отличалась от его привычной практики предоставления гуманитарной помощи. Объем поддержки — около 1,3 млрд юаней (примерно 157 млн долларов США) в денежной и материальной форме — стал рекордным и позволил Китаю занять лидирующую позицию среди развивающихся государств¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Guidelines On The Use of Military and Civil Defence Assets To Support United Nations Humanitarian Activities in Complex Emergencies. March 2003 // UN. 2003. URL: <https://emergency.unhcr.org/sites/default/files/Guidelines%20on%20the%20Use%20of%20Military%20and%20Civil%20Defence%20Assets%20to%20Support%20United%20Nations%20Humanitarian%20Activities%20in%20Complex%20Emergencies%2C%20the%20MCDA%20Guidelines%2C%20Rev.%201%2C%20January%202006.pdf> (accessed: 25.08.2025).

¹⁴⁷ The Indian Ocean tsunami crisis: humanitarian dimensions // ODI Global. 11 Jan 2005. URL: <https://reliefweb.int/report/india/indian-ocean-tsunami-crisis-humanitarian-dimensions> (accessed: 25.08.2025).

Главным новшеством оказалось не столько увеличение объемов помощи, сколько ее форма: впервые часть средств (около 19,5 млн долларов) была направлена через международные механизмы, в первую очередь через структуры ООН. Это стало сигналом готовности Китая активнее включаться в многосторонние гуманитарные инициативы. Намерение изменить подход подчеркивалось многочисленными публичными заявлениями, акцентировавшими «искреннюю заинтересованность Китая в международном сотрудничестве»¹⁴⁸. Существенным фактором стала и внутренняя реакция: китайское общество проявило беспрецедентное сочувствие, а частные компании направили рекордные для себя суммы в поддержку пострадавших за пределами страны¹⁴⁹.

Дальнейшее развитие событий подтвердило устойчивость нового курса. В 11-м пятилетнем плане (2006–2010 гг.) появилось отдельное положение о помощи при стихийных бедствиях, где подчеркивалась необходимость международного взаимодействия. Китай постепенно усилил участие в региональных инициативах, таких как Азиатский центр по снижению риска бедствий (ADPC) и Хиогская рамочная программа¹⁵⁰, а также активнее включился в работу ООН. Так, в 2007 г. он впервые принял участие в партнерском совещании доноров УКГД в Сеуле.

В последующие годы Китай продолжал расширять вклад в международную гуманитарную сферу. Во время землетрясения в Кашмире в 2005 году он предоставил около 6 млн долларов и направил спасательные

¹⁴⁸ Briefing on Emergency Humanitarian aid to Foreign Countries by Chinese Government in 2005 (briefing given by Chen Jian) // China Ministry of Commerce. January 2006. P. 4.

¹⁴⁹ Tsunami donation drive in full gear in China // China daily. January 2005. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-01/01/content_405306.htm (accessed: 25.08.2025).

¹⁵⁰ Хиогская рамочная программа действий на 2005–2015 годы была принята на Всемирной конференции по уменьшению опасности бедствий, которая состоялась 18–22 января 2005 года в Японии. Цель - объединить усилия стран в деле борьбы со стихийными бедствиями.

команды. После циклона «Наргис» в Мьянме (2008 г.) Китай стал одним из ведущих доноров, выделив около 10 млн долларов¹⁵¹.

Особое испытание выпало на сам Китай 12 мая 2008 года, когда в уезде Вэньчуань провинции Сычуань произошло разрушительное землетрясение, унесшее жизни более 70 тысяч человек. Трагедия вызвала резонанс не только из-за огромного числа жертв, но и в связи с коррупционными связями местных властей и строительных компаний, приведшими к массовым разрушениям школ и гибели множества детей. Тем не менее оперативные действия правительства в условиях кризиса были высоко оценены как внутри страны, так и за ее пределами: международные СМИ и эксперты признали реакцию Китая образцовой.

Отступив от привычной практики реагирования на внутренние кризисы, наиболее заметно проявившейся во время эпидемии атипичной пневмонии 2003 г., китайское руководство в случае землетрясения в Вэньчуане действовало оперативно и решительно. Власти открыли доступ зарубежным и национальным СМИ в пострадавшие районы и регулярно предоставляли подробные сведения о разрушениях, числе жертв и ходе спасательных операций¹⁵². В отличие от прежнего стремления избегать внешнего вмешательства, Китай на этот раз охотно принял международную поддержку, придерживаясь прагматичного подхода: помощь принималась лишь в тех формах, которые дополняли собственные возможности страны.

Особое внимание уделялось публичному выражению признательности мировому сообществу. Руководство Китая подчеркнуло, что трагедия стала частью более широких международных гуманитарных усилий. В своем обращении председатель Ху Цзиньтао заявил о готовности Китая двигаться

¹⁵¹ World's largest humanitarian agency wants stronger partnership with China (Press release) // China Ministry of Commerce. January 2007. P. 2.

¹⁵² Days of disaster // The Economist. May 15, 2008. URL: <https://www.economist.com/asia/2008/05/15/days-of-disaster> (accessed: 25.08.2025).

«вместе с международным сообществом», укрепляя сотрудничество и совместно решая глобальные вызовы¹⁵³.

Тем не менее, в новой эпохе сохраняются проблемы, на которые еще указывал Чжоу Эньлай: вопросы качества и управления в сфере помощи. В некоторых областях они даже обострились. Отношения между государством и работниками гуманитарной сферы утратили строгую иерархичность и приобрели более сложный характер, с вовлечением разных участников. В этих условиях требуется сочетание рыночных инструментов с традиционным государственным контролем: государство должно выступать стратегическим координатором, а компании и иные организации — активно участвовать в реализации программ помощи.

После вступления Китая в ВТО (2001 г.), а особенно начиная с 2004 года, финансовые возможности страны в области внешней помощи существенно возросли благодаря устойчивому экономическому росту и усилению национальной мощи. В 2004–2009 годах среднегодовой рост объемов помощи составил 29,4%¹⁵⁴.

Китай осуществлял свою внешнюю помощь не только в двустороннем, но и в многостороннем формате, объявляя целевые программы на различных региональных и глобальных площадках, таких как форумы ООН, ФОРАК, ШОС, АСЕАН и другие. Основные направления поддержки охватывали сельское хозяйство, инфраструктуру, образование, здравоохранение, подготовку кадров и чистую энергетику.

В 2010 году на Национальной конференции по иностранной помощи был обобщён накопленный опыт и определены задачи по её совершенствованию в

¹⁵³ The Event Commemorating the First Anniversary of Wenchuan Earthquake Is Held and President Hu Jintao Delivers a Speech // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. May 12, 2009. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11340068.html (accessed: 25.08.2025).

¹⁵⁴ Островский А.В. Долгосрочные цели Китая: исторический скачок к экономической мощи и всеобщей зажиточности // Ориенталистика (Orientalistica). 2022. Т. 5. №. 4. С. 805-822.

новых условиях¹⁵⁵. К началу 2010-х сформировалась модель помощи Китая как развивающейся страны, основанная на сотрудничестве «Юг-Юг». Её ключевыми принципами стали: содействие развитию потенциала стран-получателей, отсутствие политических условий, взаимная выгода, реализм и адаптивность¹⁵⁶.

Период управления Китаем Си Цзиньпином с 2012 г. по н.в. можно считать этапом значительной концептуальной модернизации китайской модели внешней помощи, что проявляется в сочетании и взаимовлиянии множества экономических, политических и внутренних, а также внешних факторов и обстоятельств.

Благодаря успешному догоняющему и по ряду показателей опережающему развитию в течение более чем трех десятилетий, к 2010 году Китай впервые в современной истории стал крупнейшей экспортной державой, а к 2012 г. — ведущей страной по внешней торговле. В 2014 году ВВП КНР по паритету покупательной способности превысил аналогичный показатель США, что символизировало окончание столетнего доминирования Америки в мировой экономике.

Резкий рост экономической мощи страны послужил основанием для XVIII съезда КПК в 2012 г. заявить о «вступлении Китая в новую эру». Новое поколение лидеров во главе с Си Цзиньпином взяло на себя задачу активного продвижения идей глобализации Китая и укрепления его роли в мировой экономике¹⁵⁷.

Си Цзиньпин и его сторонники рассматривают глобализацию как неизбежный процесс, подчеркивая «беспрецедентную взаимосвязь и

¹⁵⁵ 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. С. 15.

¹⁵⁶ 外交学: 理论与实践 / 杨闯等著 [Дипломатия: теория и практика, под ред. Ян Чжуан и др.]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe. 2018. С. 34.

¹⁵⁷ 十八大主席团举行第三次会议 胡锦涛主持 [Президиум 18-го Национального конгресса провел свое третье заседание под председательством Ху Цзиньтао]. 2012. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/shibada/sy/index.shtml> (accessed: 25.08.2025).

взаимозависимость стран», формирование «глобального сообщества с общим будущим» и необходимость «глобального видения обязанностей Китая перед миром». На этой основе была выдвинута инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП) в 2013 г., направленная на конкретные меры по укреплению международного сотрудничества.

Инициатива напрямую соотносится с Повесткой дня ООН по устойчивому развитию до 2030 года. Принимая на себя новые обязательства в условиях современных вызовов, особенно в формате сотрудничества «Юг–Юг», Китай трансформирует прежнюю модель внешней помощи в модель «международного сотрудничества в целях развития». Основные характеристики и результаты этой модели отражены в специальной Белой книге от 2021 года¹⁵⁸. Этот год также знаменует столетие Компартии Китая.

Согласно концепции Белой книги, «содействие глобальному сообществу общего будущего» является главной миссией Китая в международном сотрудничестве. Китай, как крупнейшая развивающаяся страна, помогает другим странам сокращать бедность, улучшать жизнь людей, совместно уменьшать разрыв между Севером и Югом, устранять дисбалансы развития и формировать новую модель международных отношений, основанную на взаимном уважении, равенстве, справедливости и взаимной выгоде. Страна стремится создать открытый, инклюзивный, чистый и безопасный мир, способствующий всеобщему процветанию.

Принцип взаимной выгоды выступает ключевым ориентиром сотрудничества, инициатива «Один пояс — один путь» — важной платформой, а «устойчивое развитие» — главной целью. Современная китайская модель международного сотрудничества учитывает все успешные элементы

¹⁵⁸ 《新时代的中国国际发展合作》白皮书（全文） // 中华人民共和国国务院新闻办公室 ["Белая книга" на тему "Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху" (полный текст) // Информационное бюро Государственного Совета Китайской Народной Республики]. 2021. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130669.html (accessed: 25.08.2025).

предыдущей версии: разнообразные формы взаимодействия, включая завершённые проекты, поставку товаров и материалов, техническое сотрудничество, развитие человеческих ресурсов, медицинские миссии, волонтерские программы, экстренную гуманитарную помощь и списание долгов.

Кроме того, в 2015 г. Китай учредил специализированный коммерческий и инвестиционный «Фонд содействия сотрудничеству Юг–Юг» (SSCAF), расширяя финансовые инструменты поддержки международного развития. Объем средств составил более 1 млрд долл. США¹⁵⁹.

Гуманитарная помощь стала важным инструментом во внешней политике Китая в отношении стран Глобального Юга. В частности, в сентябре 2021 г. Си Цзиньпин выдвинул Инициативу глобального развития, которая получила поддержку более чем 100 стран и ряда международных организаций, включая ООН. Более 70 стран присоединились к Группе друзей Инициативы, в пул проектов Инициативы включены более 200 проектов сотрудничества¹⁶⁰.

Инициатива глобального управления, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2025 г. на полях ШОС, нацелена на создание более справедливой и инклюзивной международной системы, основанной на суверенном равенстве государств, строгом соблюдении международного права, отказе от любых форм двойных стандартов и укреплении подлинной многосторонности. Она предполагает повышение роли развивающихся стран в международных институтах, защиту авторитета ООН, продвижение подхода, ориентированного на людей, и концентрацию на практических действиях,

¹⁵⁹ Си Цзиньпин: Китай выделит \$1 млрд Фонду глобального развития и сотрудничества Юг - Юг // ТАСС. 24.06.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15026279> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁶⁰ Как инициативы Китая помогают построить мир единой судьбы и вывести открытость страны на новый уровень // RG. 26.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/26/poias-iput.html?ysclid=mi7knljvcf242566656> (дата обращения: 10.11.2025).

направленных на решение глобальных вызовов, сокращение разрыва между Севером и Югом и улучшение эффективности глобального управления¹⁶¹.

Делая акцент на равенстве, инклюзивности, развитии и реальных результатах, инициатива Си Цзиньпина позволяет Китаю позиционировать гуманитарную помощь как инструмент поддержки глобального развития, основанный на принципах взаимной выгоды, уважения суверенитета и ориентированности на потребности людей. В долгосрочной перспективе она способствует интеграции гуманитарных программ КНР в архитектуру глобального управления, укрепляет роль Китая как ответственного участника мировой политики и усиливает влияние китайской модели сотрудничества «Юг–Юг», увязывая её с реформированием мировой системы и продвижением более справедливого международного порядка.

Таким образом, стратегия гуманитарной помощи Китая в период с 2002 по 2025 гг. демонстрирует эволюцию от традиционных форм поддержки к более комплексному и ориентированному на человека подходу. Китай делает акцент не только на инфраструктурных проектах, но и на развитии человеческого капитала, здравоохранения, образования и технологического обмена. Внешняя помощь стала инструментом внешней политики КНР, способствующим укреплению международных связей, формированию позитивного образа Китая и продвижению модели сотрудничества, основанной на равенстве и взаимной выгоде. Несмотря на сохраняющиеся проблемы, китайская помощь постепенно приобретает системный, адаптивный и более профессиональный характер, что позволяет ей лучше соответствовать потребностям стран-реципиентов и реалиям глобального развития.

Проведенный анализ исторического развития гуманитарной помощи Китая позволяет выделить три взаимосвязанных этапа ее эволюции.

¹⁶¹ Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления // РИА Новости. 01.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250901/kitay-2038853574.html?ysclid=mi7jz94ky482668829> (дата обращения: 10.11.2025).

На первом этапе (1949–1978 гг.) были заложены организационные и идеологические основы внешней помощи КНР. Она строилась на принципах интернационализма, равенства и отсутствия политических условий, что выгодно отличало китайский подход от западных моделей. Несмотря на ограниченные ресурсы, Китай оказывал масштабную поддержку странам Азии, Африки и Латинской Америки, используя помощь как инструмент дипломатии и международного признания.

На втором этапе (1978–2000 гг.) в условиях политики реформ и открытости гуманитарная помощь Китая трансформировалась из преимущественно идеологического инструмента в прагматичный и структурированный механизм международного сотрудничества. Внешняя помощь стала сочетаться с рыночными механизмами, тендерами и контрактной системой, что повысило ее эффективность. Появились новые формы партнерства — от создания совместных предприятий до предоставления льготных кредитов, что позволило КНР интегрировать экономическую выгоду с политическими целями и сформировать более устойчивую модель сотрудничества.

Современный этап (2000–2025 гг.) можно разделить на два периода: период Ху Цзиньтао (2002–2011 гг.) и период Си Цзиньпина (2012 г. – н.д.). В период 2002–2012 гг. гуманитарная помощь Китая приобрела институционально оформленный и динамичный характер, отражающий стремительное усиление экономической мощи страны и ее растущее участие в международных механизмах развития. Для этого этапа характерно углубление практической направленности помощи и укрепление механизмов оперативного реагирования: создаются специализированные структуры для чрезвычайных ситуаций, отладка межведомственной координации, расширяются медицинские миссии, образовательные программы и техническое содействие.

Период 2012–2025 гг. демонстрирует качественный переход в развитии гуманитарной помощи КНР, который обусловлен изменением статуса страны

в международной системе, ее выходом на позиции одного из центров мировой экономики и участника глобального управления. С этого времени гуманитарная политика Китая проходит этап концептуальной модернизации и институционального усложнения: значительно расширяется набор инструментов помощи, создаются крупные финансовые механизмы (включая фонд содействия сотрудничеству Юг–Юг), усиливается многосторонний формат участия через ООН, а гуманитарная поддержка увязывается с новыми внешнеполитическими инициативами, прежде всего «Один пояс, один путь». Китай все активнее вовлекается в решения глобальных гуманитарных вызовов, в том числе в борьбу с эпидемиями, поддержание развития человеческого капитала и укрепление социальной инфраструктуры партнеров. Для данного периода характерна концептуальная гибкость и адаптивность модели внешней помощи, стремление объединить экономическую, социальную и технологическую поддержку в единую систему, а также ориентация на долгосрочные эффекты, устойчивость и институционализацию сотрудничества. Рост международного веса КНР и его углубляющаяся взаимосвязанность с мировыми процессами привели к тому, что гуманитарная помощь стала одним из значимых элементов участия Китая в формировании нового глобального порядка, что подтверждают изменения, описанные в исследовании.

В целом, гуманитарная политика Китая прошла путь от идеологически мотивированной поддержки к комплексному инструменту глобального взаимодействия. Основные исследовательские результаты позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, китайская помощь всегда основывалась на равенстве, взаимной выгоде и отсутствии политических условий, но при этом постоянно адаптировалась к новым экономическим и международным реалиям. Во-вторых, с 1950-х гг. КНР выстраивала четкую систему управления помощью, которая со временем эволюционировала от централизованного администрирования к рыночным и контрактным механизмам. В-третьих, со временем акцент сместился от материальной поддержки и инфраструктуры к

созданию условий для саморазвития стран-получателей, что сделало помощь более устойчивой. Наконец, внешняя помощь стала важной частью дипломатии Китая, поддерживающей его международный авторитет и усиливающей глобальное влияние.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КИТАЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ЗАРУБЕЖНЫМ СТРАНАМ

2.1. Политика и программы экономической помощи Китая

Согласно позиции официальных властей КНР, Китай последовательно расширяет программу международного содействия развитию. Целью этой деятельности является поддержка суверенного экономического роста и социального прогресса в странах-партнёрах, а также повышение благосостояния их граждан. Посредством этих инициатив «Китай укрепляет дружественные и взаимовыгодные торгово-экономические связи с развивающимися государствами, позиционируя это как свой вклад в глобальное устойчивое развитие. В основе подхода лежат принципы равноправного партнёрства и взаимной выгоды, а предоставление помощи не связывается с какими-либо политическими требованиями»¹⁶².

В этом контексте рассмотрим ключевые особенности китайской модели международного сотрудничества в сфере развития. В качестве базы возьмем официальные документы: «Иностранная помощь Китая», опубликованный Госсоветом КНР в 2011 г.¹⁶³, и обновленный доклад «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху» 2021 года¹⁶⁴.

¹⁶² Карлусов В.В., Ярков Д.А. Внешняя помощь Китая: эволюция стратегии, основные формы и источники финансирования. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 168-181.

¹⁶³ 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. 134 с.

¹⁶⁴ 《新时代的中国国际发展合作》白皮书（全文） // 中华人民共和国国务院新闻办公室 ["Белая книга" на тему "Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху" (полный текст) // Информационное бюро Государственного Совета Китайской Народной Республики]. 2021. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130669.html (accessed: 25.08.2025).

Финансирование китайской внешней помощи осуществляется по трем основным каналам: гранты (безвозмездная поддержка); беспроцентные кредиты; льготные займы.

Гранты и беспроцентные кредиты выделяются из государственного бюджета, а льготные кредиты предоставляются Экспортно-импортным банком КНР под контролем правительства. На конец 2009 г. общий объем оказанной помощи с 1949 г. составил 256,29 млрд юаней, из которых 106,2 млрд пришлось на гранты, 76,54 млрд — на беспроцентные ссуды и 73,55 млрд — на льготные кредиты¹⁶⁵.

Практическая реализация проектов распределяется между Министерством торговли и другими ведомствами Госсовета, которые формируют собственные бюджеты помощи и ежегодно представляют их на утверждение через Министерство финансов в Госсовет и Всекитайское собрание народных представителей. Контроль за расходованием средств обеспечивается Министерством финансов и Государственным контрольно-ревизионным управлением.

Гранты в основном направляются на строительство школ, больниц, доступного жилья, обеспечение водой, а также на проекты в сфере социального обеспечения, технического сотрудничества и гуманитарной поддержки. Беспроцентные кредиты предоставляются для возведения общественных объектов и проектов, связанных с улучшением условий жизни. Обычно их срок — 20 лет, включая 5 лет освоения, 5 лет льготного периода и 10 лет погашения. Такие кредиты чаще всего выделяются странам с относительно стабильной экономикой. Льготные кредиты ориентированы на реализацию производственных и инфраструктурных проектов — строительство заводов, объектов транспорта, связи и энергетики. Они выдаются Экспортно-импортным банком Китая под процент, значительно

¹⁶⁵ Содействие международному развитию / Н.В. Галищева, Л.М. Капица, В.В. Карлузов [и др.] ; под редакцией Н.В. Галищевой, Л.М. Капицы ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра мировой экономики. М.: МГИМО Университет. 2022. С. 693.

ниже ключевой ставки Народного банка Китая, а разницу покрывает государство. Средняя ставка таких займов составляет 2–3% годовых, а срок погашения — 15–20 лет с льготным периодом 5–7 лет.

Большая часть средств льготных кредитов (61%) пошла на развитие транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры, а около 9% — на проекты по освоению энергетических и минеральных ресурсов (см. рис. 1).

Рисунок 1

Отраслевое распределение займов, представленных Китаем другим странам, 2009 г., в %

Источник: 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. С. 34.

Китайская помощь развивающимся странам осуществляется в пяти ключевых форматах: строительство готовых объектов, поставки товаров, техническое сотрудничество, гуманитарная помощь и списание долгов.

Ведущим направлением является строительство завершённых объектов — предприятий и социальных объектов, финансируемых за счёт китайских грантов или беспроцентных кредитов. Китай отвечает за весь цикл работ — от

проектирования до ввода в эксплуатацию, после чего объекты безвозмездно передаются стране-получателю¹⁶⁶.

Этот формат, занимающий около 40% всего объёма китайской помощи, был опробован ещё в 1950-е годы при восстановлении инфраструктуры Вьетнама и КНДР. К концу 2009 года Китай реализовал таким образом более 2000 проектов в сферах промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта, образования и здравоохранения по всему миру (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Структура внешних займов, предоставленных КНР в рамках СМР на 2009 г., в %

Сектор, отрасль	Количество, ед.	Доля, %
Сельское хозяйство, в т.ч.	215	10,62
- земледелие, животноводство	168	
- водное хозяйство	47	
Государственные учреждения, в т.ч.	670	33,08
- конференц-центры	85	
- спортивные сооружения	85	
- театры и кинотеатры	12	
- гражданские постройки	143	
- муниципальные сооружения	37	
- скважины и водообеспечение	72	
- наука, образование и здравоохранение	236	
Экономическая инфраструктура	390	19,26
- транспорт	201	
- энергосбережение	97	
- телекоммуникации и телерадиовещание	92	
Промышленность, в т.ч.	635	31,36
- легкая	320	
- текстильная	74	
- радиоэлектроника	15	
- машиностроение	66	
- химическая	48	
- деревообрабатывающая	10	
- строительство	42	
- металлургия	22	
- угольная	7	
- нефтяная	19	
- геологоразведка	12	
Прочие отрасли	115	5,68

¹⁶⁶ Kishi, R., Raleigh, C. Chinese Aid and Africa's Pariah States. Sussex: University of Sussex. 2015. P. 43.

Всего:	2025	100,0
---------------	-------------	--------------

Примечание: данные в этой таблице не включают проекты, реализуемые с использованием льготных кредитов.

Источник: 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. С. 47.

Китайская помощь также включает **поставки товаров и материалов**. Это исторически первая форма поддержки, которую Китай, несмотря на собственную нехватку ресурсов в 1950-60-е годы, оказывал молодым государствам Азии и Африки. Поставки охватывают промышленное оборудование, машины, медицинскую технику, транспорт, продовольствие и медикаменты, способствуя как удовлетворению насущных потребностей, так и развитию производственного потенциала стран-получателей.

Важным компонентом является **техническое сотрудничество**, в рамках которого китайские специалисты консультируют по эксплуатации построенных объектов и обучают местные кадры. Эта работа, часто длящаяся 1-2 года, охватывает сельское хозяйство, промышленность, управление, здравоохранение, энергетику и другие сферы, укрепляя способность партнёров к самостоятельному развитию.

Кроме того, Китай оказывает **экстренную гуманитарную помощь** при стихийных бедствиях и кризисах, предоставляя финансирование, материалы и экспертов. Создав в 2004 году механизм быстрого реагирования, КНР активно участвует в международных операциях. За период с 2004 по 2009 годы помощь была оказана около 200 раз, включая поддержку после цунами в Индийском океане, землетрясений, эпидемий и продовольственных кризисов в различных регионах мира¹⁶⁷.

Списание долгов означает аннулирование Китаем обязательств по непогашенным государственным займам некоторых развивающихся стран. Если государство сталкивается с трудностями при выплате беспроцентных кредитов, китайское правительство использует гибкий подход — продлевает

¹⁶⁷ Brazys, S., Vadlamannati, K.C. Aid curse with Chinese characteristics? Chinese development flows and economic reforms // Public Choice. Vol. 188. P. 407–430.

сроки погашения или полностью списывает задолженность по итогам переговоров. Только в 2000-е годы Китай шесть раз официально объявлял о таких мерах в отношении беднейших стран с наибольшей долговой нагрузкой, имеющих дипломатические отношения с КНР. Эти решения принимались в ходе ключевых международных встреч: министерской конференции FOCAC (2000), саммита ООН по финансированию развития (2005), пекинского саммита FOCAC (2006), саммита ООН по Целям развития тысячелетия (2008), четвертой конференции FOCAC (2009) и совещания высокого уровня ООН по ЦРТ (2010)¹⁶⁸.

К концу 2009 г. Китай заключил соглашения о списании долгов с 50 странами Африки, Азии, Латинской Америки, Карибского бассейна и Океании, аннулировав 380 обязательств на общую сумму 25,58 млрд юаней (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Региональная статистика списания государственных долгов правительством КНР, конец 2009 г.

Регион	Количество стран	Количество списанных долгов	Общая сумма (млн юаней)
Африка	35	312	18960
Азия	10	41	5990
Латинская Америка и Карибский бассейн	2	14	400
Океания	3	13	230
Всего:	50	380	25580

Источник: 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. С. 49.

Основными получателями китайской помощи в целях развития выступают главным образом государства с низким уровнем доходов. При распределении своей поддержки Китай делает акцент на улучшении условий жизни населения и стимулировании экономического роста в странах-реципиентах, стремясь охватить как можно больше нуждающихся.

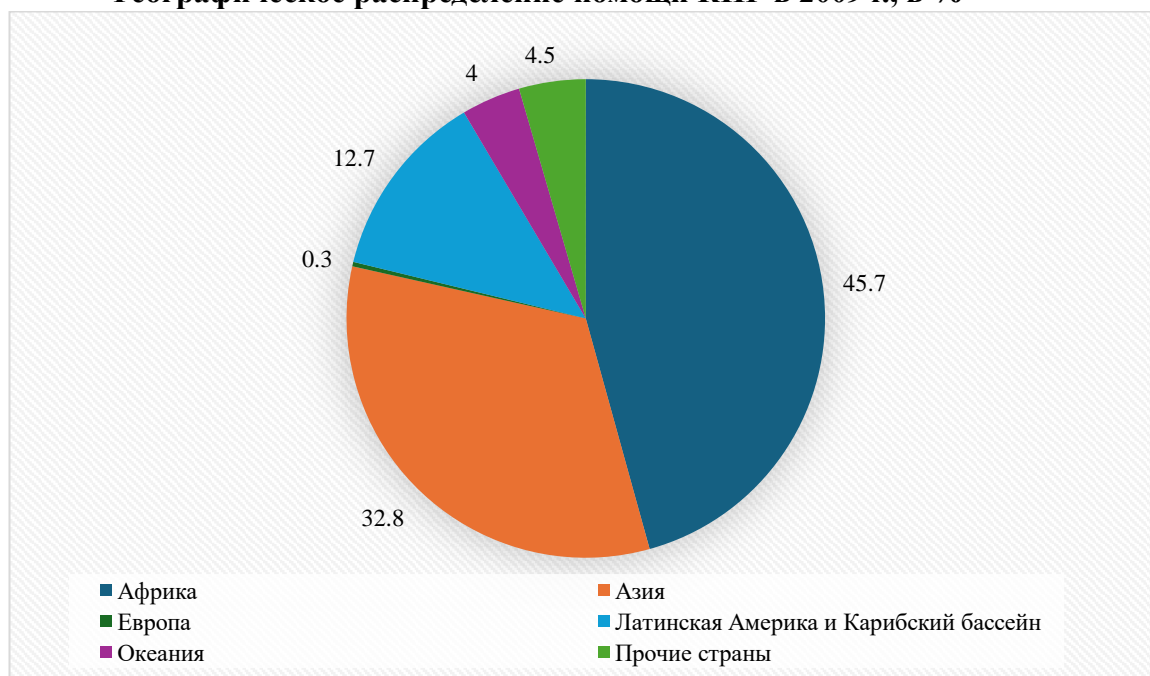
¹⁶⁸ Fon R., Alon I. Governance, foreign aid, and Chinese foreign direct investment // Thunderbird International Business Review. 2022. Vol. 64. №. 2. P. 179-201.

Китайская программа международной помощи отличается широким географическим охватом, включая государства Азии, Африки, Латинской Америки, Карибского бассейна, Океании и Восточной Европы. Особый приоритет отдаётся наименее развитым странам, на которые приходится около двух третей всего объёма поддержки.

По состоянию на конец 2009 года получателями помощи стали 161 страна и свыше 30 международных организаций, при этом 123 развивающиеся государства получали поддержку на регулярной основе. Их региональное распределение выглядело следующим образом: 30 стран в Азии, 51 — в Африке, 18 — в Латинской Америке и Карибском регионе, по 12 — в Океании и Восточной Европе. При этом на Азию и Африку, где сконцентрировано наибольшее количество населения, живущего за чертой бедности, традиционно приходится порядка 80% всей оказываемой Китаем помощи (см. рис. 2, 3).

Рисунок 2.

Географическое распределение помощи КНР в 2009 г., в %

Источник: 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. С. 50.

Рисунок 3.

Внешняя помощь КНР развивающимся странам (по уровня доходов стран-реципиентов), 2009 г., в %

Источник: 来自中国的外援. 北京: 中华人民共和国国务院新闻局 [Иностранная помощь Китая. Пекин: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. С. 51.

Основные направления китайской помощи включают сельское хозяйство, промышленность, экономическую инфраструктуру и социальную сферу. Особый акцент делается на развитии аграрного сектора и сокращении бедности. Поддержка в этой области охватывает строительство ферм, ирригационных систем и учебных центров, поставку техники и семян, а также передачу технологий через работу китайских специалистов.

Эти усилия позволяют странам-получателям значительно повысить урожайность и укрепить продовольственную безопасность. Например, «в Гвинею-Бисау к 2010 году китайские эксперты создали 11 демонстрационных площадок по выращиванию риса. Благодаря внедрению новых сортов урожайность на этих участках втрое превысила местные показатели, что было

отмечено национальной премией Министерства сельского хозяйства страны»¹⁶⁹.

На Мадагаскаре при поддержке китайских экспертов был создан центр по разработке и внедрению гибридного риса, где выращивались 34 китайских сорта, показавшие урожайность до 8 тонн с гектара — в 2–3 раза выше местных. В Мали еще в 1960–1970-х гг. Китай помогал развивать выращивание и переработку сахарного тростника, что позволило стране впервые самостоятельно производить сахар. Созданная тогда сахарная корпорация до сих пор играет значимую роль в экономике страны. В 1980-х Китай участвовал в строительстве канала Медзердах–Кап Бон в Тунисе, что позволило перебросить воду на восток и улучшить ирригацию земель, обеспечив основу для аграрного развития.

В XXI в., когда продовольственная безопасность стала глобальной задачей, КНР сделала ее важным элементом своей дипломатии. Так, на саммите ООН по Целям развития тысячелетия в 2010 году Китай обязался создать 30 демонстрационных сельскохозяйственных центров в развивающихся странах, направить туда 3000 экспертов и принять 5000 специалистов на обучение в Китай¹⁷⁰.

В целом к 2010 г. КНР поддержала 221 аграрный проект в зарубежных странах. Среди них — строительство 35 ферм, 47 станций по продвижению агротехнологий, 11 животноводческих и 15 рыболовных проектов, а также 47 объектов ирригации и водосбережения и 66 иных сельскохозяйственных инициатив. Кроме того, Китай предоставил значительные объемы техники, оборудования и материалов для нужд сельского хозяйства¹⁷¹.

¹⁶⁹ Карлусов В.В. Ярков Д.А. Внешняя помощь Китая: институты управления, международное сотрудничество, географическая и отраслевая структуры // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 9-1. С. 98-109.

¹⁷⁰ Raess, D., Ren, W., Wagner, P. Hidden Strings Attached? Chinese (Commercially Oriented) Foreign Aid and International Political Alignment // Foreign Policy Analysis. 2022. Vol. 18, Iss. 3. P. 65.

¹⁷¹ Ibid. P. 66.

Промышленная помощь стала одним из ключевых направлений китайской внешней поддержки уже на раннем этапе ее становления. В 1950–1970-е гг. Китай помог множеству недавно обретших независимость стран Азии и Африки реализовать первые для них промышленные проекты, что стало основой их будущего индустриального развития.

В 1970-е гг. масштабы промышленной помощи значительно возросли, и она занимала значительную долю в общем объеме китайской поддержки. Однако начиная с середины 1980-х годов ее удельный вес начал снижаться из-за процессов приватизации, которые активно шли в промышленности многих развивающихся стран. Тем не менее созданные при содействии Китая промышленные предприятия сыграли важную роль в росте производства, создании рабочих мест, увеличении налоговых поступлений и оживлении рынков.

К концу 2009 г. при поддержке Китая было построено 688 промышленных объектов в различных сферах — легкой, текстильной, машиностроительной, химической, металлургической, электронной промышленности, а также в производстве стройматериалов и энергетике. Среди них можно выделить текстильную фабрику «Хама» в Сирии, цементные заводы в Руанде и Перу, предприятие сельхозтехники в Мьянме, цементный завод Loutété в Республике Конго и другие проекты, которые обеспечили рабочие места и дали заметный экономический и социальный эффект¹⁷².

Не менее важным направлением всегда было строительство *экономической инфраструктуры*. Несмотря на ограниченные ресурсы, Китай эффективно использовал современные технологии и преимущества относительно дешевой рабочей силы, чтобы помочь другим развивающимся

¹⁷² 庄露,李嘉楠,曹淇.基础设施援助与工业发展——来自中国对外援助的经验证据 [Чжуан Лу, Ли Цзянань, Цао Ци. Инфраструктурная помощь и промышленное развитие - эмпирические данные о внешней помощи Китая] // 南开经济研究 [Нанкайские экономические исследования]. 2025. Vol. 01. P. 183-200.

странам реализовать значительное количество инфраструктурных проектов в сферах транспорта, энергетики и связи.

К 2010 г. было построено или существенно модернизировано 442 объекта инфраструктуры. Среди них: автотрасса Сана–Ходейда в Йемене, Каракорумское шоссе и порт Гвадар в Пакистане, железная дорога Танзания–Замбия, автомагистраль Белет-Уэн–Бурао в Сомали, сухой док на Мальте, ГЭС Лагдо в Камеруне, порт Дружбы в Нуакшоте (Мавритания), реконструкция железной дороги в Ботсване, шесть мостов в Бангладеш, участок автомагистрали Куньмин–Бангкок в Лаосе, шоссе Большого Меконга в Мьянме, тоннель Шар в Таджикистане, трасса № 7 в Камбодже и транспортная развязка Готера в Аддис-Абебе (Эфиопия). Эти проекты заметно улучшили условия жизни и хозяйственной деятельности населения, а также создали базу для устойчивого развития экономики и общества¹⁷³.

Китай активно участвует и в международных инфраструктурных инициативах. В 2000-е гг. примером такого сотрудничества стал проект развития Большого Меконга: совместно с Таиландом и Азиатским банком развития (АБР) КНР профинансировала строительство лаосского участка автомагистрали Куньмин–Бангкок, открытого в 2008 году.

Социальные и общественные объекты, возводимые при поддержке Китая в развивающихся странах, охватывают широкий спектр сооружений: здания коммунального назначения, гражданские постройки, водозаборные колодцы, конференц-залы, спортивные и культурные комплексы, а также учреждения образования, науки и здравоохранения.

К 2010 г. Китай оказал содействие в строительстве 687 подобных объектов. Среди наиболее известных можно отметить Международный конференц-зал «Мемориал Бандаранаике» на Шри-Ланке (1998 г.), Зал дружбы в Судане (1979 г.), Национальный театр Ганы (1992 г.), Каирский международный выставочный и конференц-центр (1990 г.), Центр радио- и

¹⁷³ Kitano N., Harada Y. Estimating China's foreign aid 2001–2013 // Journal of International Development. 2016. Vol. 28. №. 7. P. 1050-1074.

телевещания на Коморских островах (1980 г.), спортивный комплекс «Мои» в Кении (1987 г.) и др. Эти проекты стали значимыми центрами политической, культурной и общественной жизни, а также важными символами в городском пространстве¹⁷⁴.

Особое значение имели инфраструктурные проекты социальной направленности, такие как системы водоснабжения в Нуакшоте (Мавритания), Чалинзе (Танзания) и Зиндере (Нигер), бурение скважин в Камбодже, а также строительство доступного жилья в Анголе и Суринаме. Эти инициативы напрямую улучшили условия жизни малообеспеченных слоев населения.

Китай стал одним из первых государств, разработавших технологии чистой энергетики, включая биогаз и малые ГЭС, что позволило ему получить конкурентные преимущества в этой сфере международной помощи. Уже в ранний период внешнего сотрудничества КНР помогала странам Азии и Африки использовать местные водные ресурсы для сооружения малых и средних гидроэлектростанций, а также систем электроснабжения, необходимых как для бытовых нужд, так и для развития промышленности и сельского хозяйства. В 1980-е гг., сотрудничая с агентствами ООН, Китай активно распространял технологии биогазового производства в странах Африки и Латинской Америки, включая Гайану и Уганду, что способствовало снижению их зависимости от импортного топлива.

В последние десятилетия КНР существенно расширила помощь в сфере борьбы с изменением климата. Среди проектов — внедрение биогазовых технологий в Тунисе, Гвинее, Вануату и на Кубе, строительство гидроэлектростанций в Камеруне, Бурунди и Гвинее, а также совместные инициативы с Монголией, Ливаном, Марокко и Папуа-Новой Гвинеей по использованию солнечной и ветровой энергии.

С приходом к власти Си Цзиньпина и активизацией внешнеэкономической стратегии КНР ее модель помощи трансформировалась

¹⁷⁴ Ibid. P. 1061.

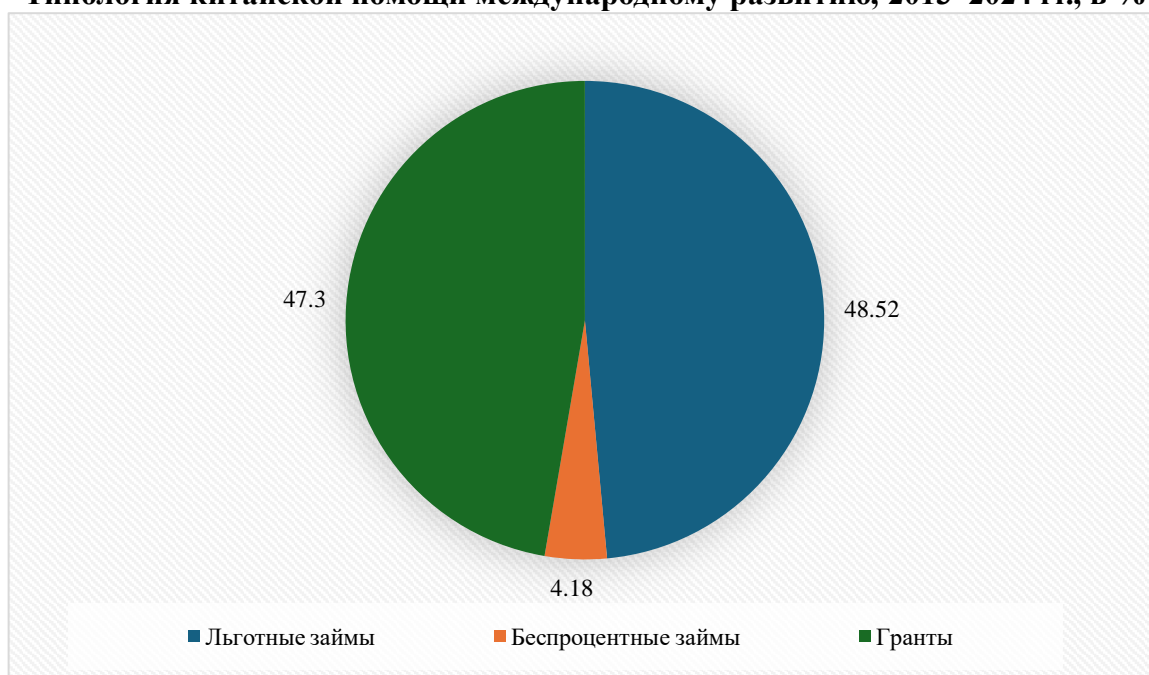
в формат «сотрудничества в целях развития». Несмотря на мировые экономические трудности, в 2010–2020-е гг. Китай наращивал объемы поддержки и расширял ее направления, уделяя особое внимание наименее развитым государствам Африки, Азии и Латинской Америки, а также странам Европы, присоединившимся к инициативе «Один пояс, один путь».

Так, в 2013–2024 гг. Китай выделил на внешнюю помощь 270,2 млрд юаней, распределенных по трем основным формам:

- гранты — 127,8 млрд юаней (47,3%), направленные в основном на проекты социальной сферы, поддержку малого и среднего бизнеса, развитие человеческого капитала, техническое сотрудничество, гуманитарную помощь и инициативы Фонда содействия сотрудничеству Юг–Юг (SSCAF);
- беспроцентные ссуды — 11,3 млрд юаней (4,18%), использовавшиеся преимущественно для строительства социальных объектов и проектов, повышающих уровень жизни населения;
- льготные кредиты — 131,1 млрд юаней (48,52%), предназначенные для финансирования промышленных предприятий, инфраструктуры среднего и крупного масштаба, а также поставок техники, оборудования и материалов (см. рис. 4).

Рисунок 4.

Типология китайской помощи международному развитию, 2013–2024 гг., в %

Источник: 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 р.

В 2010-х – 1-й половине 2020-х гг. китайская помощь распределялась в соответствии с уровнем развития стран-получателей. Больше всего — 45,7% — получили наименее развитые государства. Далее шли страны с низким и средним доходом (34,8%), а затем с высоким средним доходом (14,9%). Всего 4,6% досталось международным организациям. Эта структура точно отражала ключевые ориентиры политики Китая в области развития (см. рис. 5).

Рисунок 5.

Структура китайской помощи развитию по категориям получателей, 2013–2024 гг., в %

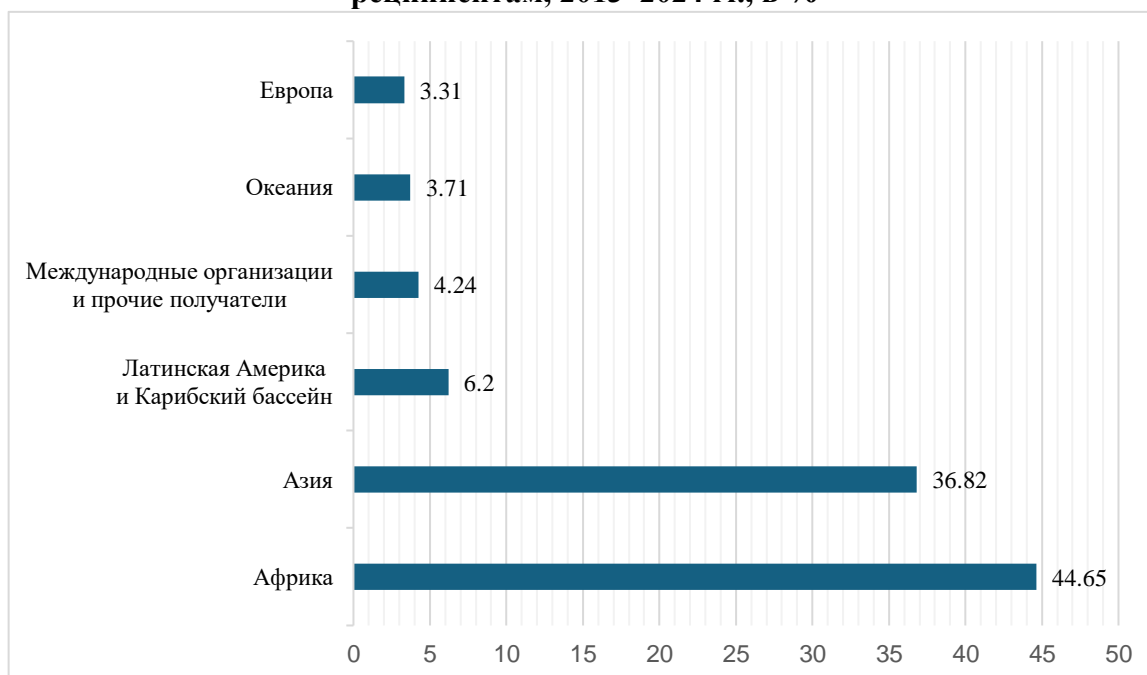

Источник: 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 р.

География распределения китайской помощи в 2013-2024 гг. четко отражала ее стратегические приоритеты. Основная часть средств была направлена в развивающиеся страны Африки (44,7%) и Азии (36,8%), а также Латинской Америки (7,3%). Всего за этот период помощь получили 122 страны, включая 53 африканские, 30 азиатских и 22 латиноамериканские, а также 20 многосторонних организаций (см. рис. 6).

Рисунок 6.

Распределение китайской помощи международному развитию по реципиентам, 2013–2024 гг., в %

Источник: 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 р.

В 2010-е гг. Китай значительно расширил спектр форм своей иностранной помощи. Ключевую роль в этом сыграл Фонд содействия сотрудничеству Юг-Юг, который выступил драйвером инновационных программ развития. Его деятельность, в том числе основанная на глубоком анализе лучших зарубежных практик, позволила внедрить новые модели помощи. Далее приводятся данные о достижениях КНР в сфере традиционной помощи за 2013–2024 гг.

Таблица 3.

Секторно-отраслевое распределение завершенных проектов на 2024 г.

Сектор, отрасль	Количество, ед.
Сельское хозяйство, в т.ч.	19
- экспериментальные центры	5
- охрана водных ресурсов, предназначенных для сельскохозяйственных угодий	2
- обработка сельскохозяйственной продукции	6
- прочие	6
Государственные учреждения, в т.ч.	306
- больницы	58

- школы	86
- гражданские постройки	19
- скважины и водообеспечение	20
- общественная инфраструктура	60
- прочие	63
Экономическая инфраструктура, в т.ч.	80
- транспорт	56
- телекоммуникации и телерадиовещание	13
- электричество	6
- прочие	5
Промышленность	5
Программы по изменению климата, в т.ч.	13
- энергия ветра и солнца	10
- биогаз	1
- малая гидроэнергетика	2
Всего:	423

Источник: 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 p.

В рассматриваемый период Китай реализовал 423 проекта, главным образом в инфраструктуре и сельском хозяйстве. Помимо традиционной модели помощи «под ключ», он внедрил пилотные проекты, где КНР обеспечивала финансирование и технологии, а страны-реципиенты брали на себя подготовку площадок, проектирование и управление строительством.

С 2013 по 2024 гг. Китай поставил в 124 страны и региона 890 партий товаров и оборудования, включая технику, транспорт, медицинские изделия и инспекционные приборы. В этот же период было выполнено 414 проектов в 95 странах в сферах промышленности, сельского хозяйства, образования, медицины, энергетики и консалтинга¹⁷⁵.

Особое значение имеет Фонд содействия сотрудничеству Юг — Юг (SSCAF), созданный по инициативе Си Цзиньпина в 2015 году с капиталом 2 млрд долл. (позже увеличенным до 3 млрд). Его цель — поддержка развивающихся стран в рамках Повестки ООН-2030 через проекты в области

¹⁷⁵ 陈高,王嘉庆. 新发展理念视角下中国对外援助与受援国高质量发展 [Чэнь Гао, Ван Цзяцин. С точки зрения новой концепции развития, иностранная помощь Китая и качественное развитие стран-получателей] // 湖北经济学院学报 [Журнал Хубэйской школы экономики]. 2025. Vol. 23 (01). P. 5-21.

сельского хозяйства, здравоохранения, образования, борьбы с бедностью, экологии и гуманитарной помощи¹⁷⁶.

К началу 2020 г. при участии SSCAF было запущено 82 проекта совместно с 14 международными организациями, включая ПРООН, ВОЗ, ВПП, ЮНИСЕФ, ЮНФПА и МККК. Они охватывали продовольственную безопасность, здравоохранение для женщин и детей, ликвидацию последствий бедствий, защиту мигрантов и развитие торговли (см. рис. 7).

Рисунок 7.
Целевое распределение средств Фонда Содействия Сотрудничеству Юг — Юг КНР, 2013–2024 гг., в %

Источник: 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 p.

В течение этого периода КНР расширила масштабы срочной гуманитарной помощи, оказав ее 60 странам. Поддержка включала поставки оборудования и материалов, направление спасателей и медицинских экспертов, а также восстановление поврежденных объектов. Отдельным

¹⁷⁶ 陈高,王嘉庆. 新发展理念视角下中国对外援助与受援国高质量发展 [Чэнь Гао, Ван Цзяцин. С точки зрения новой концепции развития, иностранная помощь Китая и качественное развитие стран-получателей] // 湖北经济学院学报 [Журнал Хубэйской школы экономики]. 2025. Vol. 23 (01). P. 10.

направлением стало списание задолженности на сумму 4,18 млрд юаней, куда вошли 98 беспроцентных кредитов для беднейших и наиболее задолженных стран, включая наименее развитые, не имеющие выхода к морю и малые островные государства¹⁷⁷.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что китайская модель содействия международному развитию представляет собой многоуровневую и комплексную систему, основанную на сочетании различных финансовых инструментов (грантов, беспроцентных ссуд, льготных кредитов), организационных механизмов и институциональной базы. Она охватывает широкий спектр сфер – от строительства инфраструктурных и промышленных объектов до развития сельского хозяйства, образования, здравоохранения и борьбы с последствиями стихийных бедствий. При этом Китай делает акцент на долгосрочных проектах, ориентированных на повышение производственного потенциала стран-получателей, улучшение условий жизни населения и формирование основ для устойчивого экономического роста. Существенное внимание уделяется поддержке наименее развитых государств Африки, Азии и Латинской Америки, что подтверждается как распределением финансовых ресурсов, так и географией реализованных проектов. Важно и то, что КНР не ограничивается традиционными формами помощи, а активно внедряет новые подходы, включая инициативы в области борьбы с изменением климата и развитие сотрудничества в формате «Юг — Юг» через Фонд содействия сотрудничеству. Все это позволяет заключить, что современная внешнеполитическая стратегия Китая в сфере международной помощи не только укрепляет его позиции в мировой экономике и политике, но и вносит весомый вклад в достижение глобальных целей устойчивого развития.

¹⁷⁷ 郭语,王泐.中国对外援助的演进、逻辑与历史经验[Го Юй, Ван Ло. Эволюция, логика и исторический опыт внешней помощи Китая] // 当代中国与世界 [Современный Китай и мир]. 2025. Vol. 01. P. 109-117.

2.2. Гуманитарная помощь Китая в области здравоохранения и медицинского образования

Китайская поддержка в сфере здравоохранения реализуется в пяти основных направлениях: отправка медицинских бригад, строительство больниц, предоставление лекарств и оборудования без оплаты, подготовка специалистов и меры по борьбе с малярией. Наибольшая часть ресурсов уходит именно на командирование врачебных коллективов и передачу медицинских объектов. Точная оценка финансовой стоимости такой помощи в натуральной форме затруднительна. По данным за 2007–2011 годы, ежегодные расходы на деятельность китайских медицинских бригад в Африке составляли около 60 млн долларов, и примерно такая же сумма выделялась в виде безвозмездных поставок. Общий объем ежегодной медицинской поддержки континента оценивается примерно в 150 млн долларов. При этом важнее не столько абсолютные цифры, сколько характер оказываемой помощи. В отличие от большинства стран-доноров ОЭСР, Китай не практикует секторальное финансирование здравоохранения. Хотя в последние годы некоторым государствам предоставлялись небольшие денежные гранты, основной формат – это проектная поддержка¹⁷⁸. Помощь в пяти упомянутых категориях базируется на накопленном опыте Китая. При этом доля медицины в общем объеме китайской внешней помощи остается относительно небольшой. В медицинской сфере доминируют пожертвования, тогда как значительная часть общей помощи КНР предоставляется на льготных условиях или в форме беспроцентных кредитов.

Первая китайская медицинская бригада была отправлена в Алжир в 1963 году. К 2010 г. подобные коллективы уже работали в 69 странах Азии, Африки, Европы, Латинской Америки, Карибского бассейна и Океании. Как правило, их направляли в наименее развитые регионы, где ощущался острый дефицит

¹⁷⁸ White Paper on China's Foreign Aid // Information Office of the State Council. 2011. URL: http://english.gov.cn/official/2011-04/21/content_1849913.htm (дата обращения: 01.09.2025).

медицинских услуг и лекарственных средств. Там китайские врачи оказывали помощь пациентам с наиболее распространенными заболеваниями, лечили сложные и тяжелые случаи, применяя иглоукалывание, прижигание, лечебный массаж, а также комбинируя методы традиционной китайской и западной медицины. Эти меры позволили спасти множество людей в критическом состоянии. Кроме того, китайские специалисты делились знаниями и опытом с местным медперсоналом, что способствовало улучшению качества здравоохранения в принимающих странах. Благодаря профессионализму, высокой медицинской этике и чувству ответственности, бригады заслужили признание со стороны правительств и населения стран-получателей. К концу 2009 г. за рубеж было направлено свыше 21 тысячи китайских медиков, которые оказали помощь 260 млн пациентов. С момента подписания в 1963 году протокола о направлении медицинских бригад между правительством Китая и странами-получателями в разные государства было отправлено около 23 тысяч китайских специалистов, оказавших услуги примерно 270 млн человек в 66 странах. Только в 2009 году 60 бригад численностью 1324 человека работали в 130 медицинских учреждениях 57 развивающихся стран¹⁷⁹.

Медицинская помощь традиционно занимает заметное место в системе внешней поддержки Китая. «Она охватывает строительство больниц и медицинских центров (включая учреждения по профилактике и лечению малярии и других инфекций), направление медицинских бригад, подготовку специалистов, поставку лекарств и оборудования. К концу 2009 года Китай оказал содействие более чем 100 больницам и центрам медицинской помощи в развивающихся странах, а свыше 30 объектов находились на стадии строительства»¹⁸⁰. Эти учреждения снабжались оборудованием и

¹⁷⁹ White Paper on China's Foreign Aid // Information Office of the State Council. 2011. URL: http://english.gov.cn/official/2011-04/21/content_1849913.htm (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁸⁰ Карлусов В.В. Ярков Д.А. Внешняя помощь Китая: институты управления, международное сотрудничество, географическая и отраслевая структуры // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 9-1. С. 98-109.

медикаментами, что существенно повышало уровень доступности медицинских услуг. Среди примеров — больница «Таиз» в Йемене (1994 г.), медицинские учреждения в Центральноафриканской Республике (1997 г.), Гвинее-Бисау (1999 г.), Чаде (2006 г.), Зимбабве (2002 г.) и Лаосе (2010 г.), которые сыграли ключевую роль в обеспечении населения качественной медицинской помощью.

К концу 2013 года в 113 медицинских учреждениях 49 стран работали 1171 китайский медик. Из них 42 страны находились в Африке, а еще семь представляли небольшие государства в Азии, Европе, Южной Америке и Океании¹⁸¹. В основном гуманитарная помощь в медицинской сфере Китай предоставляет в странах Африки, причем наибольшая концентрация бригад наблюдается в Западной и Восточной части континента. Примечательно, что в таких крупных и влиятельных государствах, как ЮАР, Нигерия и Кения, китайских врачебных бригад нет. Выбор стран осуществляется на основе их официального запроса и согласованного решения министерств здравоохранения, иностранных дел и финансов КНР. Контроль за деятельностью врачей осуществляет советник по экономическим и торговым вопросам при посольстве Китая.

Финансирование медицинских бригад осуществляется за счет бюджета Министерства здравоохранения КНР (за исключением базовой зарплаты врачей), которое и отвечает за их направление. Каждая страна закрепляется за определенной провинцией Китая: местные государственные больницы и медицинские вузы несут ответственность за подбор персонала, контроль и частичное финансирование. Для распределения провинций и стран используются практические критерии, например готовность кадров и нагрузка¹⁸².

¹⁸¹ Zhu N. China to strengthen cooperation with Africa on health // Xinhua. 2013. http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-08/16/c_132637291.htm (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁸² Bliss K. Key players in global health: how Brazil, Russia, India, China, and South Africa are influencing the game // CSIS. 2010. URL:

Численность команд варьируется от 6–7 человек до почти сотни. Обычно они работают в больницах и клиниках, созданных или поддерживаемых китайской стороной. Основу составляют практикующие врачи, в состав почти каждой группы входят руководитель и переводчик. Компетенции в области общественного здравоохранения задействуются редко, а основной упор делается на клиническую помощь, особенно в дефицитных направлениях — хирургии, гинекологии и акушерстве. Срок командировки обычно составляет два года; в это время медики обеспечиваются жильем, питанием и повышенным уровнем оплаты. Только за 2010–2012 годы китайские бригады, работавшие в 54 странах, провели около 7 миллионов консультаций и медицинских процедур¹⁸³.

С 1978 года Китай построил за пределами страны свыше ста медицинских объектов в рамках программы «Здравоохранение». Объем вложений в возведение больниц и клиник постепенно увеличивался: только в период с 2010 по 2012 годы было реализовано около 80 проектов по строительству медицинской инфраструктуры¹⁸⁴. Подавляющая часть таких объектов предоставлялась бесплатно, и лишь незначительная доля строилась как часть крупных инфраструктурных инициатив, финансируемых китайскими кредитами. Более 75% созданных учреждений пришлось на африканские страны. Большинство государств получили хотя бы по одному объекту, а отдельные — до шести. Как правило, речь идет о проектах «под ключ», когда китайские строительные компании возводят здания и передают их в пользование национальным властям.

В последние годы особое внимание уделяется борьбе с малярией. Для этого в 30 специализированных центрах реализуются противомаларийные

http://csis.org/files/publication/101110_Bliss_KeyPlayers_WEB.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁸³ Information Office of the State Council White Paper on China's Foreign Aid, The People's Republic of China, Beijing. 2014. http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-07/10/c_133474011.htm (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁸⁴ White Paper on China's Foreign Aid // Information Office of the State Council. 2011. URL: http://english.gov.cn/official/2011-04/21/content_1849913.htm (дата обращения: 01.09.2025).

программы, в которых применяется артемизинин — препарат, созданный на основе китайской традиционной медицины¹⁸⁵.

В XXI веке Китай значительно расширил сотрудничество с развивающимися странами, особенно с африканскими государствами, в области борьбы с инфекционными заболеваниями (СПИД, малярия), медицинских исследований, а также в разработке и использовании как традиционных, так и современных лекарственных средств. Только за 2007–2009 годы было построено свыше 30 противомаларийных центров в Африке, оснащенных препаратами и оборудованием на сумму более 190 млн юаней. Эти меры оказали заметное положительное влияние на развитие медицинской инфраструктуры, внедрение современных технологий и улучшение системы здравоохранения в странах-получателях.

Специалисты китайской традиционной медицины из Университета китайской медицины Гуанчжоу возглавили беспрецедентные усилия по искоренению малярии на Коморских островах с помощью традиционной китайской медицины. Начиная с 2007 г., на острове Мохели, где 23% из 36 тыс. жителей были носителями малярии, распространенность заболевания снизилась до 0,3% за 4 месяца благодаря массовому введению артемизинина и пиперахина, предоставленных министерством торговли Китая. 5 лет спустя китайская команда распространила эту программу на Анжуан, остров с населением 350 тыс. человек, снизив распространенность малярии с 19% до 0,5%. В 2014 г. усилия были расширены и охватили 420 тыс. жителей Гранд-Комора, крупнейшего острова страны. В 2016 г. искоренение малярии среди 900 тыс. человек на Коморских островах к 2016 году¹⁸⁶.

Одним из важнейших аспектов глобального здравоохранения является совместная защита от международного распространения угроз здоровью, что

¹⁸⁵ Liu P, Guo Y, Qian X, Tang S, Li Z, Chen L. China's distinctive engagement in global health // *Lancet*. 2014 Aug 30. Vol. 384(9945). P. 793-804.

¹⁸⁶ Daly, G., Kaufman, J., Lin, S. et al. Challenges and Opportunities in China's Health Aid to Africa: Findings from Qualitative Interviews in Tanzania and Malawi // *Global Health*. 2020. Vol. 16. № 71. P. 54-68.

отражает высокий уровень взаимозависимости стран. Яркие примеры таких рисков — трансграничное распространение инфекций, заражение товаров и продуктов, загрязнение воздуха, а также глобальное накопление углекислого газа.

Для Китая тяжелым испытанием стала эпидемия атипичной пневмонии 2003 года, которая имела серьезные экономические и политические последствия. На первом этапе и меры борьбы с болезнью, и международное взаимодействие были задержаны, однако впоследствии признанные ошибки побудили Пекин предпринять решительные шаги как внутри страны, так и за ее пределами. На национальном уровне был проведен масштабный пересмотр системы здравоохранения и вложены значительные средства в Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний (CDC), что позволило создать крупнейшую в мире систему электронного эпидемиологического мониторинга в режиме реального времени. В международной плоскости Китай стал активно участвовать в многосторонних форумах, направленных на развитие сотрудничества в сфере обмена данными и борьбы с болезнями. Так, в 2003 году была принята резолюция ООН о наращивании потенциала глобального здравоохранения, а в 2006 году в Пекине прошла совместная международная конференция по мобилизации средств для противодействия пандемическому гриппу птиц и людей, организованная совместно с Европейской комиссией и Всемирным банком¹⁸⁷.

Более поздний опыт подтверждает, что Китай стремится к строгому выполнению Международных медико-санитарных правил. Например, во время вспышки атипичной пневмонии в 2003 году между выявлением первого случая, сообщением в ВОЗ и началом совместного расследования прошло в общей сложности более четырех месяцев (87 дней до первого уведомления и

¹⁸⁷ WHO International Pledging Conference on Avian and Human Pandemic Influenza // WHO. 2006. URL: http://www.who.int/dg/lee/speeches/2006/flumeeting_beijing/en/ (дата обращения: 01.09.2025).

еще 46 дней до совместной проверки). Однако при эпидемии птичьего гриппа H7N9 спустя десять лет этот промежуток был сокращен более чем вдвое.

Инфекционные заболевания могут распространяться и в обратном направлении — на территорию Китая. Так, в 2011 году в провинцию Синьцзян был занесен полиомиелит из Пакистана. Для восстановления статуса страны, свободной от полиомиелита, потребовались значительные ресурсы и усилия на протяжении более года. Схожие угрозы возникали и в связи с возможным проникновением лихорадки денге, малярии и других трансмиссивных заболеваний¹⁸⁸.

Трансграничные риски могут возникать и в процессе международной торговли. Будучи крупнейшим мировым экспортером промышленных товаров, Китай, неизбежно, также становится источником угроз для здоровья населения других стран. Средства массовой информации неоднократно сообщали о случаях загрязнения китайского экспорта — в частности, зубной пасты, красок со свинцовыми компонентами, молочной продукции и гепарина. Однако проблемы безопасности затрагивают не только экспортируемую продукцию. Китай также является страной, куда перемещаются отходы и химические вещества из более развитых государств в менее обеспеченные регионы. Эти риски вызывают беспокойство и у самой китайской общественности. Возможно, именно в ответ на подобные вызовы Государственное управление по контролю за продуктами питания и лекарствами (SFDA) получило статус министерства, расширенный бюджет, увеличенный штат сотрудников и более строгие регулирующие полномочия.

Китай также активно развивает образовательные инициативы для специалистов и молодежи из развивающихся стран, приглашая их для прохождения курсов профессиональной подготовки и обучения. В период 2010–2012 годов правительство предоставило 76 845 стипендий для участия в

¹⁸⁸ China tightens quarantine for malaria, dengue // China Daily. 2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-03/26/content_14917561.htm (дата обращения: 01.09.2025).

подобных программах, значительная часть которых была связана с медициной и здравоохранением. Иностранные студенты обучаются и в китайских медицинских университетах. По данным «Ежегодника образования Китая», в 1999–2011 годах в Китае проходили подготовку 240 123 иностранных студентов-медиков, что составляло около 13% от общего числа иностранных студентов в 2011 году¹⁸⁹.

Согласно данным Министерства образования, в том же 2011 году около 27 тысяч иностранных студентов изучали современную медицину, а примерно 12 тысяч — традиционную китайскую медицину. К 2013 году 52 медицинских вуза в Китае получили право принимать иностранных студентов на англоязычные программы по медицине¹⁹⁰. Несмотря на высокий интерес к традиционной китайской медицине, большинство обучающихся из других стран предпочитают современную медицину. Около 10% иностранных студентов-медиков обучаются за счет государственных стипендий Китая, что можно рассматривать как элемент китайской помощи в сфере здравоохранения для зарубежных граждан.

Следует отметить, что обучение иностранных студентов является также источником дохода для китайских медицинских университетов, поскольку стоимость образования для них выше, чем для граждан Китая. В 2011 году значительная часть иностранных студентов прибыла из соседних азиатских стран — Индии, Японии, Пакистана, Южной Кореи и государств Юго-Восточной Азии.

К 2024 году в рамках международного сотрудничества Китай направил 27 484 медицинских специалиста, объединенных в 1069 бригад, в 72 страны и региона. Они работали практически во всех областях медицины: внутренней медицине, хирургии, гинекологии, педиатрии, анестезиологии, уходе за

¹⁸⁹ Brief statistics of international students in China, Ministry of Education of People's Republic of China. Beijing: Advanced Education Press. 2012. P. 6.

¹⁹⁰ New list of Chinese medical institutions admitting International Students for Academic Year 2013–2014 // Ministry of Education of People's Republic of China. 2013. URL: <http://www.admissions.cn/news/363674.shtml> (дата обращения: 01.09.2025).

пациентами, лабораторной диагностике, традиционной китайской медицине и других сферах здравоохранения. В начале 2020-х годов более тысячи китайских врачей продолжали трудиться в 111 медицинских учреждениях 55 стран мира¹⁹¹.

Оказав решающее влияние на борьбу народов Африки над такими заболеваниями, как малярия, СПИД и т.д. все же наиболее серьезную и масштабную акцию гуманитарной помощи Китай предоставил во время пандемии COVID-19, которая затронула весь мир.

Китай оказался первой страной, столкнувшейся с COVID-19. Уже в декабре 2019 г. фиксировался рост числа заболеваний дыхательных путей, что стало сигналом о начале распространения вируса. После официального признания вспышки власти классифицировали COVID-19 как болезнь категории В, но при этом применили к нему меры уровня А, что означало максимальную мобилизацию ресурсов для минимизации последствий. Особое внимание уделялось провинции Хубэй и ее столице Уханю, которые стали эпицентром эпидемии. Там был введен строгий контроль за передвижением населения, направлено свыше 40 тысяч медиков из других регионов Китая, а также возведены временные госпитали¹⁹². В середине января начались масштабные ограничения: движение общественного транспорта в и из Уханя было остановлено, учебные заведения ушли на длительные каникулы, магазины, кроме продовольственных и аптек, закрылись. Передвижение частных автомобилей и общественного транспорта было запрещено, а жителям предписывалось оставаться дома¹⁹³. Для выявления зараженных применялся массовый эпиднадзор.

¹⁹¹ Xi, B., Li, H. The selfless sacrifice of doctor Junqiao Zhang: leaving a lasting legacy in China-Africa health cooperation. *Global Health Research and Policy*. 2025. Vol. 10. № 39. P. 45-61.

¹⁹² International Cooperation for The Coronavirus Combat. Results, Lessons, and Way Ahead // Shanghai Institutes for International Studies. March, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/kjgzbdyyq/P020200310355462655277.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹³ Graham-Harrison, E., and L. Kuo. China's Coronavirus Lockdown Strategy: Brutal but Effective // *The Guardian*. March 19, 2020. URL:

На первых этапах международное сообщество резко критиковало действия Китая. Особенно осуждалось давление на врачей, которые пытались предупредить о новой болезни. Наибольший резонанс вызвала смерть 7 февраля 2020 года доктора Ли Вэньляна, одного из первых медиков, пытавшихся публично рассказать о вспышке, но вынужденного замолчать под давлением полиции¹⁹⁴. Меры властей часто называли «авторитарными»¹⁹⁵, хотя впоследствии признавали их эффективность.

В США критика была особенно сильной: говорилось о том, что Пекин занижал данные о масштабах заражения. Сообщалось даже, что ЦРУ докладывало об этом Белому дому¹⁹⁶. Тем не менее Китай, будучи источником вируса, сумел одним из первых стран взять вспышку под контроль. Уже с середины марта 2020 года перестали регистрироваться новые внутренние случаи заражения; фиксировались лишь завозные случаи¹⁹⁷. К осени 2020 г. Китай, в отличие от многих других государств, избежал так называемой «второй волны» пандемии.

Власти стремились подчеркнуть, что их действия позволили выиграть время для подготовки всего мира к пандемии. Китайские СМИ активно распространяли информацию о превосходстве национальной стратегии

<https://www.theguardian.com/world/2020/mar/19/chinas-coronavirus-lockdown-strategy-brutal-but-effective> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹⁴ Pei, M. China's Coming Upheaval: Competition, the Coronavirus, and the Weakness of Xi Jinping // Foreign Affairs. April 3, 2020. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-03/chinas-coming-upheaval?utm_medium=promo_email&utm_source=pre_release&utm_campaign=special_send_pei_china_coming_upheaval_regusers&utm_content=20200403&utm_term=registrant-prerelease (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹⁵ Huang, Y. China's Approach to Containing Coronavirus Cannot be Replicated // Aljazeera. March 23, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/china-approach-coronavirus-replicated-200323080154581.html> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹⁶ Barnes, J.E. C.I.A. Hunts for Authentic Virus Totals in China, Dismissing Government Tallies // The New York Times. April 2, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/02/us/politics/cia-coronavirus-china.html> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹⁷ Givetash, L., and L. Chen. China reports no new coronavirus cases, offers medical aid overseas // NBC News. March 19, 2020. <https://www.nbcnews.com/news/world/china-reports-no-new-coronavirus-cases-offers-medical-aid-overseas-n1163611> (дата обращения: 01.09.2025).

борьбы с вирусом и демонстрировали прозрачность, например, публикуя ежедневные отчеты.

Китайские официальные лица постоянно ссылались на успехи в борьбе с пандемией, подчеркивая, что страна «подает пример»¹⁹⁸. Си Цзиньпин называл противостояние вирусу «народной войной», отмечая высокую способность государства к мобилизации и накопленный опыт реагирования на кризисы в сфере здравоохранения¹⁹⁹. Таким образом, Китай пытался закрепить образ страны, способной справиться с глобальной угрозой.

Важно, что предпринимаемые меры не изначально были инструментом публичной дипломатии. В первую очередь они были направлены на преодоление внутреннего кризиса и минимизацию числа жертв. Однако по мере стабилизации ситуации успехи начали использоваться для укрепления международного имиджа Китая. Некоторые шаги носили демонстративный характер: например, онлайн-трансляция строительства временных госпиталей, которая символизировала эффективность и масштабность мобилизационных усилий. Китай также стремился показать прозрачность, публикуя данные о ходе борьбы с инфекцией, хотя этот образ контрастировал с начальной реакцией властей, когда масштабы эпидемии, напротив, занижались.

Вторым, и, возможно, даже более значимым направлением публичной дипломатии Китая в условиях пандемии COVID-19 стала помощь другим государствам в их борьбе с вирусом. Этот аспект тесно связан с первым: Пекин смог активно поддерживать другие страны лишь после того, как стабилизировал эпидемиологическую ситуацию внутри страны. На раннем этапе вспышки Китай сам пользовался иностранной помощью, что позже было

¹⁹⁸ Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on March 31, 2020 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1764277.shtml (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹⁹ Blanchard, B. Xi Says China has Achieved 'Positive' Virus Control Results // Reuters. February 6, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-health-saudi/xi-says-china-has-achieved-positive-virus-control-results-idUSKBN2001Y4> (дата обращения: 01.09.2025).

отражено в официальной риторике, подчеркивавшей взаимность и солидарность.

С марта 2020 года Китай начал оказывать масштабную поддержку зарубежным государствам. В пакеты помощи входили наиболее необходимые товары для борьбы с коронавирусом — тест-системы, аппараты ИВЛ, защитные маски, а также направлялись медицинские специалисты. Круг получателей был широким. К концу марта помощь Пекина охватила 82 государства, Всемирную организацию здравоохранения и Африканский союз, а к концу мая-июня число стран-реципиентов достигло 150²⁰⁰.

География помощи охватывала практически все регионы мира: азиатские соседи Китая, африканские государства с ограниченными медицинскими ресурсами, страны Европы, включая Италию и Сербию, а также государства Латинской Америки. Таким образом, помощь распространялась как для развивающихся, так и для развитых странам, что отличало эту волну гуманитарных действий от традиционной китайской практики, ориентированной прежде всего на развивающийся мир.

Состав помощи был разнообразным. Основу составляли медицинские маски, защитные костюмы, наборы для диагностики коронавируса и аппараты искусственной вентиляции легких. Помимо материальных ресурсов, Китай направлял за границу медицинские экспертные группы. К июню 2020 г. 29 таких бригад работали в двадцати семи странах. Их миссия заключалась не только в оказании непосредственной врачебной помощи, но и в консультировании местных органов здравоохранения, в передаче опыта организации карантинных мер и лечения пациентов. Существенным элементом была и «экспортная» поддержка китайской модели борьбы с вирусом: Минздрав Китая перевел свои руководства по диагностике и лечению

²⁰⁰ Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on March 31, 2020 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1764277.shtml (дата обращения: 01.09.2025).

на несколько иностранных языков и активно распространял их среди стран-партнеров²⁰¹.

Объемы помощи впечатляли. Сербия получила миллион масок и десятки аппаратов ИВЛ, Италия — десятки тонн медицинского оборудования и несколько бригад специалистов. В Африке Китай действовал через Африканский союз и передал свыше шести миллионов масок и тысячи тестов. В ряде случаев речь шла о миллионах единиц средств индивидуальной защиты и десятках тысяч тестов. Кроме того, Китай объявил о намерении сделать вакцины глобальным общественным благом, пожертвовав за рубежом более двадцати миллионов доз, что превысило показатели Европейского союза на тот момент²⁰².

При этом помощь не ограничивалась исключительно действиями правительства. По информации МИД, она распределялась по четырем основным каналам: официальная межгосударственная поддержка, обмен технологиями в области здравоохранения, сотрудничество на уровне региональных властей, а также инициативы частных компаний и неправительственных организаций²⁰³. Так, Huawei отправляла маски в Испанию, Италию и Нидерланды; фонд Alibaba передал Италии миллион масок; компания ZTE пожертвовала две тысячи масок городу Аквила; Банк Китая предоставил Канаде маски, защитные костюмы, очки и перчатки. По состоянию на 23 марта китайские корпорации направили медицинские товары в 20 стран, а местные органы власти — в субнациональные структуры 19

²⁰¹ Cheng Cindy, Barceló Joan, Hartnett Allison S., et al. COVID-19 Government Response Event Dataset (CoronaNet v.1.0) // *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. P. 756–768.

²⁰² Lee S.T. Vaccine diplomacy: nation branding and China's COVID-19 soft power play // *Place Brand Public Dipl.* 2023. Vol. 19. № 1. P. 64–78.

²⁰³ MFA: China Has Announced Assistance to 82 Countries, WHO and African Union to Fight COVID-19 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. March 20, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/kjgzbdffyq/t1759145.shtml (дата обращения: 01.09.2025).

государств. Эти цифры постоянно менялись, поскольку новые страны продолжали получать поддержку²⁰⁴.

Эффективность китайской помощи проявилась в нескольких измерениях. С практической точки зрения она восполнила острейший дефицит медицинских товаров и оборудования в первые месяцы пандемии, когда традиционные доноры, включая США и страны ЕС, сами оказались не в состоянии оперативно поддерживать внешние поставки. Особенно ценным оказался вклад китайских экспертов в странах с ограниченными возможностями здравоохранения, где их рекомендации позволяли быстрее адаптировать карантинные меры и схемы лечения. В дипломатическом плане помощь укрепила международное влияние Пекина: страны-реципиенты публично благодарили Китай, что улучшало его образ в условиях, когда мировое сообщество критиковало его за позднее информирование о вирусе.

Вместе с тем Пекин подвергался критике за то, что часть поставок носила коммерческий характер. Например, Хорватия получила закупленные у Китая медикаменты, хотя параллельно обсуждались и поставки безвозмездной помощи. В ходе переговоров с премьер-министром Хорватии Андреем Пленковичем премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заверил, что Китай окажет всевозможную поддержку, включая содействие в приобретении медикаментов через коммерческие каналы. Схожая ситуация наблюдалась и в Италии: одни партии были доставлены силами Красного Креста Китая бесплатно, за другие пришлось заплатить²⁰⁵.

Кроме того, отсутствие единой координации и опора на реактивный, а не стратегический подход делали помощь фрагментарной. Различные ведомства

²⁰⁴ Kobierecka A., Kobierecki M.M. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications // *Int Polit (Hague)*. 2021. Vol. 58. № 6. P. 937-954.

²⁰⁵ Premier Li Keqiang Talks by Phone with Croatian Prime Minister Andrej Plenković // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. March 27, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/kjgzbdffyq/t1763047.shtml (дата обращения: 01.09.2025).

и компании участвовали в поставках, что усиливало разнородность и иногда приводило к несогласованности действий.

В целом, гуманитарная помощь Китая при пандемии COVID-19 стала масштабной по охвату и составу, включала десятки миллионов единиц медицинских товаров и десятки экспертных миссий, что обеспечило значимый практический и дипломатический эффект. Вместе с тем эффективность оказалась неоднородной: Китай добился усиления своего влияния и восполнил нехватку медицинских ресурсов в кризисный момент, но столкнулся с проблемами качества поставок и трудностями стратегической координации, что ограничило долгосрочный имиджевый эффект.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что медицинская помощь является одним из ключевых и наиболее устойчивых направлений внешней деятельности Китая. Ее специфика заключается не столько в масштабах финансовых вложений, сколько в характере и практической направленности предоставляемой поддержки. Китай последовательно делает акцент на проектных формах взаимодействия — направлении медицинских бригад, строительстве больниц, подготовке специалистов и предоставлении оборудования, что позволяет добиваться ощутимых и быстро проявляющихся результатов. Эти меры вносят существенный вклад в повышение доступности и качества медицинских услуг в странах-получателях, особенно в Африке, где хронически ощущается дефицит врачей и инфраструктуры.

Особое значение имеет практический опыт китайских специалистов, которые не только оказывают помощь пациентам, но и делятся знаниями с местным персоналом, тем самым формируя основу для устойчивого развития национальных систем здравоохранения. Масштабность и регулярность миссий подтверждают стратегический характер медицинской дипломатии Китая, укрепляющей его международный авторитет и формирующей позитивный имидж в глазах мирового сообщества.

Вместе с тем анализ показывает, что, несмотря на значительные достижения и положительное влияние, медицинская помощь остается лишь частью более широкой системы внешней поддержки КНР, где ее доля в финансовом выражении сравнительно невелика. Эффективность китайской модели проявляется прежде всего в сочетании практических результатов с дипломатическим эффектом: помощь в здравоохранении становится инструментом внешней политики КНР, позволяя Китаю укреплять позиции в развивающихся странах и активно участвовать в решении глобальных вызовов, таких как борьба с инфекционными заболеваниями и пандемиями.

2.3. Проекты в области образовательных программ

Среди секторов гуманитарной помощи Китая, китайская помощь в сфере образования остается относительно малоизученной областью. С 1990-х годов международное сообщество все чаще признает стимулирующую роль образовательной помощи в содействии экономическому и социальному развитию стран-получателей помощи. Исследование Всемирного банка показывает, что образовательная помощь, особенно в области базового образования, приносит значительную экономическую отдачу странам-получателям²⁰⁶. Образовательная помощь может способствовать росту уровня доходов, развитию образования и увеличению продолжительности жизни в странах-получателях²⁰⁷. По этой причине как Цели развития тысячелетия, так и Цели устойчивого развития, предложенные ООН, ставят во главу угла всеобщий, инклюзивный и справедливый доступ к качественному образованию в качестве фундаментальной цели развития. В этих условиях Китай уделяет особое внимание выделению иностранной помощи сектору образования.

²⁰⁶ Lockheed M.E., Verspoor, A.M. Improving Primary Education in Developing Countries (English). Washington: World Bank. 1991. P. 12.

²⁰⁷ Lee, E. Exploratory Test of the Effectiveness of Educational Aid in Official Development Assistance // Journal of Safety and Crisis Management. 2022. Vol. 12. No. 9. P. 19–27.

Подход Китая к предоставлению помощи в сфере образования можно охарактеризовать следующим образом: Китай выстраивает собственную модель международной образовательной помощи, которая отличается от западной логики. Если западные программы часто связаны с финансированием отдельных проектов, снижением затрат или контролем за управлением в странах-получателях, то китайский подход ориентирован на практическую выгоду и построение взаимовыгодного сотрудничества. Его цель – не просто «помочь», а создать условия для совместного развития через сочетание образования, инвестиций, торговли и передачи технологий.

Китай подчеркивает принципы невмешательства и партнерства, позиционируя себя не как донор, а как участник сотрудничества Юг–Юг. Такая стратегия выгодно отличает его от традиционных доноров и позволяет рассматривать помощь как часть более широкого политико-экономического обмена.

Исторически политика Китая в этой сфере формировалась под влиянием нескольких факторов:

- культурной традиции «поддержки слабых соседей»;
- исторической модели «центр–периферия», где Китай видел себя сильной державой, ответственной за окружающие страны;
- идеологии национализма и коммунизма, стремления распространить свою модель развития;
- внутренних экономических и политических интересов в рамках глобальной системы.

Все эти элементы, изменяясь со временем, сформировали уникальный китайский подход: вместо классической «помощи» он представляет собой комплексный механизм партнерства, где образование становится одним из ключевых инструментов укрепления связей и развития²⁰⁸.

²⁰⁸ Yang R., Ma J. China's international aid in education: Development, determinants, and discord // International education aid in developing Asia: Policies and practices. Singapore: Springer Singapore, 2015. P. 113-130.

Сотрудничество Китая в области подготовки человеческих ресурсов подразумевает реализацию через двусторонние и многосторонние каналы широкого спектра образовательных и исследовательских инициатив для развивающихся стран. Это включает обучение государственных служащих, проведение технических курсов, профессиональной подготовки и обменных программ.

Начало такой деятельности относится к 1953 году. В 1950-х гг. Китай начал оказывать финансовую поддержку студентам из других развивающихся стран, приезжающим в Китай на учебу, и помогать азиатским и африканским странам строить свои собственные колледжи и техникумы, предоставляя им учебные пособия и лабораторное оборудование. С 1960-х годов Китай направляет китайских преподавателей в другие развивающиеся страны. В 1970-х и 1980-х годах Китай начал готовить технических специалистов среднего и высшего звена и управленческий персонал из развивающихся стран, которые будут работать в проектах, осуществляемых с китайской помощью.

С 1981 года Китай совместно с Программой развития ООН организовывал специализированные практические курсы для развивающихся государств. В 1998 году китайское правительство начало проводить семинары для государственных служащих, и масштабы таких инициатив быстро расширились. К 2009 году в стране было проведено свыше 4000 обучающих мероприятий, в которых участвовали около 120 тысяч человек — от стажеров и технических специалистов до управленцев и чиновников. Программы охватывали более 20 направлений, включая экономику, дипломатию, медицину, сельское хозяйство и охрану окружающей среды. В последние годы ежегодно в Китае проходят подготовку свыше 10 тысяч представителей развивающихся стран. Кроме того, значительное число специалистов было

подготовлено в рамках технического сотрудничества и иных форм взаимодействия²⁰⁹.

В последующие годы Китай заметно расширил и разнообразил формы своей образовательной помощи развивающимся странам. Она включала строительство сельских начальных и средних школ, увеличение числа государственных стипендий и преподавателей, направляемых для обучения в КНР, привлечение китайских педагогов за рубеж, использование китайских учебников и пособий, а также повышение качества преподавания академических дисциплин. Значительное внимание уделялось сотрудничеству в области профессионально-технического образования, в том числе развитию дистанционного обучения. В Китае считают, что такая деятельность оказала весомую интеллектуальную поддержку социально-экономическому прогрессу в формате «Юг–Юг».

В XXI в. Китай увеличил свою помощь в сфере образования в других развивающихся странах, помогая им построить около 100 сельских начальных школ, увеличивая государственные стипендии и число учителей, приезжающих на стажировку в Китай, направляя больше китайских учителей за рубеж для содействия развитию академических дисциплин и укрепляя сотрудничество с другими развивающимися странами в области образования²¹⁰.

В 2002 году Китай впервые направил в Лаос пятерых добровольцев, которые в течение полугода оказывали услуги в сфере образования и здравоохранения. К концу 2009 года 405 молодых специалистов из Китая работали в 19 странах, включая Таиланд, Лаос, Мьянму, Эфиопию, Сейшелы, Либерию и Гайану. Они помогали в обучении китайскому языку, передаче знаний в области традиционной медицины, сельскохозяйственных технологий, спорта, физической подготовки и компьютерных навыков. В 2003–2009 годах

²⁰⁹ 外交学：理论与实践 / 杨闯等著 [Дипломатия: теория и практика, под ред. Ян Чжуан и др.]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe. 2018. С. 54.

²¹⁰ Там же. С. 58.

Китай также направил за рубеж 7 590 преподавателей китайского языка, которые работали более чем в 70 странах²¹¹.

В 2010 г. премьер-министр Китая Вэнь Цзябао отметил, что образовательные программы в стране ориентированы на подготовку «управленческих и технических кадров различных направлений» с целью развития «человеческих ресурсов, более ценных, чем золото»²¹². Эти программы включают как политико-административные курсы для госслужащих, так и техническое обучение для специалистов. Политические тренинги охватывают темы социальной защиты, здравоохранения, государственного управления, борьбы с бедностью и культурного развития. Технические же курсы затрагивают такие области, как сельское хозяйство, медицина, инженерия, энергетика и экология. Обычно обучение длится 2–3 недели, но в отдельных случаях может продолжаться до полугода. Группы состоят, как правило, из 20–25 человек, часто из стран одного региона и с общим языком, хотя встречаются и двусторонние программы. Основная часть тренингов проводится в Китае, где занятия сочетаются с выездными мероприятиями и посещением как развитых, так и менее развитых районов.

Подбор участников осуществляется представительством ЕСС посольства совместно с принимающей стороной, после чего ЕСС организует поездку. В 2013 году Центр обучения Министерства торговли (AIBO) провел или координировал 522 курса, в которых приняли участие около 13 500 человек. Часть программ AIBO передает другим министерствам, университетам и исследовательским институтам в зависимости от их компетенции. Так, аграрные вузы и научные центры проводят сельскохозяйственные курсы, а университеты и Министерство образования – программы для преподавателей. Для ряда учреждений обучение стало ключевым направлением деятельности. Например, Международный центр по

²¹¹ 外交学：理论与实践 / 杨闯等著 [Дипломатия: теория и практика, под ред. Ян Чжуан и др.]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe. 2018. С. 56.

²¹² Reilly, J. The role of China as an education aid donor // UNESCO. 2015. P. 9.

борьбе с бедностью (IPRC) обучил 1200 специалистов из 99 стран, а Цзилиньский университет только за 2011 год провел 27 курсов для специалистов из КНДР²¹³. Министерство финансов также поддерживает национальную сеть обмена информацией о тренингах, где вузы могут найти сведения о прошлых курсах, преподавателях и слушателях.

Финансирование идет за счет китайского бюджета внешней помощи: государство оплачивает перелет, проживание, питание, страховку, стипендию и сам курс обучения. Например, в 2013 году бюджет трехнедельной программы для 20 человек составлял около 129 840 долларов, или 6 492 доллара на участника²¹⁴.

Хотя точных данных о распределении участников по странам, профессиям и статусу нет, официальные документы указывают, что слушателями чаще всего являются госслужащие, технические специалисты или аспиранты. Образовательные курсы ориентированы на администраторов, учителей и разработчиков образовательной политики. Так, в 2013 году AIBO организовал 13 программ по образованию: четыре – для директоров начальных школ, две – для руководителей университетов и колледжей, четыре – для специалистов по образовательной политике и три – для учителей²¹⁵.

В 2004 г. Министерство образования назначило Чжэцзянский педагогический университет одной из четырех опорных баз в области образовательного сотрудничества. К 2008 году этот вуз провел 16 программ по управлению образованием для африканских специалистов: 11 касались высшей школы, три – среднего образования, по одной – дошкольного и базового. Среди 300 участников из 43 африканских стран были высокопоставленные чиновники, ректоры университетов и директора школ.

²¹³ 商务部援外培训财务管理与结算实施细则 [Тренинг Министерства торговли по внедрению правил финансового управления и расчетов по иностранной помощи] // 继续教育学院 [Колледж непрерывного образования]. 2023. URL: <https://jxjy.jmi.edu.cn/42/d0/c3042a82640/page.htm> (дата обращения: 01.09.2025).

²¹⁴ King, K. *China's Aid & Soft Power in Africa*. Suffolk: James Currey. 2013. P. 56.

²¹⁵ Academy for International Business Officials (AIBO). 2025. URL: <https://www.china-aibo.cn/en/> (дата обращения: 01.09.2025).

Курсы были сосредоточены на китайской системе образования и международных тенденциях, включали лекции, семинары и практические визиты. Цели заключались в обмене опытом, предоставлении «зеркала» для анализа национальных реформ образования, а также в развитии образовательного сотрудничества и содействии экономическому росту²¹⁶.

Большая часть стипендий, предоставляемых Китаем в рамках программ внешней помощи, распределяется через Китайский совет по стипендиям (CSC) и финансируется за счет Государственного стипендиального фонда (FSSC), направленного на обучение иностранных студентов в Китае. Эти стипендии покрывают расходы на обучение, проживание и медицинское обслуживание на весь срок получения степени. Они делятся на четыре категории: бакалавриат, магистратура, докторантура и краткосрочные курсы без присуждения диплома. С 2000 по 2013 год через CSC было выдано почти 198 тысяч стипендий. В структуру совета входит семь основных программ: двусторонние соглашения с отдельными государствами, региональные инициативы для стран Юго-Восточной Азии, Тихоокеанских островов и ЕС, а также совместная с ЮНЕСКО «Стипендия Великой Китайской стены»²¹⁷.

Поступающие подают документы через китайские посольства или консульства в своих странах. На данный момент 252 вуза КНР имеют право принимать студентов по линии CSC. Большинство программ реализуются на китайском языке, поэтому предполагается, что студенты изучают его в ходе обучения. Основным критерий отбора – академическая успеваемость. Финансовые показатели кандидатов при этом не учитываются, однако значительная часть получателей стипендий приезжает из развивающихся стран.

Помимо классических программ, ряд университетов Китая разработали специальные курсы для стипендиатов, например, магистратуру для

²¹⁶ Li Wei, et al. Education Assistance to Africa: We Can Do More and Better // *Transition Studies Review*. 2010. № 17. P. 280–296.

²¹⁷ China Scholarship Council. 2025. URL: <https://www.chinesescholarshipcouncil.com/ru/> (дата обращения: 01.09.2025).

госслужащих из развивающихся стран в Университете Цинхуа или Китайско-африканскую бизнес-школу при Чжэцзянском педагогическом университете. Некоторые вузы также налаживают партнерские отношения с университетами в странах-партнерах, что фактически выступает как образовательная помощь: Китай направляет туда специалистов и ресурсы через Министерство образования.

Так, в начале 2000-х гг. около 400 китайских преподавателей, главным образом из Тяньцзиньского университета технологии и образования (TUTE), работали в колледжах Эфиопии. В 2003 году TUTE открыл первый Центр африканского профессионального образования в Китае, а в 2009 году при поддержке Китая на 15 млн долларов был создан Эфиопско-китайский политехнический колледж (ЕСРС). Университет помог в подготовке кадров, направив руководителей для обучения сотрудников ЕСРС, а также привлек волонтеров в рамках программы «Молодые добровольцы в помощь Африке»²¹⁸. В 2010 г. совместно с TUTE в ЕСРС был открыт Институт Конфуция.

Отдельное направление образовательной помощи – программа CYVOSP, являющаяся основной международной волонтерской инициативой Китая. Она финансируется за счет бюджета внешней помощи и координируется центром AIVO при участии Китайской ассоциации молодежных волонтеров. В 2002–2009 гг. по этой линии за рубеж было направлено 405 специалистов-волонтеров. В течение года они работали в развивающихся странах по шести направлениям: преподавание китайского языка, традиционная медицина, сельскохозяйственные технологии, спорт, компьютерная подготовка и гуманитарная помощь. Масштабы программы пока ограничены, однако она рассматривается как важный элемент китайской политики содействия развитию.

²¹⁸ Reilly, J. The role of China as an education aid donor // UNESCO. 2015. P. 15.

Программа СТVP была запущена Министерством образования Китая в 2004 году и позже передана под управление Совета по китайскому языку (Hanban). К 2024 г. Hanban направил более 25 тыс. добровольцев-преподавателей китайского языка в 101 страну мира²¹⁹. Хотя основная их часть работает в университетах, многие преподают и в школах среднего и начального уровня. Чаще всего они ведут занятия в Институтах Конфуция или учреждениях, связанных с ними. Учителя получают от Hanban небольшую стипендию и, как правило, предоставляются принимающим странам безвозмездно. В основном волонтерами становятся недавние выпускники вузов. В реализации программы на местах помогает советник по вопросам образования и культуры при китайских посольствах.

На настоящий момент по всему миру насчитывается 548 Институтов Конфуция (ИК) и 646 Классов Конфуция в 154 странах. Большая часть их расположена в развитых странах, прежде всего в США и Европе, тогда как только 117 находятся в развивающихся странах. Институты способствуют продвижению китайского языка и культуры, проводя образовательные и культурные мероприятия²²⁰. Обычно ИК создаются в партнерстве между университетом в Китае и зарубежным вузом: принимающая сторона предоставляет помещение и оплачивает работу преподавателей, Китай — направляет специалистов. Дополнительно Hanban выделяет субсидии на поддержку деятельности.

Таким образом, значительная часть ИК и преподавателей СТVP находится в развитых странах, что делает эти проекты скорее инструментом культурной дипломатии. В то же время ИК и учителя, работающие в сельских районах развивающихся стран, действительно приносят ощутимую образовательную и экономическую пользу, и такие инициативы можно

²¹⁹ Gil J. Confucius Institute and Confucius Classroom closures: trends, explanations and future directions // *Applied Linguistics Review*. 2024. Vol. 15. №. 2. P. 699-712.

²²⁰ Urhová, D. The Demise of Confucius Institutes: Retreating or Rebranding? // *ChinaObservers*. September 5, 2024. URL: <https://chinaobservers.eu/the-demise-of-confucius-institutes-retreating-or-rebranding/> (дата обращения: 01.09.2025).

рассматривать как помощь в сфере образования. Однако официально Китай не включает финансирование СТVP и ИК в бюджет внешней помощи, так как они финансируются напрямую Nanban.

Кроме этого, Китай активно строит школы, университеты и центры профессиональной подготовки за рубежом. Этими проектами управляет Бюро международного экономического сотрудничества (ИЕСВ) при Министерстве финансов; строительством занимаются китайские подрядчики, а финансирование поступает из фонда внешней помощи. Среди крупных объектов последних лет — Эфиопско-китайский политехнический колледж (около 15 млн долларов), кампус Университета Либерии в Фенделле (21,8 млн долларов), Научно-технический университет в Малави (80 млн долларов кредита) и учебный центр при сельхозколледже Гвеби в Зимбабве²²¹.

Особое внимание уделяется строительству начальных школ, главным образом в Африке и Азии. В рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC) Китай взял обязательство построить 150 сельских школ в Африке в 2006–2012 годах. По данным «Белой книги» 2011 года, только в 2007–2009 годах было возведено 100 школ. В 2010 году премьер Вэнь Цзябао объявил о планах построить еще 200 школ в развивающихся странах к 2015 году. При этом стоимость объектов варьируется: так, в 2011 году школа на 880 мест в Южном Судане обошлась в 1,32 млн долларов, а в 2012 году четыре школы в Кении были построены всего за 400 тыс. долларов²²².

Китай также регулярно передает учебные материалы. Согласно данным CICETE (2014), только в 2009–2012 гг. было сделано 22 таких пожертвования. Посольства Китая в разных странах дополнительно обеспечивают поставки учебников и пособий, особенно по китайскому языку и культуре²²³.

²²¹ Wu Yue. China's Foreign Aid Policy Transformation: A Neoclassical Realist Perspective // The Korea Journal of Chinese Social Science. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 107–149.

²²² Zhuang, T., Liu, B. Chinese educational aid worldwide under the belt and road initiative // Journal of Hebei Normal University (Educational Science Edition). 2018. Vol. 20(4). P. 55-61.

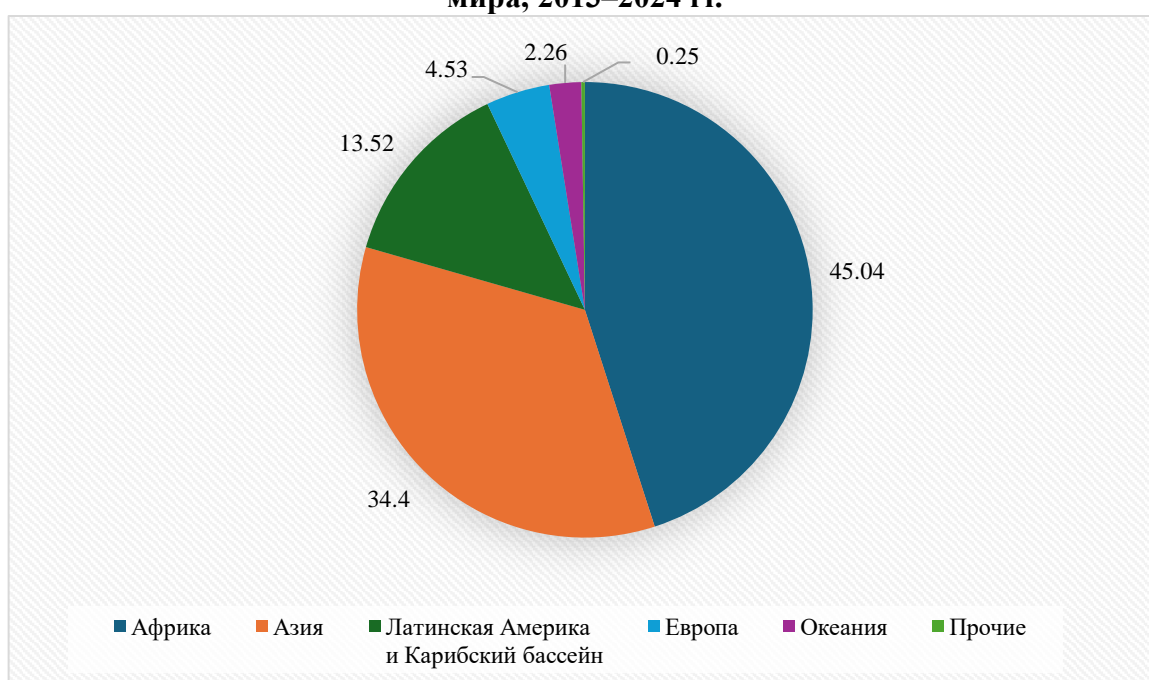
²²³ China International Center For Economic And Technical Exchanges. URL: <http://www.cicete.org.cn/en/> (дата обращения: 01.09.2025).

Кроме того, Китай проводил курсы для развивающихся стран по вопросам устойчивой энергетики и изменения климата. В 2000–2009 гг. состоялось свыше 50 практических семинаров, которые прошли более 1 400 участников. Тематика охватывала производство и использование возобновляемых источников энергии (биогаз, солнечная энергия, малые ГЭС), управление лесным хозяйством, а также меры по смягчению последствий климатических изменений.

В 2013–2018 гг. Китай отправил более 20000 молодых волонтеров и учителей китайского языка в более чем в 80 стран мира. В период с 2013 по 2024 гг. Китай организовал более 10 тыс. тренингов и семинаров для государственных служащих и специалистов из других стран. В общей сложности обучение прошли около 200 тыс. человек. Программы включали более 100 направлений в 17 областях: политику и дипломатию, государственное управление, национальное развитие, борьбу с бедностью через развитие сельского хозяйства, здравоохранение и медицину, образование и науку, культуру и спорт, а также транспорт и логистику. Территориальное распределение данного типа помощи по регионам мира (см. рис. 8).

Рисунок 8.

Распределение помощи Китая в развитии человеческого потенциала по регионам мира, 2013–2024 гг.

Источник: 徐锦强. 中国对外援助对受援国在全球价值链中的发展影响研究 [Сюй Цзиньцян. Исследование влияния иностранной помощи Китая на развитие стран-получателей в глобальной цепочке создания стоимости]. 西南财经大学 [Юго-Западный финансово-экономический университет]. 2022. 341 p.

Китай активно сотрудничает с международными организациями в рамках помощи в области образования. С 1981 г., в рамках программы ТСРС (техническое сотрудничество между развивающимися странами), реализуемой совместно с ПРООН, Китай подготовил свыше 6 000 специалистов для государств «третьего мира». Сотрудничество распространяется и на всю систему ООН. Китай активно участвует в программах ФАО: с 1996 года страна подписала 10 соглашений о сотрудничестве в рамках Специальной программы продовольственной безопасности (SPSF), что больше, чем любая другая страна. В 2006 г. был создан стратегический альянс с ФАО, в рамках которого Китай обязался направить более 3000 технических специалистов. В 2009 году Китай учредил специальный фонд ФАО для развивающихся стран в размере 30 млн долл. США и совместно с организацией открыл центр сельскохозяйственного обучения. К 2010 году более 700 китайских специалистов по сельскому хозяйству и агротехнике работали в странах Африки, Карибского бассейна и Азиатско-Тихоокеанского региона²²⁴. В сфере подготовки кадров Китай также сотрудничает с такими международными структурами, как Всемирный банк, ЮНКТАД, ЮНИДО и другими.

В международной образовательной помощи, предоставляемой Китаем, можно выделить ряд новых тенденций. Позиционируя себя как восходящую мировую державу, Китай старается минимизировать роль политических разногласий и стремится оказывать поддержку на равных условиях всем странам-получателям. В соответствии с общей государственной политикой, образовательные проекты Китая реализуются в формате «сверху вниз» — с

²²⁴ 商务部援外培训财务管理与结算实施细则 [Тренинг Министерства торговли по внедрению правил финансового управления и расчетов по иностранной помощи] // 继续教育学院 [Колледж непрерывного образования]. 2023. URL: <https://jxjy.jmi.edu.cn/42/d0/c3042a82640/page.htm> (дата обращения: 01.09.2025).

четким планированием, строгим контролем и высокой степенью управляемости, что, как правило, позволяет достигать заявленных целей. При этом Китай сосредотачивает усилия на помощи наименее развитым странам, хотя, в отличие от США, его образовательные инициативы оказывают меньшее влияние на глобальное позиционирование страны²²⁵.

В последние годы все более заметно, что многие развивающиеся государства воспринимают китайскую модель помощи как привлекательную альтернативу западной, поскольку она основана на льготных кредитах без требований о проведении политических или экономических реформ. Это позволило реализовать более 200 инфраструктурных проектов в Африке — от дорог и электростанций до телекоммуникационных сетей²²⁶. Одновременно растет число иностранных студентов, окончивших китайские вузы и получивших престижные должности у себя на родине.

Однако у китайской образовательной помощи есть и свои слабые стороны. Быстрое расширение этого сектора нередко сопровождается нехваткой профессиональной координации, разрозненными инициативами и проектами, не всегда соответствующими реальным нуждам стран-получателей. Китай также сталкивается с вызовом несбалансированности: долгое время приоритет отдавался высшему и профессиональному образованию, тогда как базовое образование оказывалось в тени. Это объясняется тем, что результаты инвестиций в профессиональное и университетское обучение более очевидны и ощутимы. Китайская помощь в этой сфере традиционно включала строительство образовательной инфраструктуры, предоставление стипендий, оборудование школ, повышение квалификации педагогов и поддержку исследовательских проектов в университетах. Но в наименее развитых странах высшее образование

²²⁵ Yang R., Ma J. China's international aid in education: Development, determinants, and discord // *International education aid in developing Asia: Policies and practices*. Singapore: Springer Singapore, 2015. P. 113-130.

²²⁶ Riddell A., Niño-Zarazúa, M. The Effectiveness of Foreign Aid to Education // *International Journal of Educational Development*. 2016. № 48 (May). P. 23–36.

доступно лишь крайне малой части населения — иногда менее 1%. Такой дисбаланс, наряду с недостаточным пониманием повседневных проблем местных сообществ, повлиял на формирование более комплексной политики Китая²²⁷.

Сегодня международное сотрудничество в области образования становится масштабнее. Среди новых направлений — переход к секторальным и программным методам поддержки, а также постепенное смещение от двусторонних форматов к многосторонним. В русле Целей развития тысячелетия ООН Китай включил в приоритеты помощь базовому образованию и здравоохранению, при этом основной акцент делается на развитие человеческого капитала и повышение потенциала местных сообществ. Тем не менее, на практике китайская помощь по-прежнему сводится главным образом к материальным вложениям (строительство школ, поставки оборудования), а на «программную часть» — например, систематическую подготовку учителей — выделяется меньше внимания. Такой подход затрудняет создание полноценной и комплексной стратегии внешней образовательной помощи Китая.

Подводя итог проектам в области образования, можно отметить, что гуманитарная помощь Китая в данной сфере эволюционировала от разрозненных инициатив середины XX века до масштабной, системно организованной политики глобального уровня. Китай выработал собственную модель, которая опирается на исторические, культурные и политические традиции, но при этом активно учитывает современные международные тенденции и задачи устойчивого развития. В отличие от западных доноров, Пекин делает акцент на взаимовыгодном сотрудничестве, практической пользе и подготовке кадров, которые способны не только удовлетворить текущие потребности, но и способствовать долгосрочному развитию стран-партнеров.

²²⁷ Frezghi T.G., Tsegay S.M. Internationalisation of higher education in China: A critical analysis // *Social Change*. 2019. Vol. 49. №. 4. P. 643-658.

Ключевыми направлениями китайской образовательной помощи стали подготовка специалистов и государственных служащих, предоставление стипендий, строительство школ и университетов, а также развитие профессионально-технического образования. Эти меры позволяют укреплять человеческий капитал, создают условия для модернизации национальных систем образования и, в конечном счете, способствуют экономическому росту и социальной стабильности. При этом образовательная политика КНР все чаще интегрируется в более широкие международные инициативы, включая сотрудничество с организациями системы ООН и региональными структурами.

Несмотря на успехи, сохраняются определенные вызовы — дисбаланс между приоритетами высшего и базового образования, нехватка координации отдельных проектов и недостаточное внимание к долгосрочной программной части, такой как систематическая подготовка учителей. Тем не менее, даже с учетом этих ограничений, китайская модель образовательной помощи становится все более востребованной и привлекательной для развивающихся стран. Она выступает альтернативой западным подходам, предлагая меньше политических условий и больше возможностей для практического развития.

В конечном счете, помощь в сфере образования и культуры Китая не только способствует социально-экономическому прогрессу стран-получателей, но и укрепляет международные позиции самой КНР, позволяя ей выступать в роли не просто донора, а партнера и лидера глобального сотрудничества в сфере образования.

Стоит отметить, что современная модель международной помощи Китая представляет собой комплексный и многопрофильный механизм, сочетающий экономическое, гуманитарное и образовательное измерения. Китай последовательно демонстрирует стратегический подход: наряду с финансовыми инструментами (гранты, беспроцентные ссуды, льготные кредиты) он активно развивает проектные формы сотрудничества, направленные на долгосрочный эффект — укрепление инфраструктуры,

повышение производственного потенциала и развитие человеческого капитала стран-получателей. Особое место занимают гуманитарные инициативы в области здравоохранения и образования, где китайская помощь имеет ярко выраженный практический характер. Направление медицинских бригад, строительство больниц, борьба с инфекционными заболеваниями, а также подготовка специалистов и образовательные программы формируют основу для устойчивого развития национальных систем и способствуют укреплению имиджа КНР как ответственного партнера.

Таким образом, политика Китая в сфере оказания помощи зарубежным странам выходит за рамки традиционной донорской модели. Она ориентирована на создание условий для взаимовыгодного сотрудничества, формирование позитивного международного имиджа и продвижение инициатив «Юг—Юг». В совокупности это делает китайскую помощь значимым инструментом внешней политики и усиливает роль КНР как одного из ключевых акторов глобального развития.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ КИТАЯ

3.1. Влияние геополитических факторов на оказание Китаем гуманитарной помощи

Ключевым геополитическим фактором на настоящем этапе развития системы международных отношений выступает стратегическая конкуренция США и КНР, которая распространяется на различные сферы межгосударственного взаимодействия и находит отголоски во всех регионах мира. Масштаб данного процесса по мнению российской исследовательской группы под руководством Д.А. Дегтерева может привести к коренной ломке сформировавшихся правил игры, глобальной «перезагрузке» всей сложившейся международной системы²²⁸. В данном параграфе автор обозначит сущность стратегической конкуренции, а также изучит ее проявление в сфере гуманитарной помощи.

Одной из самых первых сфер, где проявилась конкуренция стала сфера *торговли*. Торговая война между США и Китаем включала тарифные меры и ограничения, направленные на замедление экономического и технологического роста КНР. Вашингтон поднял пошлины на широкий спектр китайских товаров и ограничил доступ Пекина к ключевым рынкам. К этой политике подключились и союзники США, которые усилили барьеры на пути китайских технологий. Эксперты Института международной экономики Питерсона выделили шесть «фронтов» этой войны: солнечные панели и стиральные машины, сталь и алюминий, интеллектуальная собственность, автомобили, миграция из Мексики и полупроводники²²⁹.

²²⁸ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США - КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. 21 (02). С. 210-231.

²²⁹ Bown C., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // PIIE. 31.12.2023. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (accessed: 20.04.2025).

В январе 2018 г. администрация Трампа ввела тарифы на солнечные панели и стиральные машины, что стало официальным началом торгового противостояния. В ответ Китай ограничил закупки американской сои, нанеся удар по фермерам США. В марте того же года пошлины были введены на импорт стали и алюминия, после чего Пекин и другие пострадавшие страны (ЕС, Канада, Мексика, Турция) подали жалобы в ВТО. Позже организация признала действия США нарушением правил²³⁰.

Отдельное направление конфликта касалось технологий и интеллектуальной собственности. США наложили тарифы на китайские товары на сумму 50 млрд долларов и усилили давление на телекоммуникационные компании ZTE и Huawei. ZTE получила многомиллиардный штраф за нарушение санкций, а против Huawei в 2019–2020 гг. были введены ограничения на доступ к американскому оборудованию и технологиям, что фактически превратило санкции в международные²³¹.

Ответные меры Китая включали пошлины на американские сельхозтовары и автомобили. В разгар конфликта тарифами оказалось покрыто более 200 млрд долларов китайского экспорта и 60 млрд долларов американского. В январе 2020 года стороны договорились о постепенном снижении тарифов, но пандемия сорвала реализацию соглашения²³².

Финальной точкой эскалации стали санкции против SMIC — крупнейшего китайского производителя микрочипов, которым ограничили доступ к ПО и оборудованию. Параллельно США наращивали собственную полупроводниковую отрасль в сотрудничестве с TSMC и усилили поддержку Тайваня, что проявилось в визите Нэнси Пелоси на остров.

²³⁰ Declaration of Emergency and Authorization for Temporary Extensions of Time and Duty-Free Importation of Solar Cells and Modules from Southeast Asia // The official website of the White House. 6.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/06/declaration-of-emergency-and-authorization-for-temporary-extensions-of-time-and-duty-free-importation-of-solar-cells-and-modules-from-southeast-asia> (accessed: 20.08.2025).

²³¹ Wong D., Chipman Koty A. The US-China Trade War: A Timeline. 25.08.2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline> (accessed: 20.08.2025).

²³² Ibid.

Среди всех областей *конкуренция в технологической сфере* наиболее показательно обозначает подходы двух стран к политике взаимодействия друг с другом. Лидеры Китая и США осознают, что технологические инновации — ключ к национальной мощи. США при Б. Обаме делали ставку на развитие высокотехнологичного производства, выделяя до 3% ВВП на исследования, создавая инновационную инфраструктуру и продвигая проекты в энергетике, биотехнологиях, ИТ и космосе²³³. При Д. Трампе акцент сместился на оборону: часть гражданских программ была урезана, но инвестиции направили в военные НИОКР, а также в приоритетные технологии — ИИ, квантовую информатику, 5G и автономные системы. Несмотря на различия, обе администрации стремились сохранить лидерство США в инновациях²³⁴.

Китай, в свою очередь, с 2009 года реализует масштабные промышленные программы. В 2015 г. был принят план «Сделано в Китае-2025», направленный на развитие десяти высокотехнологичных отраслей, импортозамещение и достижение технологической самодостаточности. Си Цзиньпин ставит цель превратить Китай в мирового лидера науки и технологий к середине XXI века²³⁵. Эта стратегия, наряду с инициативой «Один пояс, один путь», рассматривается США как вызов их глобальной гегемонии.

США обеспокоены тем, что соперники, особенно Китай, быстро сокращают технологический разрыв. Хотя Китай пока уступает в глобальной конкурентоспособности, его прогресс очевиден: с 2008 по 2017 гг. расходы на НИОКР выросли с 1,45% до 2,15% ВВП, в то время как у США этот показатель

²³³ A Strategy for American Innovation: Securing Our Economies' Growth and Prosperity // The White House. 2011. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/21/fact-sheet-white-house-releases-new-strategy-american-innovation> (accessed: 05.09.2025).

²³⁴ A Budget For A Better America, Budget of the United States Government, Fiscal Year 2020 // The White House. 2019. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/03/budget-fy2020.pdf> (accessed: 05.09.2025).

²³⁵ Zhou, L., Wang, O. How 'Made In China 2025' Became A Lightning Rod In 'War Over China's National Destiny' // South China Morning Post. 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2182441/how-made-china-2025-became-lightning-rod-war-over-chinas> (accessed: 05.09.2025).

составил 3,12%²³⁶. Китай поднялся в мировом рейтинге конкурентоспособности, а по количеству патентных заявок уже обогнал США более чем вдвое. Кроме того, страна занимает второе место в мире по объему инвестиций в исследования и разработки и формирует треть всех мировых «единорогов»²³⁷. Достижения в области космоса, квантовой связи и строительства крупнейших научных объектов усиливают тревогу Вашингтона по поводу стремительного сокращения технологического отставания.

При этом Запад считает, что китайские успехи во многом связаны с государственной поддержкой: субсидиями, льготами для госпредприятий, ограничением доступа на рынок для иностранных компаний и недобросовестными практиками — от принудительной передачи технологий до кражи интеллектуальной собственности²³⁸. Госкомпании, тесно связанные с властью, имеют доступ к дешевым кредитам и бюджетным ресурсам, что искажает конкуренцию.

С приходом Д. Трампа США усилили давление на Китай, опасаясь его стремления к технологическому лидерству и созданию собственных стандартов. В Вашингтоне считают, что планы вроде «Китайских стандартов 2035» могут закрепить за Пекином определяющую роль в будущем технологического развития — от ИИ до телекоммуникаций. Даже признавая, что Китаю предстоит пройти долгий путь, американские аналитики видят в его амбициях стратегическую угрозу²³⁹.

Тревога Вашингтона связана не только с успехами Китая в технологиях, но и с особенностями его национальной системы. В апреле 2020 г. Си

²³⁶ Atkinson, R.D., Foote, C. Is China Catching Up To The United States In Innovation? // Information Technology & Innovation Foundation. 2019. URL: <https://itif.org/publications/2019/04/08/china-catching-united-states-innovation> (accessed: 05.09.2025).

²³⁷ Ibid.

²³⁸ Tellis, A.J. The Return of U.S.-China Strategic Competition. In *Strategic Asia 2020: U.S. China Competition for Global Influence*, eds. Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills. Washington: The National Bureau of Asian Research. 2020. P. 3–43.

²³⁹ Kharpal, A. Power Is 'Up For Grabs': Behind China's Plan To Shape The Future Of Next Generation Tech // CNBC. 2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/04/27/china-standards-2035-explained.html> (accessed: 05.09.2025).

Цзиньпин заявил о необходимости ускоренного создания единой системы базовых технологий²⁴⁰. Важным элементом этой стратегии является военно-гражданская интеграция: с 2012 г. Китай активно использует коммерческие инновации в военных целях, закрепив это и в плане «Сделано в Китае-2025». Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал необходимость запуска крупных проектов и усиления связей между оборонными и гражданскими секторами²⁴¹. Подобно тому как военные технологии стимулировали экономику США в середине XX века, Китай стремится к симбиозу науки, промышленности и армии, где НОАК играет заметную роль в развитии страны.

Стратегическая конкуренция также затрагивает *военно-техническую плоскость*. Хотя до конца 1990-х гг. Китай вкладывал мало в модернизацию армии, сегодня его вооруженные силы стали одними из ведущих в области передовых технологий, включая искусственный интеллект. Слияние военных и гражданских разработок помогло резко сократить отставание от зарубежных аналогов. США понимают, что технологическое соперничество в оборонной сфере будет определять их стратегические отношения и влиять на глобальную безопасность. Поэтому американские власти все чаще говорят о рисках «двойного назначения» китайских технологий и ужесточают экспортный контроль, тарифы и санкции против китайских компаний, особенно тех, что связаны с «Сделано в Китае-2025» и полупроводниковой промышленностью. Huawei, ZTE и десятки других организаций попали в «черный список», им запрещено сотрудничество с американскими компаниями.

²⁴⁰ 习近平主持召开中央全面深化改革委员会第十三次会议 [Си Цзиньпин председательствовал на 13-м заседании Центрального комитета по всестороннему углублению реформ] // Xinhuanet. 2020. URL: https://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-04/27/c_1125914029.htm (accessed: 05.09.2025).

²⁴¹ 决胜全面建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Решающая победа для всестороннего построения благополучного общества и закрепления великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху - Доклад на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // Xinhuanet. 2017. URL: https://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm (accessed: 05.09.2025).

Кроме того, ФБР расследует сотни случаев предполагаемых краж технологий и обвиняет Китай в масштабном шпионаже, в том числе через студентов и исследователей. Программа «Тысяча талантов» (начата в 2008 г.), призванная привлекать ученых в Китай, вызывает особое беспокойство США. Американская сторона считает, что прежний формат академического и технологического обмена между странами больше невозможен. Одновременно Китай мобилизует собственные ресурсы для разработки отечественных заменителей критически важных технологий, что лишь усиливает его стремление к самодостаточности²⁴².

В этих условиях обе державы переходят к ограничению взаимного доступа к передовым технологиям. США стремятся укрепить свои преимущества, а Китай — ускорить развитие ключевых отраслей и снизить зависимость от импорта. Такая конфронтация постепенно ведет к технологическому разделению мира. Стоит отметить, что, если тенденция продолжится, глобальная экономика рискует оказаться в условиях «новых стен» и нарастающего взаимного недоверия.

Чтобы рассмотреть конкуренцию США и КНР в сфере гуманитарной помощи, необходимо сначала охарактеризовать политику США в области предоставления гуманитарной помощи.

Подобно китайской, американская система внешней помощи формировалась в первую очередь под воздействием внутренних политических факторов. Но в отличие от Пекина, который благодаря однопартийной системе может планировать свои программы в долгосрочной перспективе, Вашингтон сталкивается с серьезными ограничениями. На подход США к помощи напрямую влияет электоральный цикл, который меняет приоритеты и стратегии исполнительной и законодательной ветвей власти. Каждый год Белый дом составляет бюджетный проект для программ внешней помощи, и

²⁴² FBI Director Christopher Wray's Opening Remarks: China Initiative Conference // CSIS (Center for Strategic & International Studies). 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/fbi-director-christopher-wrays-opening-remarks-china-initiative-conference> (accessed: 05.09.2025).

Конгресс должен его утвердить. Это делает политику США в этой сфере зависимой от многочисленных политических интересов разных центров власти²⁴³.

В то же время американская внешняя помощь отличается относительной устойчивостью и предсказуемостью, поскольку традиционно опирается на поддержку обеих партий в Конгрессе. Поэтому планы администрации Трампа резко сократить расходы на помощь за рубеж вызвали противодействие как демократов, так и республиканцев. В итоге Белый дом был вынужден отступить и не только сохранить, но и реорганизовать и расширить внешнеэкономическую и финансовую деятельность США. В 2018 г. Трамп подписал закон «О более эффективном использовании инвестиций, ведущих к развитию» (BUILD Act), создавший новое федеральное агентство — Корпорацию финансового развития США (DFC).

DFC получила статус ключевого инструмента американской политики развития и действует как государственный «банк развития». Организация инвестирует в энергетику, здравоохранение, инфраструктуру, технологии, а также оказывает поддержку малому бизнесу и женщинам-предпринимателям в странах Глобального Юга. В отличие от китайских инициатив, которые не делают акцент на гуманитарные ценности, DFC подчеркивает обязательность соблюдения экологических стандартов, прав человека и трудовых прав при работе с международными партнерами²⁴⁴. Таким образом, принятие BUILD Act отражает стремление США укрепить свои позиции в международном развитии в условиях нарастающего влияния Китая и демонстрирует сохранение двухпартийного консенсуса в Конгрессе по вопросу обновления внешнеэкономической стратегии.

Со времен Второй мировой войны американская помощь за рубежом была тесно связана с геополитическими и экономическими интересами

²⁴³ Strange, A. Influence and support for foreign aid: Evidence from the United States and China // *Rev Int Organ.* 2023. P. 45.

²⁴⁴ Who We Are // DFC (US International Development Finance Corporation). URL: <https://www.dfc.gov/who-we-are> (accessed: 05.09.2025).

страны. Агентство USAID отмечает, что из 15 крупнейших торговых партнеров США 11 ранее получали американскую помощь, и многие быстрорастущие рынки тоже вышли из числа стран-бенефициаров. Кроме того, военная помощь традиционно служила инструментом поддержки политических сил, ориентированных на сохранение и развитие американских экономических интересов. Получателями американской помощи являются как государственные органы, так и многосторонние организации, НПО и другие субъекты. Согласно данным Института Брукингса за 2018 год, правительства получили 21% официальной помощи на цели развития, международные организации — 34%, неправительственные структуры — 20%, а прочие участники — 25%²⁴⁵. В отличие от Китая, который делает ставку прежде всего на государственные каналы, США распределяют помощь между разными акторами. Такой рыночный и плюралистический подход отражает убеждение Вашингтона, что избыточная опора только на государство не способствует полноценному продвижению общественных интересов.

Американская внешняя помощь всегда отражала текущие экономические и геостратегические интересы правительства США. Так, принятый после Второй мировой войны План Маршалла, объем которого составил почти 12 миллиардов долларов, сыграл ключевую роль в восстановлении Западной Европы и одновременно создал для США обширный рынок сбыта. Поддержка безопасности через НАТО обеспечила региону стабильность, что позволило превратить Европу в стратегического союзника Вашингтона в вопросах глобального управления. В годы холодной войны помощь и политическая поддержка со стороны США были направлены на сдерживание коммунистической экспансии. В Азии предоставление поддержки Тайваню и Южной Корее, наряду с долгосрочными программами

²⁴⁵ Lee, J. US Grand Strategy and the Origins of the Developmental State // *Journal of Strategic Studies*. 2020. Vol. 43 (5). P. 737–761.

развития, способствовало их быстрому экономическому росту и превращению в мировые центры экономики²⁴⁶.

После окончания холодной войны в 1990-е гг. внешняя помощь была переориентирована на продвижение рыночной либеральной демократии в странах Глобального Юга, которую США рассматривали как условие стабильности и мира. В начале 2000-х гг. теракты 11 сентября побудили администрацию Дж. Буша-мл. начать глобальную войну с терроризмом, в рамках которой союзники в Африке, Азии и Латинской Америке получали военную помощь для борьбы с вооруженными группировками. Однако такие ресурсы использовались не только против повстанцев, но и для подавления политической оппозиции и мирных диссидентов.

Важно, что программы помощи демонстрируют взаимовыгодный характер: США используют ее как инструмент политического и экономического влияния, а правительства стран-получателей — для укрепления власти и повышения собственных шансов на выживание. Анализ статистики помощи за 1945–2001 гг. показывает, что доноры обеспечивают политическую лояльность, тогда как лидеры стран-бенефициаров используют ресурсы для укрепления своей позиции, даже если изначально не разделяют политику США.

Американская помощь играет важную роль в поддержании имиджа США как ведущего актора глобального управления. США финансируют международные институты, включая ООН. В 2017 г. их взносы составили около 10 млрд долларов, значительная часть которых пошла на Всемирную продовольственную программу (2,5 млрд), операции по поддержанию мира (2,2 млрд) и работу Управления Верховного комиссара по делам беженцев (1,4 млрд)²⁴⁷.

²⁴⁶ Nem Singh, J., and Ovidia, J. The Theory and Practice of Building Developmental States in the Global South // *Third World Quarterly*. 2018. Vol. 39(6). P. 1033–1055.

²⁴⁷ Hillard, L., Shendruk, A., and Roy, D. Funding the United Nations: What Impact Do U.S. Contributions Have on UN Agencies and Programs? // *Council on Foreign Relations*. 8 June, 2020.

Взамен Вашингтон добивается укрепления своего имиджа и поддержки на международной арене. Так, исследования Стэнфордского университета (2002–2016 гг.) показали, что рост медицинской помощи, особенно в рамках борьбы со СПИДом и малярией, значительно улучшал восприятие США и повышал позитивные упоминания в СМИ стран-получателей.

После холодной войны американские администрации легитимировали программы помощи и военные интервенции через дискурс демократии, прав человека и многосторонности. Однако при Трампе произошел резкий отход от этих принципов: его риторика изоляционизма и угрозы сокращения финансирования негативно повлияли на международный имидж США. По данным Pew, рейтинг благоприятного отношения к США при его правлении оказался значительно ниже, чем во времена Б. Обамы²⁴⁸. В отличие от предшественника, активно использовавшего помощь как элемент «мягкой силы», Д. Трамп отказался от подобных стратегий, что подорвало доверие к способности США обеспечивать глобальные блага. Характерным примером стало его решение в 2020 году вывести США из Всемирной организации здравоохранения и прекратить финансирование ВОЗ — шаг, совпавший с тяжелыми неудачами администрации в борьбе с пандемией COVID-19.

Если сравнивать подходы двух стран, то стоит отметить, что у двух стран различаются *принципы* предоставления внешней помощи. Американская программа помощи через USAID традиционно сосредотачивается на продвижении демократического управления, развитии человеческого капитала и поддержке экономического роста. В Камбодже, например, приоритетом стало укрепление институтов справедливого и открытого управления: борьба с коррупцией, совершенствование правовой системы, расширение гражданских и политических свобод и защита прав человека через взаимодействие с государством и НПО. Второе направление связано с

URL: <https://www.cfr.org/article/funding-united-nations-what-impact-do-us-contributions-have-un-agencies-and-programs> (accessed: 05.09.2025).

²⁴⁸ Regilme, Jr, S.S.F., Hodzi, O. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // The International Spectator. 2021. Vol. 56(2). P. 114–131.

инвестициями в социальную сферу, прежде всего здравоохранение: борьба с материнской и детской смертностью, инфекционными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ, малярия) и повышение уровня медицинской грамотности. Третья задача направлена на стимулирование экономического развития посредством улучшения инвестиционного климата и поддержки малого и среднего бизнеса. Таким образом, американская помощь сочетает материальные ресурсы с продвижением ценностей демократии, прав человека и рыночной экономики.

Подход Китая отличается принципиально. Еще в 1963 г. премьер Чжоу Эньлай сформулировал «восемь принципов», которые и сегодня лежат в основе китайской внешней помощи. Центральным элементом является акцент на равенстве, взаимной выгоде и уважении к суверенитету стран-получателей. Китай подчеркивает, что его помощь не сопровождается политическими условиями и не предполагает вмешательства во внутренние дела. Пекин декларирует отказ от привилегий в обмен на помощь, подчеркивая право каждой страны самостоятельно определять модель развития²⁴⁹.

Различия наблюдаются и в *секторах распространения* внешней помощи. Согласно классификации USAID, американская помощь за рубежом подразделяется на два основных направления — военное и экономическое. Военная поддержка нацелена на укрепление оборонного потенциала стран-получателей, а экономическая включает широкий спектр программ в области развития и гуманитарной поддержки. Следуя стандартам OECD/DAC, помощь США детализируется по секторам: от экономического развития (финансовые услуги, сельское хозяйство, промышленность, торговая политика, туризм) и поддержки институтов управления (правительство, гражданское общество, мир и безопасность) до социальной инфраструктуры, образования, здравоохранения, защиты окружающей среды, водоснабжения,

²⁴⁹ 中国的对外援助白皮书 // 国务院新闻办公室 [Белая книга об иностранной помощи Китая // Информационное бюро Государственного совета]. 2014. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (accessed: 05.09.2025).

продовольственной безопасности и гуманитарных программ в чрезвычайных ситуациях. Таким образом, структура американской помощи охватывает почти все сферы общественной жизни и направлена на сочетание экономической модернизации с институциональными реформами и продвижением демократических ценностей.

Китайский подход принципиально иной. Его внешняя помощь сосредоточена в двух ключевых областях: повышение уровня жизни населения и поддержка экономического развития. Социальный блок включает помощь сельскому хозяйству (отправка экспертов, поставка техники, семян и удобрений), медицине (строительство больниц, поставка медикаментов, работа медицинских бригад, борьба с инфекционными заболеваниями), образованию (строительство школ, обучение учителей, стипендии) и реагирование на стихийные бедствия. Китай стабильно входит в число крупнейших доноров гуманитарной помощи среди стран вне ОЭСР, предоставляя материальные ресурсы, продовольствие, наличные средства и команды спасателей.

Экономическая составляющая китайской помощи (около 70% общего объема) акцентирована на развитии инфраструктуры. В приоритете — транспорт, энергетика и связь. С 2000 по 2014 гг. крупнейшая часть китайских кредитов в Африке пришлась на транспортные проекты: строительство и реконструкция дорог, железных дорог, аэропортов и портов, а также поставка транспортных средств²⁵⁰.

У США и КНР различается подход к *институциональному каркасу* предоставления гуманитарной помощи. После принятия Закона об иностранной помощи 1961 г. в США было создано Агентство по международному развитию (USAID) — независимая структура федерального правительства, ставшая главным оператором американской помощи за рубежом. На его долю приходится более половины всех ассигнований США в этой

²⁵⁰ China and the Western Donors: More Similar than Different // AidData Research Summary. 2020. URL: <http://aiddata.org/aiddata-working-paper-series> (accessed: 05.09.2025).

сфере, а деятельность агентства регулируется Конгрессом через сам закон и ежегодные бюджетные поправки. Хотя USAID формально автономно, оно тесно встроено во внешнеполитическую систему: работает под руководством президента, госсекретаря и Совета национальной безопасности, а также взаимодействует с другими ведомствами — Госдепартаментом, Пентагоном, Министерством труда и специализированными структурами вроде Корпорации «Вызовы тысячелетия» или Корпуса мира. Такой механизм подчеркивает институциональную сложность и политическую подконтрольность американской помощи, в которой Конгресс играет ключевую роль.

Китайская модель долгое время оставалась более раздробленной. До 2018 г. управление иностранной помощью делили между собой Министерство торговли (MOFCOM) и Министерство иностранных дел (MFA), что нередко приводило к дублированию функций и внутренним противоречиям. Министерство финансов отвечало за гранты и беспроцентные займы, тогда как Экспортно-импортный банк Китая занимался предоставлением льготных кредитов. Все расходы на гранты и займы напрямую покрывались из государственного бюджета, что отражало традиционный характер китайской помощи, близкий к стандарту официальной помощи развитию (ODA)²⁵¹.

Однако в 2018 г. Китай создал новое централизованное ведомство — Китайское агентство международного сотрудничества в целях развития (CIDCA), подчиняющееся напрямую Государственному совету. Оно взяло на себя стратегическое планирование, координацию и надзор за программами внешней помощи, что позволило консолидировать ранее разрозненные функции и сделать китайскую систему более управляемой и ориентированной на долгосрочные цели.

Таким образом, ключевое отличие заключается в том, что американская система внешней помощи характеризуется институциональной сложностью и

²⁵¹ Carte, B. A literature review on China's aid // Institute of Development Studies. 7 September 2017. P. 3.

демократическим контролем через Конгресс, тогда как китайская — более централизована и управляется исполнительной властью, с акцентом на эффективность и согласованность действий.

Распределение иностранной помощи КНР и США во многом определяется двумя факторами: историческим контекстом отношений с конкретными странами и текущими экономическими и дипломатическими интересами.

Китайская помощь в последние годы стабильно расширяется и охватывает уже 138 стран. Согласно исследованию AidData, основное направление китайской официальной помощи развитию (ОПР) — это развивающиеся государства, прежде всего в Африке, а также страны с особым статусом для Пекина, такие как Куба, Камбоджа и Пакистан. При этом другая часть китайской поддержки (ООФ) концентрируется в России, Центральной и Южной Азии, а также в Латинской Америке, где активно работают китайские строительные компании, реализующие инфраструктурные проекты²⁵². Таким образом, китайский подход подчеркивает акцент на практическом сотрудничестве, развитии инфраструктуры и укреплении связей со стратегически важными партнерами.

Американская модель распределения помощи исторически тесно связана с внешнеполитическими приоритетами. В период холодной войны США направляли значительные ресурсы на укрепление союзников в Юго-Восточной Азии, рассматривая регион как ключевую зону противостояния с СССР и Китаем. После окончания холодной войны акцент сместился на Центральную Азию, где Вашингтон стремился расширить свое влияние. Переломным этапом стали теракты 11 сентября: в рамках борьбы с терроризмом США начали активно финансировать программы в Центральной, Южной и Восточной Азии, уделяя особое внимание Пакистану, а также расширили помощь в Юго-Восточной Азии. В XXI веке фокус сместился на

²⁵² China and the Western Donors: More Similar than Different // AidData Research Summary. 2020. URL: <http://aiddata.org/aiddata-working-paper-series> (accessed: 05.09.2025).

Ближний Восток, Северную Африку и Африку к югу от Сахары. Здесь помощь сочетает две цели — стимулирование экономического развития в беднейших регионах и укрепление позиций США в борьбе с международным терроризмом. Показательно, что Восточная Азия, несмотря на ее стратегическое значение, не является главным получателем американских ресурсов.

В итоге различие заключается в том, что КНР концентрируется на долгосрочных инфраструктурных проектах и экономическом партнерстве, особенно с развивающимися странами, при этом избегая жесткой политической привязки. США же используют помощь как инструмент внешней политики, направленный прежде всего на укрепление геополитических альянсов и решение задач безопасности, особенно в контексте борьбы с терроризмом.

Если проводить сравнение показателей внешней помощи двух стран, то стоит отметить, что, например, в период 2013–2018 гг. Китай по данным Белой книги «China's International Development Cooperation in the New Era» выделил 270,2 млрд юаней (примерно 42 млрд долл. США) в виде внешней помощи (грантов, беспроцентных и льготных займов). Это дает в среднем около 7 млрд долл. США в год²⁵³. За тот же период США потратили примерно 286 млрд долл. США на внешнюю помощь — в среднем около 47,7 млрд долл. США в год. Из этих данных видно, что в 2013–2018 гг. общий объем внешней помощи США был примерно в 6-7 раз выше, чем у Китая²⁵⁴. То есть, несмотря на рост китайской помощи, она по объему оставалась значительно меньше в сравнении с Соединенными Штатами — как в абсолютных цифрах, так и, вероятно, по доле ВВП.

²⁵³ Full Text: China's International Development Cooperation in the New Era / China's State Council Information Office. 2021, January 10. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения: 11.01.2025).

²⁵⁴ Yun Sun. Can China fill the void in foreign aid? // The Brookings Institution. March 11, 2025. URL: <https://www.brookings.edu/articles/can-china-fill-the-void-in-foreign-aid/> (accessed: 11.01.2025).

Подводя итог параграфу, стоит отметить, что геополитические факторы оказывают решающее влияние на характер и направления гуманитарной помощи Китая. В условиях стратегического соперничества с США Пекин использует гуманитарную поддержку как инструмент укрепления своего международного имиджа, продвижения принципов невмешательства и взаимной выгоды, а также расширения экономического и политического присутствия в странах Глобального Юга. Конкуренция с Вашингтоном стимулирует КНР к институционализации и масштабированию программ внешней помощи, превращая их в часть долгосрочной стратегии глобального влияния. В целом, гуманитарная помощь Китая не только выполняет социально-экономические задачи, но и становится важным элементом геополитической борьбы за лидерство в международной системе.

3.2. Инициатива "Один пояс, один путь" как основа гуманитарного взаимодействия

В 2013 году ООН сформировала специальную рабочую группу для разработки Целей устойчивого развития (ЦУР), которые должны были служить ориентиром для стран-членов ООН на пути к устойчивому развитию. Итогом этой деятельности стало принятие в 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года и утверждение 17 ЦУР. Эта масштабная многосторонняя инициатива стала логическим продолжением предшествующих программ, включая Цели развития тысячелетия (ЦРТ), провозглашенные в 2000 году.

В том же 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин, находясь с визитом в Центральной и Юго-Восточной Азии, представил инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), ориентированную на укрепление транспортных, торговых и культурных связей между государствами, расположенными вдоль сухопутного Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. При этом данная инициатива направлена не только на развитие

инфраструктуры и интеграцию рынков, но и на содействие устойчивому социально-экономическому развитию стран-участниц.

На первый взгляд, ЦУР и инициатива ОПОП выглядят как два самостоятельных международных процесса. Однако более глубокий анализ демонстрирует их значительное совпадение по целям и задачам, а также наличие прочной взаимодополняемости. Взаимодействие между ними создает эффект синергии: проекты в рамках ОПОП могут стать механизмом достижения многих ЦУР, особенно в странах Азии и Африки, а сами ЦУР — легитимизационной основой для расширения ОПОП.

Инициатива «Один пояс, один путь» постепенно институционализировалась в рамках Повестки-2030. Так, в 2017 году ОПОП была официально включена в документы ООН, что укрепило правовую и организационную базу для их координации. Особенно показателен совместный проект ООН (ДЭСВ и ЭСКАТО) «ОПОП–ЦУР» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который наглядно иллюстрирует практическую конвергенцию двух мегапроектов.

Приоритетные направления деятельности ОПОП (инфраструктура, торговля, инвестиции, энергетика, финансы, культурные и гуманитарные связи, морское сотрудничество и охрана окружающей среды) во многом совпадают с целями Повестки-2030. Например, ЦУР 7 посвящена развитию возобновляемой энергетики, ЦУР 9 — модернизации инфраструктуры, ЦУР 8 и 10 связаны с вопросами торговли и финансов, ЦУР 14 касается охраны морской среды, а ЦУР 17 акцентирует значение международного партнерства²⁵⁵.

Таким образом, реализация ОПОП напрямую способствует достижению ряда ЦУР, включая сокращение бедности, расширение доступа к образованию и здравоохранению, создание устойчивой инфраструктуры и стимулирование инклюзивного экономического роста. Особенно важную роль играют пять

²⁵⁵ Hong, P. People's daily international forum: 'One Belt, One Road' hand in hand with global Sustainable Development Goals // People's Daily Online. 2016. P. 3.

ключевых направлений инициативы ОПОП — политическое взаимодействие, развитие инфраструктуры, торговля, финансовое сотрудничество и социальная сфера, которые в совокупности поддерживают реализацию всех 17 ЦУР.

Таблица 4.

Взаимосвязь приоритетных областей, целей, методов ОПОП КНР и ЦУР ООН

Приоритетная область ОПОП	Цели ОПОП	Условия ОПОП	Влияние	Соответствующие ЦУР
Политическая сфера				
<ul style="list-style-type: none"> – Документы о международном сотрудничестве со 154 странами и международными организациями – Улучшенная координация между ОПОП и национальными, региональными и международными инициативами 	<ul style="list-style-type: none"> – Тесное сотрудничество со странами - партнерами ОПОП, учреждениями ООН и др. международными организациями – Институциональное развитие инициативы – Создание «Сообщества единой судьбы для человечества» – Новые, альтернативные западным режимы международного права 	<ul style="list-style-type: none"> – Сотрудничество с ООН по окружающей среде, ДЭСВ ООН, ЭСКАТО ООН, ВОЗ, ПРООН, РКИК ООН; – сотрудничество с G20; Большим Евразийским партнерством, Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Партнерством в области зеленого развития "Один пояс - один путь", Голубым партнерством – Стратегические партнерства ОПОП – Транснациональные правовые инициативы (например, ЮНСИТРАЛ), развитие международного социального, экономического и экологического права – Использование институтов ОПОП: Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Международных коммерческих судов Китая (СКС). 	<ul style="list-style-type: none"> – Улучшать взаимодействие между политикой и стратегиями развития различных стран и регионов, внедрять; – Скоординированные стратегии стыковки – Создание институтов в рамках инициативы "Один пояс - один путь" и опора на них – Налаживать более тесные партнерские отношения, в том числе стратегические партнерства 	<p>ЦУР 17: партнерство во имя достижения целей</p> <p>ЦУР 16: мир, безопасность и сильные институты</p>

Область развития инфраструктуры				
<p>Проекты в области автомобильных и железных дорог, портов, энергопроводов, электросетей и инфраструктуры ИКТ</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Сотрудничество в области развития инфраструктуры – Взаимосвязанность – Региональная экономическая интеграция в Евразии и Африке – Зеленое и голубое развитие – Экономический рост и создание рабочих мест 	<ul style="list-style-type: none"> – Инфраструктурные проекты – Экономические коридоры и "синие" – Экономические переходы "Зеленые порты" – Цифровой Шелковый путь 	<ul style="list-style-type: none"> – Современная инфраструктура и возможности подключения – Улучшение доступа к рынкам и ресурсам и повышение производительности труда – Расширение экспортных возможностей – Содействие развитию/расширение производственных цепочек, производственно-сбытовых цепочек и цепочек поставок – Содействие экономическому росту и благосостоянию людей 	<ul style="list-style-type: none"> – ЦУР 1: ликвидация бедности – ЦУР 2: ликвидация голода – ЦУР 5: гендерное равенство – ЦУР 6: чистая вода и санитария – ЦУР 7: доступная и экологически чистая энергия – ЦУР 8: достойная работа и экономический рост – ЦУР 9: промышленность, инновации и инфраструктура – ЦУР 11: устойчивое развитие городов и сообществ – ЦУР 13: меры по борьбе с изменением климата
Торговая сфера				
<ul style="list-style-type: none"> – Упрощение процедур торговли и трансграничная электронная коммерция – Зоны экономического и торгового сотрудничества – Соглашения о свободной торговле (ССТ) и меморандумы о взаимопонимании – Экономические коридоры и "синие переходы" – Содействие инвестициям 	<ul style="list-style-type: none"> – Региональная экономическая интеграция в Евразии и Африке – Экономический рост и создание рабочих мест 	<ul style="list-style-type: none"> – Цифровой шелковый путь, интерактивные "единые окна", использование электронных торговых документов – Правовая гармонизация: принятие договоров ООН и типовых законов – Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП), Большое Евразийское партнерство, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Континентальная 	<ul style="list-style-type: none"> – Увеличение объемов торговли – Придаст новый импульс местным производственно-сбытовым цепочкам, местной промышленности и экономическому росту на местном уровне – Создаст рабочие места на местном уровне – Защитит инвестиции – Упростит ведение бизнеса 	<ul style="list-style-type: none"> – ЦУР 1: искоренение бедности – ЦУР 2: искоренение голода – ЦУР 5: гендерное равенство – ЦУР 8: достойная работа и экономический рост – ЦУР 9: промышленность, инновации и инфраструктура – ЦУР 10: сокращение неравенства

		<p>зона свободной торговли (ЗСТ)</p> <ul style="list-style-type: none"> – Двусторонние инвестиционные соглашения (ДИД) – “Производственная кооперация”, особые экономические зоны (СЭЗ) 		
Финансовая сфера				
<ul style="list-style-type: none"> – Разработка руководящих принципов финансирования развития "ОПОП" – Создание специальных финансовых механизмов для развития инфраструктуры и "зеленого" деvelopeмента 	<ul style="list-style-type: none"> – Региональная экономическая интеграция в Евразии и Африке – Повышение роли новых многосторонних банков развития (МБР), связанных с ОПОП: Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития БРИКС – Совместное финансирование с другими МБР, китайскими банками и финансовыми институтами частного сектора 	<ul style="list-style-type: none"> – Финансирование проекта осуществляется через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути (ФШШ), Новый банк развития БРИКС, Банк развития Китая, Китайскую инвестиционную корпорацию, Банк Китая, HSBC – Совместное финансирование с Азиатским банком развития (АБР), Всемирным банком, IFC, Африканским банком развития. – Европейский банк реконструкции и развития, Межамериканский банк развития – Экологическая и социальная программа АБИИ, Программа Стратегии устойчивого развития городов АБИИ, Программа устойчивой энергетики АБИИ для Азии – Инициативы ОПОП по “зеленому финансированию” – Китайско-европейский фонд 	<ul style="list-style-type: none"> – Сократить инвестиционный разрыв – Расширить каналы финансирования инфраструктуры и торговли – Способствовать экономическому росту – Созданию рабочих мест 	<ul style="list-style-type: none"> – ЦУР 1: искоренение бедности – ЦУР 2: искоренение голода – ЦУР 8: достойная работа и экономический рост – ЦУР 9: промышленность, инновации и инфраструктура – ЦУР 10: сокращение неравенства

		совместного инвестирования, Китайско-Африканский фонд промышленного сотрудничества		
Социальная сфера				
– Межкультурные социальные, деловые и профессиональные обмены между народами стран ОПОП	– Создание “Сообщества с общим будущим для человечества” – Экологическая цивилизация ОПОП – Содействие устойчивому экономическому и социальному развитию	– Продвижение экологической цивилизации – Строительство Шелкового пути в области здравоохранения (включая меры по борьбе с COVID-19) – Строительство "Зеленого шелкового пути" – Культурные обмены и экотуризм – Стипендии Шелкового пути, обмены с ассоциацией университетов Шелкового пути – Конференции и программы Торговой палаты Шелкового пути – Сотрудничество со СМИ и аналитическими центрами	– Улучшать здоровье и благосостояние людей – Повышать стандарты образования и технической подготовки – Стимулировать зеленые и голубые инновации – Способствовать созданию устойчивых городов и устойчивому городскому планированию – Продвигать устойчивые практики КСО – Укреплять взаимопонимание между различными культурами и цивилизациями	– ЦУР 1: искоренение бедности – ЦУР 3: Крепкое здоровье и благополучие – ЦУР 4: Качественное образование – ЦУР 9: Промышленность, инновации и инфраструктура – ЦУР 10: Сокращение неравенства – ЦУР 13: Борьба с изменением климата

Источник: Belt and Road Cooperation: for a better world, report on the findings and recommendations from the first meeting of the Advisory Council of the Belt and Road forum for international cooperation // Advisory Council of the Belt and Road Forum for International Cooperation. 2019. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201904/201904280152042.pdf> (accessed: 09.09.2025).

Особое внимание инициативы ОПОП к развитию инфраструктуры имеет ключевое значение для реализации ЦУР. Уже с 2014 года было выявлено, что наибольшие пробелы в инвестициях в рамках ЦУР связаны с энергетикой (развитие электроэнергетики и энергосетей), транспортом (строительство автомобильных и железных дорог, а также портов), телекоммуникациями (создание широкополосного доступа и цифровой инфраструктуры), борьбой с изменением климата (вложения в экологически чистые технологии) и

социальными сферами, такими как здравоохранение и образование (для которых необходимы соответствующие здания и транспортная доступность). Эти приоритетные направления во многом совпадают с ключевыми задачами инициативы ОПОП²⁵⁶. Более того, международные финансовые институты, поддерживающие проект, разделяют аналогичное видение: Азиатский банк развития (АБР) рассматривает инфраструктуру как основной фактор повышения производительности²⁵⁷, а Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) акцентирует внимание на устойчивых вложениях в эту область.

Интеграция инициативы «Один пояс, один путь» в Повестку дня ООН в области устойчивого развития открывает возможности для взаимного положительного влияния. С одной стороны, ОПОП способна стать ускорителем достижения ЦУР: стимулируя экономический рост и улучшая качество жизни, она создает институциональную базу для продвижения устойчивого развития и служит площадкой для мобилизации ресурсов, крайне востребованных в глобальном масштабе. Особенно значимым является тот факт, что финансовая и политическая поддержка Китая и его партнеров в рамках ОПОП может частично восполнить дефицит финансирования, препятствующий реализации ЦУР, особенно в наименее развитых странах²⁵⁸. С другой стороны, сами ЦУР могут содействовать развитию инициативы, придавая ей четкие ориентиры и легитимацию на глобальном уровне. Включение ОПОП в рамки устойчивого развития ООН помогает закрепить за Китаем статус «ответственного участника» международного сотрудничества и снижает риск восприятия инициативы исключительно через призму геополитической конкуренции.

²⁵⁶ World Investment Report, Investing in the SDGs: An Action Plan // UNCTAD. 2023. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023> (accessed: 09.09.2025).

²⁵⁷ Asian Development Outlook (ADO) 2023 // Asian Development Bank (ADB). 2023. URL: <https://www.adb.org/outlook/editions/december-2023> (accessed: 09.09.2025).

²⁵⁸ Sustainable development prospects of 'One Belt, One Road' // Pangu Think Tank. 2017. URL: <https://economy.china.com/news/11173316/20170502/30480787.html> (accessed: 09.09.2025).

Начиная с 2016 года сотрудничество Китая с учреждениями ООН по линии сопряжения Повестки-2030 и инициативы ОПОП приобрело системный характер. В апреле 2016 года Пекин подписал письмо о намерениях с ЭСКАТО ООН, предусматривающее совместное планирование действий по развитию взаимосвязанности, координации стратегий и практическому сотрудничеству стран-участниц ОПОП. В сентябре того же года был заключен меморандум о взаимопонимании между Китаем и ПРООН о совместном содействии строительству «ОПОП» с учетом задач устойчивого развития. В ноябре 2016 года Генеральная Ассамблея ООН впервые признала инициативу ОПОП в одной из своих резолюций. В феврале 2017 года Комиссия по социальному развитию ООН отметила концепцию «Сообщества общей судьбы», связанную с инициативой, а в марте 2017 года Совет Безопасности ООН выразил поддержку ОПОП в резолюции № 2344.

26 апреля 2019 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отметил, что инициатива «Один пояс, один путь» способна внести значительный вклад в ускорение реализации Целей устойчивого развития (ЦУР), подчеркнув, что ее пять основных направлений напрямую соотносятся с 17 целями Повестки-2030. По его словам, данные концептуальные ориентиры могут быть преобразованы в конкретные результаты, приносящие пользу всему человечеству²⁵⁹. В последующих разделах подробно рассматривается, каким образом происходит практическая интеграция инициативы ОПОП с ЦУР.

Китай официально заявил о своей приверженности идее «цивилизации устойчивого развития», что отражено в ряде ключевых стратегических документов, публиковавшихся правительством страны с 2015 года. Модель ОПОП строится на обширной сети международных соглашений и

²⁵⁹ Secretary-General's remarks at the opening ceremony of the Belt and Road Forum for International Cooperation // UN. 26 April 2019. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2019-04-26/secretary-generals-remarks-the-opening-ceremony-of-the-belt-and-road-forum-for-international-cooperation> (accessed: 09.09.2025).

двусторонних меморандумов о взаимопонимании, охватывающих морские, сухопутные и арктические маршруты сотрудничества. Эти направления объединяют задачи рационального использования ресурсов, улучшения транспортных и экономических связей, стимулирования роста и защиты окружающей среды, что соответствует ключевым положениям ЦУР. Устойчивый характер инициативы подтверждается и национальными стратегическими планами КНР, прежде всего 13-м и 14-м пятилетними планами.

В сентябре 2016 года Пекин обнародовал Национальный план по реализации Повестки-2030, в котором ЦУР были интегрированы в долгосрочную национальную стратегию развития и одновременно увязаны с задачами инициативы «Один пояс, один путь». Первоначальная программа действий — «Видение и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (ОПОП Vision²⁶⁰) — изначально предусматривала акцент на устойчивом развитии стран-участниц. Этот подход охватывает несколько аспектов:

- Экономический — стимулирование «зеленых» инвестиций и торговли, локализация деятельности китайских компаний для поддержки местной экономики, занятости и уровня жизни;
- Социальный — развитие образования и здравоохранения, а также улучшение условий жизни в беднейших регионах вдоль маршрутов ОПОП;
- Экологический — международное сотрудничество в сфере охраны природы, сохранения биоразнообразия и борьбы с изменением климата.

Эти приоритеты отражены и во внутренних стратегиях развития. Так, 13-й пятилетний план (2016–2020) сделал акцент на росте уровня и качества

²⁶⁰ Vision and actions on jointly building silk road economic belt and 21st-century maritime silk road // National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce. 2015. URL: https://reconasia-production.s3.amazonaws.com/media/filer_public/e0/22/e0228017-7463-46fc-9094-465a6f1ca23/vision_and_actions_on_jointly_building_silk_road_economic_belt_and_21st-century_maritime_silk_road.pdf (accessed: 09.09.2025).

жизни населения, а также на охране окружающей среды. В нем подчеркивалась необходимость перехода к «зеленой экономике», рациональному использованию природных ресурсов, энергосбережению и устойчивому землепользованию. Борьба с бедностью сопровождалась усилением мер в области образования и здравоохранения, которые с 2017 года рассматриваются в Китае как ключевой элемент защиты прав человека²⁶¹. В свою очередь, 14-й пятилетний план (2021–2025), находящийся на стадии утверждения, впервые включает целевые показатели по сокращению выбросов CO₂ наряду с развитием энергетики на основе возобновляемых источников²⁶².

В действующем Плане экологического сотрудничества в рамках ОПОП и защиты окружающей среды ключевая роль отводится бизнесу: именно предприятия выступают основными исполнителями, а их корпоративная ответственность и прозрачность становятся фундаментом экологического управления. Для усиления данного подхода предусмотрено развитие «зеленых» цепочек поставок, что должно придать инициативе еще больший масштабный эффект²⁶³. В контексте Повестки-2030 Китай также обозначил конкретные временные ориентиры: к 2025 году — для реализации экологических принципов на шести экономических коридорах инициативы, а к 2030 году — для их комплексного воплощения.

Что касается энергетики, концепция энергетического сотрудничества ОПОП пока остается на начальной стадии, но уже закрепляет обязательства,

²⁶¹ State Council Information Office, white paper, development of China's public health as an essential element of human rights // The State Council of China. 2017. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2017/09/29/content_281475894089810.htm (accessed: 09.09.2025).

²⁶² Baxter, T., Yao, Z. The 14th Five Year Plan: What ideas are on the table? // China Dialogue. 2019. URL: <https://dialogue.earth/en/climate/11434-the-14th-five-year-plan-what-ideas-are-on-the-table/> (accessed: 09.09.2025).

²⁶³ Belt and road ecological and environmental cooperation plan // Ministry of Environmental Protection. 2017. URL: https://www.followingthemoney.org/wp-content/uploads/2017/06/2017_MEP_Belt-and-Road-Ecological-and-Environmental-Cooperation-Plan_E.pdf (accessed: 09.09.2025).

характерные для всей инициативы²⁶⁴. При этом документ в общих чертах обозначает приоритеты, не затрагивая напрямую вопросы сокращения выбросов углерода или отказа от ископаемого топлива. Между тем именно производство и потребление энергии являются критически важными для устойчивого развития и достижения ЦУР 7, ориентированной на обеспечение всеобщего доступа к чистой и доступной энергии. Это создает необходимость введения более строгих и конкретных руководящих принципов.

Важным шагом стало и включение Китаем принципов устойчивого инвестирования в Руководящие принципы глобальной инвестиционной политики G20 во время председательства в 2016 году. В документе подчеркивалась необходимость согласования национальных и международных стратегий с целями устойчивого развития и инклюзивного роста²⁶⁵.

По мере того, как Китай все активнее сочетает официальную помощь в целях развития с коммерческим кредитованием, разграничить эти составляющие становится все сложнее. Особенно это заметно в рамках ОПОП, где проекты финансируются по смешанной схеме. Источниками служат:

- льготные кредиты, предоставляемые Экспортно-импортным банком Китая (Exim Bank) и Государственным банком развития (CDB);
- коммерческие кредиты от других государственных банков;
- международные банки развития (Всемирный банк, АБР, АБИИ, НБР);
- суверенные фонды, включая Фонд Шелкового пути;

²⁶⁴ Vision and actions on energy cooperation in jointly building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // National Development and Reform Commission and the National Energy Administration. 2017. URL: https://reconasia-production.s3.amazonaws.com/media/filer_public/e0/22/e0228017-7463-46fc-9094-0465a6f1ca23/vision_and_actions_on_jointly_building_silk_road_economic_belt_and_21st-century_maritime_silk_road.pdf#:~:text=The%20Chinese%20government%20has%20drafted,African%20countries%20more%20closely%20and (accessed: 09.09.2025).

²⁶⁵ Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China, at the Opening Ceremony of the B20 Summit // G20 China. 09.09.2016. URL: http://www.g20chn.org/English/Dynamic/201609/t20160909_3414.html (accessed: 09.09.2025).

- софинансирование со стороны стран-получателей и их партнеров²⁶⁶.

За исключением льготных кредитов, большая часть этих ресурсов не попадает под определение официальной помощи в целях развития (ОПР) в трактовке ОЭСР, что отражает особенность китайского подхода: объединение помощи с торговлей и инвестициями. Согласно данным AidData, после запуска инициативы ОПОП объем китайского финансирования проектов развития вырос почти вдвое: с 35 млрд долларов в год в 2000–2012 гг. до 85 млрд долларов в год в 2013–2017 гг. При этом объем традиционной внешней помощи КНР в 2013–2018 гг. составил 43 млрд долларов, то есть в среднем около 7 млрд долларов в год²⁶⁷. Характерно, что, по данным AidData, в период реализации ОПОП соотношение займов и грантов у Китая достигло 31:1, а соотношение прямых иностранных инвестиций и официальной помощи развитию — 9:1²⁶⁸.

Если говорить о наиболее примечательных примерах оказания гуманитарной помощи в рамках китайской инициативы, то стоит отметить ряд кейсов.

Первый пример связан с Бангладеш. В период пандемии COVID-19 Китай поддержал страну не только крупными инфраструктурными займами, но и более скромными грантами на здравоохранение и чрезвычайное реагирование. Общая сумма китайских обязательств в рамках БРИ для Бангладеш достигла 17,5 млрд долларов, из которых часть пошла на медицинские поставки и помощь в кризисные годы. Результатом стала рост симпатий к Китаю: уровень одобрения среди населения в пике поднялся до

²⁶⁶ Liu, W., Zhang, Y., Xiong, W. Financing the Belt and Road Initiative // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. № 2. P. 45-46.

²⁶⁷ Dunford, M. Chinese and Development Assistance Committee (DAC) development cooperation and development finance: Implications for the BRI and international governance // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. № 2. P. 59.

²⁶⁸ Malik, A.A. et al. Banking on the Belt and Road // *AidData at William & Mary: Williamsburg*. Sep. 2021. P. 121.

60%, а проекты помогли укрепить устойчивость национальной системы здравоохранения²⁶⁹.

Второй кейс касается Замбии. Здесь на фоне масштабных инфраструктурных кредитов Китай оказывал поддержку и в социальной сфере. Помимо миллиардных займов на дороги и энергетику, регулярно направлялись медицинские бригады, поставлялось оборудование и лекарства для борьбы с инфекционными болезнями. Хотя долговая нагрузка вызвала критику, именно гуманитарные инициативы укрепляли репутацию Китая и помогали Замбийской системе здравоохранения в периоды вспышек заболеваний²⁷⁰.

Третий случай связан с Аргентиной, которая во время долгового кризиса неоднократно получала от Китая экстренную финансовую поддержку. В 2018 г. после саммита G20 была подписана валютная своп-сделка, а в 2023 г. КНР вновь предоставила «юаневую подушку», позволив стране избежать дефолта перед МВФ. Это была форма гуманитарной экономической помощи, обеспечившая продолжение социальных выплат и импорт медикаментов, что смягчило кризис для населения.

Четвертый кейс иллюстрируется действиями Китая в отношении африканских стран, оказавшихся в долговом кризисе. В отчете подчеркивается, что более 80% экстренных «спасательных» кредитов КНР выдавались именно в годы, когда партнеры по ОПОП сталкивались с тяжелой финансовой дестабилизацией. Китай фактически выступал «кризисным менеджером», создавая сеть безопасности для государств, неспособных обслуживать долг, что предотвращало социальные катастрофы и массовые сокращения госпрограмм.

Пятый пример относится к образовательным и медицинским проектам в ряде стран Азии и Африки. Помимо энергетики и транспорта, КНР профинансировала строительство университетов и больниц, а также

²⁶⁹ Maliszewska M., Dominique van der Mensbrugge. The Belt and Road Initiative Economic Poverty and Environmental Impacts // Policy Research Working Paper. 2019. P. 16-18.

²⁷⁰ de Soyres, F., Mulabdic, A., and Ruta, M. The Belt and Road Initiative: A Structural Analysis, Unpublished Working Paper, World Bank. 2018. P. 54.

программы стипендий и обучение студентов в Китае. Такие вложения были относительно небольшими по сравнению с инфраструктурой, но сыграли ключевую роль в формировании человеческого капитала и укреплении долгосрочной устойчивости стран-партнеров.

Китай оказывает гуманитарную помощь странам Юго-Восточной Азии в тесной связке с инициативой ОПОП, хотя официально гуманитарное измерение не считается ее главным направлением. Регион уязвим перед природными катастрофами — землетрясениями, наводнениями и тропическими штормами, поэтому китайская помощь нередко направляется именно на преодоление последствий стихийных бедствий и укрепление инфраструктуры, связанной с управлением рисками

С конца 1990-х гг. Китай и государства ЮВА активно сотрудничают в сфере ликвидации последствий катастроф, обмена технологиями и проведения совместных военных учений по линии гуманитарной помощи и реагирования на чрезвычайные ситуации. Например, Сингапур и Китай расширили сотрудничество в области гуманитарной помощи и защиты населения: соглашение 2019 года о безопасности и обороне предусматривает регулярные совместные учения, включая компонент по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий бедствий.

Во время пандемии COVID-19 гуманитарное измерение стало особенно заметным: Китай поставлял медицинские материалы в страны ЮВА в рамках «народной дипломатии» инициативы «ОПОП». Важным направлением также стали взаимодействия китайских компаний и международных организаций. Так, Alibaba сотрудничает с Всемирной продовольственной программой, предоставляя технологии для мониторинга продовольственной безопасности, что имеет прямое значение для стран региона, подверженных кризисам с доступом к продовольствию.

Помимо этого, китайские предприятия и государственные структуры участвуют в восстановлении инфраструктуры после стихийных бедствий в странах ЮВА, хотя чаще всего в форме разовых пожертвований или ремонта

объектов. Постепенно формируется и институциональная основа для гуманитарного сотрудничества: создано Китайское агентство международного развития (CIDCA), которое координирует проекты помощи, в том числе в Юго-Восточной Азии²⁷¹.

Таким образом, инициатива «Один пояс, один путь» выходит далеко за рамки инфраструктурных и экономических проектов, становясь ключевой платформой для гуманитарного взаимодействия. Через проекты в сфере здравоохранения, образования, борьбы с бедностью и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций Китай постепенно институционализирует гуманитарное измерение ОПОП, делая его неотъемлемой частью глобальной повестки устойчивого развития. Взаимосвязь ОПОП с Целями устойчивого развития ООН укрепляет международную легитимность инициативы и придает ей долгосрочную значимость как каналу предоставления помощи, обмена знаниями и формирования человеческого капитала. Именно это превращает ОПОП в фундамент современного гуманитарного сотрудничества, ориентированного на улучшение качества жизни и укрепление устойчивости стран-партнеров.

3.3. Международное гуманитарное сотрудничество Китая в рамках ШОС

Исторически Центральная Азия (ЦА) не рассматривалась Китаем как одно из ключевых направлений оказания помощи. До распада Советского Союза контакты Пекина с республиками региона были крайне ограниченными. Однако после обретения этими государствами независимости Китай начал активно выстраивать с ними двусторонние отношения, включая сотрудничество в сфере зарубежной помощи.

Важным этапом, способствовавшим наращиванию объемов помощи и углублению взаимодействия в конце 1990-х – начале 2000-х годов, стало

²⁷¹ Gong, L. The Belt and Road Initiative vehicle for china's humanitarian action? // RSIS. 2021. P. 12-14.

подписание в 1997 году Соглашения о взаимном сокращении военных контингентов в приграничной зоне, в рамках которого Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан сократили численность войск и приняли меры по укреплению доверия. Существенным фактором стало и урегулирование территориальных споров между Китаем и Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в 1998, 1999 и 2002 годах соответственно. Немалое влияние на политику Пекина в регионе оказало создание в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)²⁷².

Одним из направлений деятельности ШОС является гуманитарное взаимодействие. В уставной Хартии организации закреплено развитие сотрудничества в области науки, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма²⁷³.

В условиях глобализации гуманитарное сотрудничество становится особенно значимым: оно позволяет государствам и международным объединениям укреплять свой авторитет, формировать позитивный имидж, продвигать культуру через открытие культурных центров, работу с диаспорой и привлечение специалистов из-за рубежа. Все это требует существенных финансовых ресурсов. Крупные державы, осознавая стратегическую роль культурно-гуманитарного взаимодействия, инвестируют в него значительные средства.

Основную финансовую нагрузку в рамках ШОС несут Китай и Россия. При этом между ними существуют разногласия по вопросам приоритетов: Пекин настаивает на развитии экономического сотрудничества, тогда как Москва акцентирует внимание на вопросах безопасности. Между странами Центральной Азии также сохраняются противоречия, связанные с анклавными, пограничными вопросами, распределением вод Амударьи и Сырдарьи, а также

²⁷² Kassenova N. China as an Emerging Donor in Tajikistan and Kyrgyzstan // *Russie. Nei. Visions*. 2009. Vol. 36. P. 11-13.

²⁷³ Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества // Президент РФ. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (accessed: 10.09.2025).

борьбой за региональное лидерство. Дополнительное напряжение создают разногласия между новыми членами организации – Индией и Пакистаном.

Страны, входящие в ШОС, представляют собой разные культурно-цивилизационные традиции – конфуцианскую, исламскую, христианскую и индуистскую. Этот фактор может иметь двойственное значение: с одной стороны, способствовать культурному обмену и взаимному обогащению, а с другой – создавать определенные барьеры.

Гуманитарное сотрудничество в рамках организации считается одной из наиболее согласованных сфер: здесь практически не возникает серьезных разногласий, а интересы участников во многом совпадают. Однако потенциал и возможности стран ШОС в реализации таких проектов различаются. Хотя сама организация была создана в 2001 году, активная работа по гуманитарным направлениям фактически началась лишь в 2005-м.

Ключевым документом, регулирующим культурное взаимодействие государств-членов, стало Соглашение о сотрудничестве в области культуры, подписанное 16 августа 2007 г. в Бишкеке²⁷⁴. Тем не менее, первые реальные шаги были сделаны раньше – в 2005 году, когда была создана экспертная группа по вопросам культурного сотрудничества. С этого времени заметно увеличилось количество мероприятий: начиная с 2005 года регулярно проходят фестивали искусств стран ШОС, был издан альбом «Диалог цивилизаций», в котором представлен обзор культурного наследия участников.

Особое внимание уделяется молодежи. Так, при поддержке Секретариата ШОС в 2005–2013 гг. был реализован проект «Дети рисуют сказки», инициированный Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Экспозиция посетила 30 городов стран-участниц. Также на постоянной основе проводятся Дни культуры и ежегодные

²⁷⁴ Соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области культуры // МИД РФ. 16.08.2007. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50342/ (accessed: 10.09.2025).

фестивали. Регулярные встречи министров культуры помогают координировать работу и решать вопросы финансирования культурных инициатив.

В сфере образования основой взаимодействия стало межправительственное Соглашение о сотрудничестве, подписанное в июне 2006 года и вступившее в силу с января 2008-го. Оно предусматривает обмен студентами и преподавателями, совместное изучение языков, истории и культуры, а также взаимное признание дипломов, ученых степеней и званий.

Вопросами развития науки и инноваций занимается Деловой совет ШОС – неправительственная структура, объединяющая ведущих представителей делового сообщества стран-участниц.

Предложение В.В. Путина в 2007 г. о создании Университета ШОС было поддержано Деловым советом. К проекту планировалось привлечь ведущие российские вузы – МГУ, МГИМО, МГЛУ, РУДН, а также новые федеральные университеты, например, Сибирский. В том же году на саммите в Екатеринбурге было принято решение о создании Сетевого университета ШОС. С этого момента началось практическое формирование общего образовательного пространства в рамках организации²⁷⁵.

В 2008–2011 годах велась работа над базовыми документами – Концепцией Университета ШОС и Положением о взаимодействии вузов, за которую отвечала Россия. Выбор был логичным: государства Центральной Азии традиционно связаны с российской системой образования, в регионе действуют Славянские университеты, работающие по российским стандартам, а образовательная модель СССР в свое время стала основой и для системы КНР²⁷⁶.

²⁷⁵ Президент РФ предлагает создать университет ШОС // РИА Новости. 16.08.2007. URL: <https://ria.ru/20070816/71801370.html> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁷⁶ Федин С.К. Формирование университета шанхайской организации сотрудничества как фактор гуманитарного сотрудничества государств-членов ШОС // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. №. 617. С. 218-228.

Основные задачи создания Университета ШОС были отражены в Концепции его создания и Плате мероприятий, утвержденных 24 октября 2008 года на совещании министров образования стран-участниц в Астане. Согласно этим документам, университет должен функционировать как сеть уже существующих вузов стран-членов ШОС, а его работа включать обмен студентами, аспирантами, преподавателями и научными сотрудниками. Также предполагалось активное развитие научного сотрудничества, внедрение современных образовательных технологий и создание механизмов признания дипломов Университета ШОС в странах-участницах. Отдельное внимание в концепции уделялось разработке рекомендаций по различным направлениям сотрудничества, подготовке специалистов для структур ШОС, а также созданию языковых курсов (в первую очередь русского и китайского) и страноведческих программ. Эти задачи должны были способствовать не только образовательной интеграции, но и подготовке кадров, востребованных в рамках ШОС²⁷⁷.

Программа Университета ШОС является своеобразным аналогом модели Единого Европейского образовательного пространства, адаптированной для Азиатско-Тихоокеанского региона и Центральной Азии в рамках «Болонской системы трансформации». Реализация этого проекта многостороннего сотрудничества преследует сразу несколько целей, включая развитие гуманитарной интеграции, расширение академической мобильности, а также обмен опытом и информацией между странами региона. После подписания основополагающего Соглашения и завершения технической подготовки в 2010 году стартовала пилотная фаза внедрения программ Университета ШОС. Главной задачей этого проекта стало совместное

²⁷⁷ Концепция Университета ШОС. 2008. URL: <https://studyabroad.mpei.ru/rus/USHOS/uscoConcept/Pages/default.aspx#tag4> (дата обращения: 24.11.2024).

обучение специалистов в различных областях, с особым акцентом на социально-политическое и экономическое направления²⁷⁸.

Первый набор студентов в Сетевой университет ШОС в базовых вузах стран-участниц состоялся в 2010/2011 учебном году. В Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ) прием проводился по направлению «Зарубежное регионоведение».

МГЛУ сыграл заметную роль в становлении общего образовательного пространства ШОС. Университет стал организатором двух значимых мероприятий: в 2008 году совместно со Столичным педагогическим университетом Пекина был проведен международный семинар-совещание в Пекине, а в 2009 году в Москве состоялся «круглый стол» на тему «Регионоведение, лингвистика и межкультурная коммуникация в вузах стран-членов ШОС»²⁷⁹. Итогом этих встреч стало принятие программы инновационного образовательного сотрудничества, в реализации которой участвовали не только государства ШОС, но и страны СНГ.

Программа предусматривала развитие партнерства в области лингвистического образования, а также укрепление евразийского диалога культур и цивилизаций. Особое внимание уделялось изучению шести языков: казахского, китайского, киргизского, русского, таджикского и узбекского. Это должно было способствовать укреплению дружбы и добрососедских отношений между народами Центральной Азии, России и Китая.

Опираясь на богатый опыт подготовки специалистов для зарубежных стран, МГЛУ активно развивает совместные образовательные проекты с университетами республик Центральной Азии. В рамках проекта Сетевого университета ШОС университет также ведет серьезную научно-исследовательскую деятельность, в том числе в магистратуре, где выпускные

²⁷⁸ Бактыбаева А. Сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации в научно-образовательной и культурной сферах в рамках евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2022. 1(5). Р. 109-123.

²⁷⁹ Касюк А.Я., Онищук С.М. Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие в гуманитарной сфере // Вестник МГЛУ. 2011. Выпуск 25 (631). С. 54-68.

работы посвящены анализу процессов в Европейском, Азиатско-Тихоокеанском и Центрально-Азиатском регионах.

Согласно данным на 2024 г., УШОС представляет собой сеть из 82 ведущих университетов стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества. Вузы предлагают совместные магистерские программы по таким направлениям, как «Регионоведение», «Экология», «Информационные технологии», «Энергетика», «Нанотехнологии», а позже были добавлены «Экономика» и «Педагогика». Среди российских вузов-участников проекта выделяются МГУ, РУДН им. П. Лумумбы, МГИМО, МЭИ, НГУ и другие. Казахстан представлен, например, Казахским национальным университетом имени аль-Фараби, Карагандинским государственным техническим университетом и Казахским национальным техническим университетом имени К.И. Сатпаева. Китайская сторона включает такие учреждения, как Пекинский университет иностранных языков, Даляньский университет иностранных языков, Шаньдунский университет и другие²⁸⁰.

В Китае все активнее предоставляются гранты, направленные на развитие человеческого капитала — прежде всего в сферах образования и гуманитарного сотрудничества. Хотя такие направления не относились к традиционным формам китайской внешней помощи, сегодня Пекин выделяет значительные средства на стипендии для студентов из стран региона. В этих инициативах участвуют не только государственные структуры и университеты, но также международные организации, такие как ШОС и Азиатский фонд развития.

После выдвижения инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» Китай заявил о планах в течение десяти лет предоставить 30 тыс. правительственных стипендий для граждан стран — членов ШОС, учрежденных Министерством образования КНР, а также пригласить 10 тыс.

²⁸⁰ Бактыбаева А. Сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации в научно-образовательной и культурной сферах в рамках евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2022. 1(5). Р. 120.

студентов и преподавателей из Институтов Конфуция на обучение. Дополнительно Пекин ежегодно выделяет еще 10 тыс. стипендий для студентов из государств, расположенных вдоль маршрутов ЭПШП²⁸¹.

Изучение китайского языка становится все более популярным в Центральной Азии. По данным Ханьбань (Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом), к 2024 году в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане действовало 10 Институтов Конфуция и 12 Классов Конфуция, где обучалось около 25 тыс. студентов²⁸². Важным событием стало проведение в Бишкеке в 2017 году первого Международного форума Институтов Конфуция стран Центральной Азии и Южного Кавказа, где собрались представители Госкомитета КНР по продвижению китайского языка за рубежом, дипломаты и более 80 руководителей университетов региона²⁸³.

Отдельным направлением гуманитарного взаимодействия в рамках ШОС является сфера информационного обмена. Здесь существенного прогресса пока не наблюдается, что объясняет регулярные инициативы российских исследователей Ю.В. Морозова и Е.Н. Сафроновой по формированию единого информационного пространства организации. В числе их предложений — создание радиостанции и телеканала «Новости Евразии», использование телеканала «МИР» в формате, доступном всем странам ШОС, а также учреждение печатного органа организации с публикацией материалов на языках государств-членов²⁸⁴. Кроме того, в рамках Университета ШОС предлагается внедрить образовательные курсы для подготовки

²⁸¹ China Bolsters SCO Education Cooperation. URL: <http://en.people.cn/90785/8394344.html> (accessed: 19.07.2025).

²⁸² Чэнчэн Ч. Институты Конфуция и их деятельность в странах Центрально-азиатского региона // Социально-гуманитарные знания. 2022. №. 1. С. 282-289.

²⁸³ Махмутова Е.В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. №. 27. С. 268-283.

²⁸⁴ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с Центрально-азиатскими партнерами в рамках шанхайской организации сотрудничества // Международное сотрудничество. 2014. № 32 (269), С. 43-56.

профессиональных журналистов и специалистов в области современных технологий сбора, обработки и передачи информации²⁸⁵.

Не менее значимым направлением гуманитарного сотрудничества остается медицина. Потребность в совместных усилиях в этой сфере связана с проблемами здравоохранения в странах Центральной Азии: слабой материально-технической базой больниц, недостаточной квалификацией медицинского персонала и, как следствие, низким качеством предоставляемой помощи.

Процессы глобализации сами по себе стимулируют сотрудничество в гуманитарной сфере, поскольку сопровождаются ростом трудовой миграции, интернационализацией торговли продуктами питания и распространением масштабных трансграничных эпидемий. В этой связи особенно актуальными становятся вопросы санитарного контроля на границах, качества ввозимых продуктов, состояния здоровья сельскохозяйственных животных и уровня безопасности мясо-молочной продукции.

Одним из ключевых факторов, подталкивающих к совместным действиям в области здравоохранения, является проблема наркотрафика и связанных с ним инфекций, в частности ВИЧ/СПИДа. Это давно уже международная угроза, требующая координации усилий всех стран. Близость Афганистана делает государства Центральной Азии крайне уязвимыми для транзита наркотиков, которые через их территорию попадают в Россию и далее в Европу. С аналогичными вызовами сталкивается и Китай, где также фиксируется рост потребления наркотических веществ. В таких условиях логичным становится объединение усилий стран ШОС — подготовка и переподготовка квалифицированных кадров, организация стажировок, обмен опытом и передовыми практиками.

²⁸⁵ Ефремова Л.И., Федоров Р.Г. 10 лет Университету Шанхайской организации сотрудничества: основные результаты работы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2017. Т. 9. №. 4. С. 364-365.

Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС охватывает и другие направления: предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, охрану окружающей среды, развитие туризма. Эти проекты реализуются, хотя и с разной степенью результативности.

Причины наращивания китайской помощи государствам Центральной Азии во многом обусловлены экономическими и политическими факторами. В первую очередь это связано с необходимостью обеспечения стабильности на границах Синьцзян-Уйгурского автономного района, где сохраняется террористическая угроза и риск поддержки уйгурского национализма. Китайское руководство рассматривает экономическое развитие Синьцзяна как важнейший инструмент предотвращения дестабилизации региона и гарант сохранения территориальной целостности страны.

Кроме того, немаловажным стимулом выступает стремление Пекина поддерживать региональную безопасность и политическую стабильность в Центральной Азии, поскольку близость этих государств к китайским границам потенциально способна создавать внутренние проблемы для самой КНР.

Оказывая странам Центральной Азии финансовую помощь, Китай одновременно облегчает себе доступ к их минеральным ресурсам, что особенно важно в условиях растущего внутреннего спроса на сырье. Так, только за последний год потребление природного газа в КНР увеличилось на 12,5 % и достигло 209 млрд кубометров. Доля импорта при этом составила 35 % от внутренней добычи, а к 2025 году, по прогнозам, может достичь 55 %²⁸⁶. Развивая энергетическое сотрудничество с ЦА, Пекин стремится сократить зависимость от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока и Африки, на которые сегодня приходится около 90 % китайского импорта²⁸⁷.

²⁸⁶ Hao Tian. China's Conditional aid and its impact in Central Asia // China's Belt and Road initiative and its impact in Central Asia ed. by Marlene Laruelle. 2018. P. 21-33.

²⁸⁷ Chen J., Wang N., Tang H., Li J., Xiong B. Impact of Sustained Low Oil Prices on China's Oil & Gas Industry System and Coping Strategies // Natural Gas Industry Beijing, 2016, Vol. 3, No. 3, P. 181-186.

Значение Центральной Азии во внешней политике КНР возрастает и благодаря ее роли в реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Создание инфраструктурных объектов в регионе дает Пекину возможность использовать аутсорсинг рабочей силы, материалов, товаров и технологий, что одновременно помогает решать проблему занятости в Китае, где стоимость труда неуклонно растет и приобретает стратегическое значение²⁸⁸.

Рост интереса Китая к ЦА совпал с относительным ослаблением внимания к региону со стороны Запада. Россия традиционно имеет здесь сильные позиции, однако в условиях ухудшения ее отношений с западными странами и непростой экономической ситуации, даже с учетом запуска ЕАЭС, ее инвестиционные возможности объективно ограничены. В то же время Китай располагает значительно большими ресурсами для вложений и оказания помощи.

Отношения между Пекином и странами Центральной Азии нередко характеризуют как «теплая политика при холодном отношении общества»²⁸⁹. Политические элиты региона, как правило, позитивно воспринимают китайские инвестиции и пакеты помощи, но среди населения сохраняются синофобские настроения. Масштабное экономическое присутствие КНР, даже при его выгоды, воспринимается с опасением. Характерный пример — террористический акт в Бишкеке в 2016 году возле посольства Китая. Распространено мнение, что Пекин постепенно «колонизирует» регион, выкачивая ресурсы и размещая здесь экологически вредные производства²⁹⁰.

Ключевым условием предоставления льготных кредитов со стороны Китая является использование в проектах китайских материалов, оборудования, технологий или рабочей силы. Дополнительно Пекин

²⁸⁸ Mariani B. China's Role and Interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. P. 16.

²⁸⁹ Kerr D. Central Asian and Russian Perspectives on China's Strategic Emergence // International Affairs. 2010. Vol. 86, No. 1, P. 127-152.

²⁹⁰ Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7, No. 1, P. 14-23.

увязывает национальные программы социально-экономического развития стран-реципиентов со своей внешнеполитической стратегией. Так, программа «Нурлы Жол» по развитию инфраструктуры в Казахстане была интегрирована с инициативой «Экономический пояс Шелкового пути», а в Таджикистане национальная стратегия развития до 2030 года реализуется в аналогичном русле. Такая практика позволяет Китаю задействовать собственные производственные мощности за пределами страны и постепенно укреплять экономическое присутствие в ключевых для Центральной Азии отраслях²⁹¹.

Финансовые ресурсы, выделяемые КНР в рамках ЭПШП, включая инвестиции в инфраструктурные проекты, полностью соответствуют интересам Пекина и логике самой инициативы. Поддержка распространяется и на другие сферы, в частности на сельское хозяйство. В ходе своего турне по Центральной Азии в 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин подписал соглашения о предоставлении льготных кредитов и инвестиций на сумму 58 млрд долларов: из них 30 млрд предназначались Казахстану, 15 млрд — Узбекистану, 10 млрд — Туркменистану и 3 млрд — Кыргызстану. Однако значительная часть этих средств была закреплена лишь в меморандумах о намерениях, что ставит под сомнение их полную реализацию²⁹².

Вторым по значимости направлением китайской помощи является предоставление грантов. Они направляются на строительство объектов социальной инфраструктуры — школ, больниц, развитие сельского хозяйства, а также организацию форумов и мероприятий. К 2016 году общий объем грантовой поддержки Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана

²⁹¹ Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России // РСМД. 04.07.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/?ysclid=mfdpokcq5f690176832> (accessed: 10.09.2025).

²⁹² Сыроежкин К.Л. Проект “Экономический пояс Шелкового пути” в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 6(50), С. 104-122.

превысил 10 млрд юаней. Например, в 2007 году Китай выделил 50 млн юаней (около 7,4 млн долларов) на организацию саммита ШОС в Бишкеке²⁹³.

Таким образом, международное гуманитарное сотрудничество Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества представляет собой многогранный и динамично развивающийся процесс, играющий ключевую роль в укреплении позиций КНР в Центральной Азии. Несмотря на то, что изначально регион не являлся приоритетным направлением китайской внешней политики, с обретением странами ЦА независимости и особенно после создания ШОС в 2001 году, Пекин значительно активизировал свои усилия в гуманитарной сфере.

Ключевыми инструментами этой политики стали образовательные инициативы, такие как Университет ШОС и предоставление многочисленных стипендий, а также масштабная культурная экспансия через Институты Конфуция. Эти проекты, наряду с сотрудничеством в области здравоохранения, информации и чрезвычайных ситуаций, направлены не только на укрепление взаимопонимания и доверия между народами, но и на формирование устойчивого положительного имиджа Китая в регионе.

В конечном итоге, гуманитарное сотрудничество является для Китая стратегически важным компонентом его комплексного подхода к Центральной Азии, тесно переплетаясь с экономическими и политико-безопасными интересами. Оно позволяет Пекину не только продвигать свои ценности и стандарты, но и обеспечивать стабильность на своих западных границах, получать доступ к ресурсам и создавать благоприятные условия для реализации масштабных инфраструктурных проектов в рамках инициативы ОПОП. Несмотря на существующие барьеры, именно гуманитарная сфера остается одной из наиболее перспективных и бесконфликтных областей для дальнейшего углубления взаимодействия между КНР и странами ШОС.

²⁹³ Bossuyt F. The EU's and China's Development Assistance towards Central Asia: Low versus Contested Impact. Ghent: Ghent University, Department of Political Science. 2016. P. 16.

3.4. Гуманитарная помощь Китая африканским странам в рамках форума "Китай — Африка"

Гуманитарная помощь африканским странам является важнейшим фактором, влияющим на устойчивое развитие региона, борьбу с бедностью, укрепление систем здравоохранения, обеспечение продовольственной безопасности и минимизацию последствий климатических кризисов. В условиях хронического дефицита ресурсов, частых чрезвычайных ситуаций и сложного процесса постколониальной трансформации международная поддержка приобретает для государств Африки критическое значение. На этом фоне все более заметной становится роль Китая как одного из ведущих доноров гуманитарной помощи, особенно в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC).

За последние двадцать лет взаимодействие КНР с африканскими странами прошло значительную эволюцию: от преимущественно идеологического обмена в годы Холодной войны до комплексного стратегического партнерства, включающего торговлю, инвестиции, образовательные инициативы и, что особенно значимо, гуманитарную составляющую. Форум FOCAC превратился в ключевую площадку, где Китай не только институционализировал помощь Африке, но и начал активно продвигать собственный подход к развитию, основанный на принципах суверенитета, невмешательства и взаимной выгоды, что позволило усилить его политическое и экономическое присутствие на континенте.

Большая часть гуманитарной помощи Пекина реализуется через двусторонние каналы, однако точные масштабы оценить трудно: правительство КНР официальной статистики не раскрывает, а данные независимых исследователей расходятся из-за различий в методологии. Изначально до начала 2000-х годов помощь носила адресный характер, но в XXI веке процесс стал более структурированным за счет создания новых

институтов²⁹⁴. Помимо ФОСАС, сюда относятся инициатива «Один пояс, один путь», взаимодействие с Африканским союзом, а также привлечение многосторонних финансовых организаций²⁹⁵.

Тем не менее именно учреждение ФОСАС стало переломным моментом в наращивании китайской гуманитарной активности. Основанный в 2000 году форум уже через три года провел вторую министерскую встречу, на которой был принят Аддис-Абебский план действий (2004–2006 гг.)²⁹⁶. А в 2006 году, на третьей конференции, отношения были закреплены как «новый тип стратегического партнерства». Тогда же Китай обнародовал «Белую книгу», в которой обозначил основные направления своей политики в отношении Африки²⁹⁷. Чтобы понять содержание этих документов, необходимо учитывать концептуальные основы китайской внешней политики, реализуемые через ФОСАС.

Исследователи К. Олден и Д. Лардж обращают внимание, что сведение китайских интересов в Африке исключительно к экономическим выгодам является чрезмерным упрощением. Такой подход оставляет без внимания идеологическую составляющую, особенно заметную в рамках ФОСАС. Экономический анализ не способен объяснить те ценности, которые Китай провозгласил еще на учредительном форуме 2000 года. Речь идет о стремлении к «справедливому мировому порядку» и критике западного доминирования.

²⁹⁴ Humanitarian Advisory Group, International Council of Voluntary Agencies, Innovation Center for Risk Governance, Zhang, D. Positive Disruption? China's Humanitarian Aid // Humanitarian Advisory Group. 2019. URL: <https://humanitarianadvisorygroup.org/insight/positive-disruption-chinas-humanitarian-aid/> (accessed 13.07.2025).

²⁹⁵ Renwick, N. China and Humanitarian Aid Cooperation (Policy Bri) // Institute of Development Studies. 2020. 20 p.

²⁹⁶ Forum on China-Africa Cooperation-Addis Ababa Action Plan (2004-2006) // Secretariat of the Forum on China-Africa Cooperation. 2003. URL: http://www.focac.org.cn/eng/zywx_1/zywj/200909/t20090925_7933568.htm (accessed 13.07.2025).

²⁹⁷ Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2007-2009) // Secretariat of the Forum on China-Africa Cooperation. 2006. URL: http://www.focac.org/eng/zywx_1/zywj/200611/t20061116_7933564.htm (accessed 13.07.2025).

При этом идеологический аспект не исключает важности ресурсов, но является самостоятельным и часто недооцененным элементом китайской политики²⁹⁸.

Действуя через ФОСАС, Китай позиционирует себя как представитель глобального Юга и подчеркивает необходимость равноправия в международных отношениях и формирования нового мирового экономического порядка, альтернативного западной гегемонии. Форум изначально задумывался как инструмент многостороннего взаимодействия, который позволял не только укреплять сотрудничество с африканскими странами, но и заручаться их дипломатической поддержкой в вопросах защиты суверенитета КНР²⁹⁹. Таким образом, ФОСАС стал уникальным механизмом объединения Китая и Африки на основе равенства и взаимного уважения. Эта позиция нашла отражение в Пекинской декларации 2000 года, где было зафиксировано право государств с разными общественными системами и уровнями развития самостоятельно определять пути защиты прав человека, а также осуждено использование правозащитной риторики как инструмента давления и условия для предоставления помощи³⁰⁰.

Подобно Китаю, африканские государства стремились избавиться от зависимости от Запада и его доминирующего влияния. Президент Уганды Йовери Мусевени не раз упрекал западные страны в высокомерии и некомпетентности, противопоставляя этому прагматичный стиль взаимодействия со стороны Китая. Создание в 2000 году Форума по китайско-африканскому сотрудничеству (ФОСАС) стало для Пекина инструментом привлечения африканской поддержки в противовес господству западных держав в глобальных институтах.

²⁹⁸ Alden, C., Large D. China's Exceptionalism and the Challenges of Delivering Differences in Africa // *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 20, No. 68. P. 21–38.

²⁹⁹ Khadiagala, G.M. Two Moments in African Thought: Ideas in Africa's International Relations // *South African Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 17, No. 3. P. 375–386.

³⁰⁰ Beijing Declaration of the Forum on China-Africa Cooperation // *China.org*. 2000. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/focac/185148.html> (accessed 13.07.2025).

Китай активно апеллирует к «исторической памяти», напоминая африканцам о колониализме и несправедливой мировой системе, что формирует позитивное восприятие его политики. На саммите ФОСАС в 2003 году премьер-министр Вэнь Цзябао предостерегал от «гегемонии», прямо указывая на США, и подчеркивал провал Вашингтонского консенсуса. В качестве альтернативы Китай предложил собственную модель развития, не сопровождающуюся требованиями к демократизации по западному образцу. Этот подход получил название «Пекинский консенсус».

Особенность Китая заключается в том, что он занимает промежуточное положение между развитым Севером и глобальным Югом, что придает его политике гибкость и прагматизм. Ключевым инструментом реализации этой политики выступает именно ФОСАС, который стал основной площадкой для политического и экономического взаимодействия. Его роль проявляется в нескольких измерениях.

Во-первых, Форум закрепляет фундаментальные принципы: уважение суверенитета, независимости, безопасности, территориальной целостности и права африканских стран на собственный путь развития. Это формирует основу доверительных отношений.

Во-вторых, ФОСАС выполняет функцию координации позиций и совместных шагов на международной арене, включая Совет Безопасности ООН. Китай задействует свое влияние для продвижения интересов Африки в вопросах безопасности и поддерживает сотрудничество с региональными организациями — Африканским союзом и НЕПАД. Поддержка институционального развития и миротворческих миссий подчеркивает признание Пекином ведущей роли этих структур в обеспечении стабильности.

В-третьих, ФОСАС стал главным механизмом развития сотрудничества в стратегически важных областях: торговля, инвестиции, инфраструктурные проекты (железные дороги, порты, энергетика), сельское хозяйство и промышленность, включая высокотехнологичные направления.

Наряду с этим Форум играет центральную роль в оказании гуманитарной помощи и содействии международному развитию африканских стран. В его планах действий гуманитарная поддержка традиционно рассматривается как часть более широкой сферы социального и экономического взаимодействия. Уже в первых документах фиксировались обязательства Китая по предоставлению экстренной помощи во время стихийных бедствий и кризисных ситуаций: продовольственная и медицинская поддержка, реагирование на климатические катастрофы и эпидемии³⁰¹.

Позднее эти положения стали более конкретными: Китай подтвердил готовность продолжать экстренные поставки продовольствия, направлять специалистов и консультантов для укрепления продовольственной безопасности и сельского хозяйства. На саммите 2024 года был утвержден новый план действий на 2025–2027 годы³⁰², ориентированный на ликвидацию голода, достижение продовольственной устойчивости, создание сети сельскохозяйственных партнерств и поддержку устойчивого развития аграрного сектора Африки³⁰³.

В планах действий FOCAC особое внимание уделяется содействию международному развитию, что отражается в поддержке устойчивого роста Африки, укреплении сотрудничества «Юг–Юг» и формировании модели «развитие через партнерство».

Во-первых, Форум способствует экономической трансформации: поддерживает индустриализацию, малый и средний бизнес, развитие перерабатывающих отраслей и инфраструктуры. Китай инвестирует в

³⁰¹ The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016-2018) // State Council. 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367313.html (accessed 13.07.2025).

³⁰² Forum on China-Africa Cooperation Dakar Action Plan (2022-2024) // State Council. 2021. URL: http://www.focac.org/eng/zywx_1/zywj/202201/t20220124_10632444.htm (accessed 13.07.2025).

³⁰³ Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025-2027) // State Council. 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html (accessed 13.07.2025).

промышленность, сельское хозяйство и логистику, создавая условия для внутреннего роста.

Во-вторых, значительное место занимает развитие человеческого капитала. Китай реализует образовательные и профессиональные программы («African Talents Program» и др.), поддерживает создание учебных заведений, готовит специалистов в ключевых сферах — от сельского хозяйства и медицины до инженерии и госуправления.

В-третьих, ФОСАС помогает Африке в достижении ЦУР, содействуя борьбе с бедностью, укреплению здравоохранения, продовольственной безопасности и климатической адаптации³⁰⁴.

Наконец, гуманитарное сотрудничество охватывает продовольствие, здравоохранение (медбригады, борьба с эпидемиями, строительство больниц) и экологические проекты (борьба с засухой, деградацией земель, климатические инициативы с АС).

Таким образом, ФОСАС стал центральным инструментом китайской политики в Африке, соединяющим идеологические установки с практическими интересами. Он позволяет Пекину продвигать модель «Юг–Юг», укреплять дипломатическую поддержку и расширять влияние на континенте через инфраструктурные, экономические и гуманитарные проекты.

Гуманитарная помощь Китая африканским странам имеет долгую историю, но именно создание ФОСАС придало этому направлению внешней политики КНР новый импульс. Как и большинство доноров, Китай мотивирован предоставлять помощь сочетанием собственных политических, стратегических и экономических интересов, а также потребностей стран-получателей. В работе Ч. Цяна представлен подробный исторический обзор

³⁰⁴ Large D. China, Africa and the 2021 Dakar FOCAC // African Affairs. 2022. Vol. 121. №. 483. P. 299-319.

китайской внешней политики и помощи Африке, который позволяет выделить три ключевых периода³⁰⁵.

В этот период внешняя помощь Китая определялась двумя основными факторами: ухудшением отношений с СССР и стремлением заручиться поддержкой стран, не признававших Тайвань, в международных организациях, прежде всего в ООН. Взамен на помощь Китай ожидал политической поддержки своих позиций на международной арене. Так, при получении КНР постоянного места в Совете Безопасности ООН в 1971 году голоса африканских стран оказались решающими: из 76 стран, проголосовавших за Китай, 26 были африканскими³⁰⁶.

Второй период, с 1979 по 1999 гг., отличался большей прагматичностью. Китай сосредоточился на внутренних экономических реформах и открытии рынка для торговли и инвестиций, из-за чего Африка временно отодвинулась на второй план. Коммерческие партнеры вроде США и Японии становились все более значимыми, а Африка теряла стратегическое значение в контексте холодной войны. Тайвань воспринимался как меньшая угроза: несколько африканских стран разорвали дипломатические отношения с Пекином и затем восстановили их. В этот период Китай сам получал значительные объемы внешней помощи, достигнув максимума на уровне 0,7% ВНД ? в 1993 году. В целом экономический прагматизм постепенно заменял идеологический, и страна демонстрировала впечатляющие результаты: с 1980 по 2007 год ВВП на душу населения вырос почти в десять раз³⁰⁷.

Начиная с 1980-х гг., после двух нефтяных кризисов и последующего долгового кризиса, Всемирный банк и Международный валютный фонд навязали многим африканским государствам программы структурной

³⁰⁵ Qian, Z. *China Africa Relations since the Introduction of FACAS*. Beijing: China Institute of Contemporary Relations. 2007. 241 p.

³⁰⁶ 周弘. 外援书札 [Чжоу Хун. Записки об иностранной помощи]. 北京: 中国社会科学出版社. 2015. 323 с.

³⁰⁷ Jun Zhang. *China's Aid to Africa in China's Foreign Aid. 60 Years in Retrospect* ed. Hong Zhou. NY: Springer. 2017. P. 97-171.

перестройки с политическими условиями. Китай, учитывая собственные экономические реформы и сложную ситуацию в Африке, продолжал предоставлять помощь и адаптировал свою политику: наряду с грантами появились льготные кредиты, совместные предприятия, кооперативы и инвестиции. Основная цель заключалась в повышении экономической самостоятельности африканских стран через углубление торговых и инвестиционных связей.

Третий период, начавшийся примерно в 2000 г. с созданием FOCAC, ознаменовался значительным усилением экономического прагматизма Китая. Интерес к Африке и рост помощи совпали с быстрыми темпами экономического роста Китая: если в 2001 году ВВП увеличился на 8,3%, то к 2007 году рост достиг 14,2%³⁰⁸. В рамках новых программ, в отличие от традиционных проектов 1990-х годов, появилась списанная задолженность, техническое сотрудничество, гуманитарная помощь и подготовка кадров. Если в 1990-х помощь Африке составляла около 400 млн долларов в год, то в 2000-х она превысила 1 млрд долларов. Этот период отражает стратегию Китая по экономической экспансии через помощь, торговлю, инвестиции и совместные проекты.

Важно отметить, что помощь является лишь частью более широких внешнеполитических целей Китая, и ее трудно отделить от других форм сотрудничества. Например, пакет мер, представленный на саммите FOCAC 2006 года, включал гранты, беспроцентные и льготные кредиты, списание долгов, а также торговые и инвестиционные инициативы. Для Китая это средство обеспечения доступа к стратегическим ресурсам, участия в взаимовыгодной торговле и укрепления политических позиций, включая признание политики «одного Китая». В опубликованной в 2006 году «Белой книге» политика Китая в отношении Африки охватывает политическое, экономическое, образовательное, научное, культурное и административное

³⁰⁸ Замедление роста экономики Китая // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2019. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/20890.pdf> (accessed 13.07.2025).

сотрудничество, при этом слово «помощь» фигурирует лишь в разделе «гуманитарная помощь», что затрудняет точное определение объема официальной помощи для развития (ОПР)³⁰⁹.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от стран-членов Комитета содействия развитию (КСР), Китай не публикует данные о своей помощи, и поэтому отсутствуют официальные временные ряды по объемам китайской поддержки Африки, что затрудняет сравнение с другими донорами. Пекин объясняет это тем, что раскрытие информации может создать напряжение с получателями помощи, которые могут посчитать, что объем средств для них недостаточен³¹⁰.

Тем не менее группа исследователей на основе публикаций в СМИ о различных китайских программах помощи составила базу данных, содержащую экспертные оценки объемов китайской поддержки африканских стран.

Если рассматривать практическое значение FOCAC как инструмента гуманитарной помощи и содействия международному развитию, то по некоторым оценкам, в 2014–2015 годах китайская помощь составляла около 0,2% от общего объема глобального гуманитарного финансирования³¹¹. По другим данным, в 2017 г. она была менее 1% от мировых расходов на гуманитарную помощь. Автор считает, что обе оценки, вероятно, занижают реальный объем двусторонних потоков³¹². Несмотря на это, расходы Китая на гуманитарную помощь растут: например, сумма, зарегистрированная в

³⁰⁹ China's African Policy Paper // Xinhua. January 2006. URL: <http://archive.niza.nl/docs/200610161531516462.pdf> (accessed 13.07.2025).

³¹⁰ Global Chinese Development Finance Dataset, Version 3.0. // AidData. 2023. URL: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0> (accessed 13.07.2025).

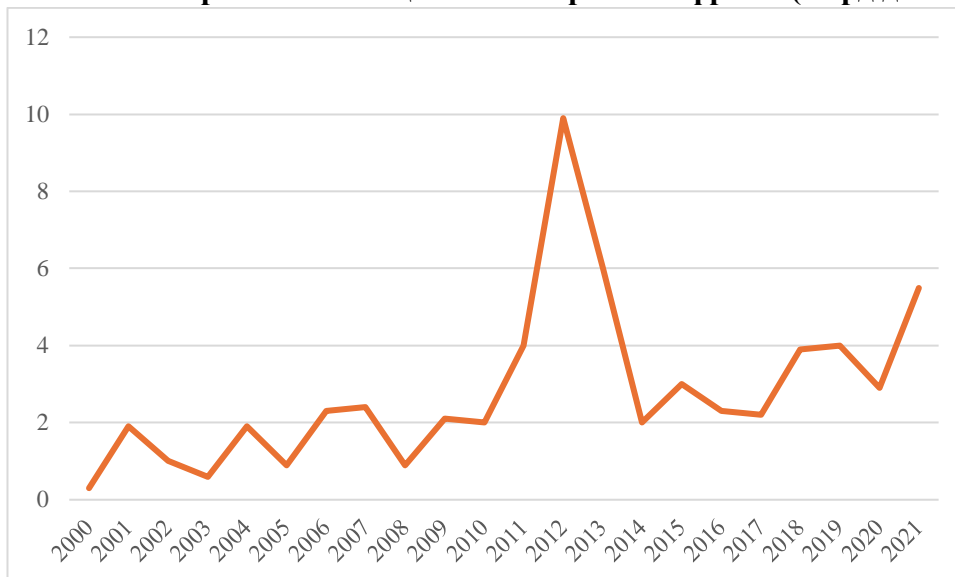
³¹¹ Hirono, M. Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action: Multiple interests, processes and actors // Overseas Development Institute. 2018. URL: <https://odi.org/en/publications/exploring-the-links-between-chinese-foreign-policy-and-humanitarian-action-multiple-interests-processes-and-actors/> (accessed 13.07.2025).

³¹² Kurtzer, J., Gonzales, G. China's Humanitarian Aid: Cooperation amidst Competition // Center for Strategic & International Studies. 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-humanitarian-aid-cooperation-amidst-competition> (accessed 13.07.2025).

международных системах, выросла с в среднем 1,5 млрд долларов в год в 2004–2009 гг. до 4,1 млрд долларов в год в 2010–2021 гг., хотя темпы роста не всегда соответствуют темпам ВВП (см. рис. 9).

Рисунок 9.

Объем иностранной помощи Китая странам Африки (млрд долл. США)

Источник: Global Chinese Development Finance Dataset, Version 3.0. // AidData. 2023. URL: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0> (accessed 13.07.2025).

Китайская помощь Африке сосредоточена на инфраструктуре, энергетике, социальной сфере и гуманитарной поддержке. Более 40% средств направляется на транспортные проекты — дороги, железные дороги, порты и аэропорты, например, железнодорожная линия Аддис-Абеба–Джибути и магистраль Найроби–Момбаса, которые улучшают логистику и экспорт ресурсов³¹³.

Энергетический сектор включает строительство гидро-, тепловых и солнечных электростанций и линий электропередач в Судане, Замбии, Гане и Зимбабве, обеспечивая энергоснабжение и создавая возможности для китайской промышленной экспансии. Социальная инфраструктура охватывает больницы, школы и государственные здания, включая Национальный театр в

³¹³ China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/26/c_1310333813.htm (accessed 13.07.2025).

Сенегале и парламент Зимбабве, укрепляя имидж Китая как «друга Африки»
314.

С 2000 по 2021 гг. реализовано более 1520 гуманитарных проектов, включая поставки продовольствия (например, рис в Кению и помощь Лесото), медицинскую поддержку (госпиталь в Тунисе, помощь во время Эболы) и реагирование на чрезвычайные ситуации (циклона Идай в Мозамбике, Зимбабве и Малави). Эти меры демонстрируют многопрофильный характер китайской помощи и ее устойчивый вклад в развитие африканских стран³¹⁵.

Что касается географического распределения, то основными получателями китайской помощи стали страны с высокими запасами природных ресурсов, геостратегическим положением или политической лояльностью к Пекину. Среди них выделяются Ангола, Эфиопия, Кения, Судан, Нигерия, Замбия, Танзания, Гана и Джибути. В Анголе и Судане китайская помощь тесно увязана с поставками нефти, в Замбии и ДР Конго – с добычей меди и кобальта. Эфиопия и Кения стали важными партнерами в рамках транспортного коридора Восточной Африки. В Джибути Китай создал не только логистический узел, но и первую свою зарубежную военную базу.

В целом китайская помощь Африке в период с 2000 по 2021 год представляет собой комплексный инструмент экономической дипломатии, сочетающий интересы развития, влияния и стратегического обеспечения ресурсами. Она трансформировала инфраструктурный ландшафт континента и предоставила альтернативу западным моделям помощи, однако ее устойчивость и долгосрочные последствия требуют дальнейшего тщательного изучения.

Подводя итог параграфу, стоит отметить, что гуманитарная помощь, предоставляемая Китаем странам Африки в рамках форума FOCAS, представляет собой неотъемлемую часть широкой стратегии

³¹⁴ Lucas, B. China's humanitarian assistance activities in Africa // Institute of Development Studies. 2022. 21 p.

³¹⁵ Gong, L. The Belt and Road Initiative: Vehicle for China's Humanitarian Action? // Rajaratnam School of International Studies (RSIS). Nanyang Technological University. 2021. 32 p.

внешнеполитического и экономического взаимодействия КНР с африканским континентом. Как показал анализ, гуманитарное измерение сотрудничества выходит далеко за рамки экстренной поддержки и становится важным инструментом содействия международному развитию, в том числе в таких сферах, как здравоохранение, продовольственная безопасность, образование, устойчивое сельское хозяйство и борьба с изменением климата.

Китай последовательно продвигает модель сотрудничества «Юг–Юг», основанную на принципах невмешательства, уважения суверенитета и равноправия. В отличие от западных доноров, КНР делает акцент на комплексной поддержке, сочетающей гуманитарную помощь с инвестициями в инфраструктуру, развитием человеческого капитала и промышленной кооперацией. Это позволяет Китаю не только укреплять политические и экономические позиции в Африке, но и формировать образ ответственного глобального партнера.

Тем не менее, несмотря на позитивные эффекты китайской помощи, остаются вопросы о ее прозрачности, устойчивости и долгосрочном влиянии на системы национального развития стран-получателей. Гуманитарная помощь, в значительной степени осуществляемая на двусторонней основе и вне общепринятых международных механизмов отчетности, требует дальнейшего анализа с точки зрения соответствия принципам эффективности помощи и устойчивости результатов.

Таким образом, китайская гуманитарная деятельность в Африке — это не только выражение альтруистической внешней политики, но и элемент стратегии формирования альтернативного миропорядка, в котором страны глобального Юга выступают как самостоятельные акторы. Форум FOCAC стал ключевым каналом реализации этой стратегии, объединив гуманитарную, экономическую и политическую повестки в рамках многоуровневого партнерства.

3.5. Гуманитарная помощь Китая как инструмент формирования позитивного имиджа на международной арене

За последние двадцать лет Китай стремился сформировать положительный имидж ответственной державы, и участие в глобальном управлении стало важным инструментом для реализации этой внешнеполитической стратегии. В рамках международных вызовов Китай традиционно сосредотачивался на вопросах торговли и экономического роста, уделяя меньше внимания гуманитарной повестке. Однако с приходом к власти Си Цзиньпина подход стал меняться: китайское правительство проявляет все большую готовность участвовать в решении гуманитарных проблем, включая чрезвычайные ситуации, возникающие в условиях вооруженных конфликтов, несмотря на прежнюю осторожность Пекина в таких деликатных вопросах. Например, в 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил о выделении 29 млн дол. США на помощь сирийским беженцам³¹⁶.

Кроме того, Китай усилил участие в международных гуманитарных инициативах, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий. Так, в 2015 г. во время землетрясения в Непале китайские неправительственные организации впервые приняли участие в зарубежной гуманитарной миссии³¹⁷. В июле 2018 г., после разрушения плотины гидроэлектростанции в Лаосе, китайская военная медицинская команда прибыла в зону бедствия спустя два дня после наводнения. В сентябре того же года, после землетрясения и цунами в Индонезии, китайские телекоммуникационные компании направили специалистов для восстановления поврежденной инфраструктуры³¹⁸. Эти примеры демонстрируют расширение китайской помощи в случае стихийных

³¹⁶ China to continue relief aid to alleviate Syrian people's suffering: Envoy // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136716070.htm (accessed: 13.07.2025).

³¹⁷ Chen L. Chinese foundations and NGOs cross border to aid Nepal // The Asia Foundation. 2015. URL: <https://asiafoundation.org/2015/06/10/chinese-foundations-and-ngos-cross-border-to-aid-nepal/> (accessed: 13.07.2025).

³¹⁸ Gong L. Southeast Asia-China cooperation in disaster management in post-Covid era // RSIS Policy Report. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies. 2020. P. 3.

бедствий, в которую вовлечены различные участники — от государственных органов и армии до неправительственных организаций и бизнеса. Особенно стала заметна роль негосударственных структур, которые стали не только поставщиками материальной помощи, но и полноценными партнерами в проведении гуманитарных операций на местах.

Имидж государства играет ключевую роль в его международных отношениях, поскольку страны чаще стремятся взаимодействовать с теми, кто имеет позитивную репутацию. На протяжении последних сорока лет Китай прилагал усилия к формированию положительного имиджа на мировой арене, основной целью которого было создание внешних условий, благоприятных для внутреннего развития³¹⁹. При этом подход Китая к достижению этой цели постепенно трансформировался в зависимости от его возможностей и изменяющегося статуса в мировой политике. В 1980-х и начале 1990-х гг., следуя принципам Дэн Сяопина о сдержанности и отказе от лидерских амбиций, Китай придерживался умеренного участия в международных делах, ограничиваясь скромным вкладом — примером может служить его участие в миротворческих миссиях ООН³²⁰.

В начале 2000-х гг. Китай сосредоточился на преодолении негативного восприятия, вызванного «теорией китайской угрозы». Пекин стал активнее участвовать в международных и региональных делах, стараясь продемонстрировать, что его рост несет выгоды не только для самой страны, но и для всего мира. Китайское руководство приняло концепцию «ответственной державы» и продвигало идею «мирного возвышения»³²¹. Одним из шагов в этом направлении стало решение не девальвировать юань в разгар азиатского финансового кризиса 1997 г., что восприняли как проявление

³¹⁹ Li M. China debates soft power // *The Chinese Journal of International Politics*. 2008. Vol. 2(2). P. 287–308.

³²⁰ Fravel, M.T. China's attitude toward U.N. peacekeeping operations since 1989 // *Asian Survey*. Vol. 36(11). P. 1102–1121.

³²¹ Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // *Международные процессы*. 2021. Vol. 19(2). P. 6-20.

ответственного поведения на международной арене³²². За последний 31 год Китай направил более 50 тыс. миротворцев более чем в 20 стран и регионов для участия почти в 30 миротворческих операциях ООН³²³.

Мировой финансовый кризис 2008 г. выявил уязвимость существующей финансово-экономической системы и предоставил Китаю шанс усилить свое влияние на глобальные процессы. Вместе с другими странами с развивающейся экономикой Китай начал продвигать идею реформирования международных финансовых институтов. В 2010 г. было достигнуто соглашение в рамках МВФ о перераспределении 6% голосов в пользу развивающихся стран, в результате чего Китай стал третьим по объему голосов членом организации³²⁴. Хотя это не привело к кардинальному изменению структуры власти в МВФ, сам факт отражал усиливающееся влияние Китая и других растущих экономик.

Несмотря на успехи в продвижении образа ответственного и миролюбивого государства в 2000-х гг., Китай по-прежнему сталкивался с критикой — в частности, за свою позицию по кризису в Дарфуре, поддержке режима в Мьянме, усиленном стремлении к ресурсам и экологическим проблемам. Кроме того, растущая вовлеченность Китая в мировые дела, а также более жесткая риторика по вопросам принадлежности акватории и объектов в Южно-Китайское море, способствовали возникновению опасений по поводу «наступательной дипломатии» КНР³²⁵.

Председатель КНР Си Цзиньпин придает большое значение формированию положительного международного образа Китая, что

³²² Deng Y. China: The post-responsible power // *The Washington Quarterly*. 2014. Vol. 37(4). P. 117–132.

³²³ Пекин заявил, что КНР стала ключевой силой в миротворческих операциях ООН // ТАСС. 17.04.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17539911> (дата обращения: 10.10.2025).

³²⁴ IMF survey: IMF board approves far-reaching governance reforms // *International Monetary Fund (IMF)*. 2010. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew110510b> (accessed: 13.07.2025).

³²⁵ Zhou F. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy // *International Affairs*. 2016. Vol. 92(4). P. 869–890.

подтверждается его заявлениями о необходимости грамотно представлять китайскую историю на глобальной арене³²⁶. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) можно выделить элементы, отражающие стремление Пекина учитывать, как страна воспринимается за рубежом. В частности, внимание уделяется таким аспектам, как устойчивое развитие, эффективное управление и развитие гуманитарных связей. Хотя Китай официально заявляет об отсутствии стремления к доминирующей роли в мире, формулировки вроде «китайское решение глобальных проблем» и описание ОПОП как «глобального общественного блага, предлагаемого Китаем» свидетельствуют о стремлении к более активному участию в международном управлении. Так, например, министр иностранных дел Китая Ван И в декабре 2018 г. на симпозиуме, посвященном международной обстановке и внешней политике Китая, подчеркнул, что ОПОП является «наиболее востребованным общественным благом и крупнейшей платформой для сотрудничества»³²⁷.

Гуманитарная деятельность рассматривается как эффективный инструмент, позволяющий государствам привлекать внимание международного сообщества и укреплять положительный образ за счет демонстрации высоких моральных и этических стандартов. В данной статье гуманитарная дипломатия понимается как усилия, направленные на расширение поддержки гуманитарных миссий, развитие программ помощи и установление необходимых партнерств для достижения гуманитарных целей.

Традиционно такую деятельность осуществляют международные гуманитарные организации, включая агентства ООН, Международный комитет Красного Креста (МККК) и крупные НПО, такие как «Врачи без границ» (MSF). Основу современной гуманитарной системы составляют

³²⁶ Xi Jinping. Build a socialist cultural great power and strive to strengthen national cultural soft power // Xinhua. 2013. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-12/31/c_118788013.htm (accessed: 13.07.2025).

³²⁷ Wang Yi. The joint undertaking of the belt and road initiative (BRI) enters a new phase // Ministry of Foreign Affairs. 11 December 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1621547 (accessed: 13.07.2025).

ключевые принципы — гуманность, беспристрастность, нейтралитет и независимость. Именно их соблюдение обеспечивает легитимность гуманитарной деятельности. Однако участие государств в этой сфере вызывает определенные сомнения, поскольку дипломатия, как правило, служит продвижению национальных интересов, тогда как гуманитарные цели не всегда с ними совпадают³²⁸. Гуманитарная помощь, оказываемая с расчетом на геополитические, экономические или политические выгоды, зачастую воспринимается неоднозначно.

С расширением участия в гуманитарной сфере стран, не относящихся к западному сообществу, взгляды на гуманитарную деятельность становятся все более разнообразными. Несмотря на распространенное мнение о том, что гуманитарные принципы универсальны, на практике государства расходятся в понимании того, кто должен оказывать помощь, какие мотивы и методы приемлемы, и какие последствия допустимы³²⁹. И хотя гуманитарная деятельность должна исходить из альтруизма, в действительности за ней часто стоят смешанные мотивы. Также остается дискуссионным вопрос о роли государств в гуманитарной сфере. На Западе, под влиянием основополагающих гуманитарных принципов, предпочтение отдается негосударственным организациям, таким как МККК и MSF, в то время как в АТР государственные структуры и вооруженные силы рассматриваются как главные участники реагирования в чрезвычайных ситуациях³³⁰.

Примеры таких разногласий можно наблюдать в случаях с циклоном «Наргис» в Мьянме в 2008 г. и гражданской войной в Ливии в 2011 году. После разрушительного циклона в Мьянме западные дипломаты и некоторые гуманитарные организации призывали к применению концепции «обязанность

³²⁸ Богатырева О. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы // Международные процессы. 2022. Т. 20. №. 1. С. 166-191.

³²⁹ O'Hagan J., Hirono M. Fragmentation of the international humanitarian order? Understanding "cultures of humanitarianism" in East Asia // Ethics & International Affairs. 2014. Vol. 28(4). P. 409–424.

³³⁰ Simm G. Disaster militarism? Military humanitarian assistance and disaster relief // Max Planck Year book of United Nations Law Online. 2019. Vol. 22(1). P. 347–375.

защищать» (Responsibility to Protect) для военного вмешательства и обеспечения гуманитарного доступа. Однако этому активно противостояли страны Юго-Восточной Азии и страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), утверждая, что данный принцип не применим к природным катастрофам³³¹. В случае с Ливией государства, первоначально поддержавшие или не возражавшие против авиаударов НАТО, такие как Китай, Россия и Южная Африка, впоследствии подняли вопрос: оправдано ли свержение режима под предлогом гуманитарной интервенции, особенно учитывая ее последствия³³². Эти разногласия между странами свидетельствуют о конкуренции за право определять, каким должен быть легитимный подход к решению глобальных гуманитарных проблем. Такое идеологическое противостояние между государствами Коллективного Запада и Коллективного НеЗапада влияет на то, как воспринимается гуманитарная деятельность в конкретных ситуациях.

В китайском языке понятие гуманизма состоит из трех ключевых элементов: «жэнь» (человек), «дао» (естественный порядок или путь) и «чжуйи» (система идей или ценностей). Сам термин «гуманизм» изначально не был частью китайской философской традиции — он пришел в Китай с конца XIX до начала XX века, вместе с концепциями свободы, равенства и прав человека, в период, когда страна испытывала идеологическое и политическое влияние со стороны стран Запада³³³. Тем не менее, гуманистические черты, такие как доброта, сочувствие, преданность и самоотверженность, давно присутствовали в традиционных китайских учениях, особенно в конфуцианстве и даосизме. Например, в «Дао Дэ Цзин» Лаоцзы говорится о достижении гармонии путем бескорыстных действий, отказа от стремления к

³³¹ Junk J. Testing boundaries: Cyclone Nargis in Myanmar and the scope of R2P // *Global Society*. 2016. Vol. 30(1). P. 78–93.

³³² Зонова Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. №. 1. С. 35-48.

³³³ Luo W. Humanism in China: Historical course and its practical significance in Conference Paper. International symposium on globalization and human development. Beijing. June 2005. P. 499–507.

владению и мягкого, ненавязчивого руководства³³⁴. Конфуцианская философия утверждает, что правитель должен ставить интересы народа выше собственных и заботиться не только о себе и своей семье, но и об обществе в целом³³⁵. Такое понимание морального долга перекликается с западным гуманизмом, акцентирующим внимание на облегчении страданий других.

Что касается субъектов гуманитарной деятельности, в китайском контексте государство традиционно считается основным актором. Еще в эпоху империй император, носивший титул «Сына Неба» (Тянь цзы), был обязан заботиться о благополучии народа, особенно в периоды природных катастроф. Это мышление продолжает влиять на современные подходы к ликвидации последствий стихийных бедствий в Китае. Несмотря на то, что после землетрясения в Сычуани в 2008 г. в стране начали развиваться неправительственные гуманитарные организации, система реагирования по-прежнему остается в значительной степени централизованной и завязанной на государственные структуры.

Такой государствоцентричный подход прослеживается и в международной гуманитарной политике Китая: основным каналом предоставления помощи остаются межправительственные связи. При этом на формирование китайской гуманитарной дипломатии оказывает влияние и исторический опыт. Китай последовательно позиционирует себя как представитель глобального Юга или страны третьего мира, подчеркивая важность согласия получающей стороны на оказание помощи и представляя себя не как благотворителя, а как равного партнера в деле развития.

Если говорить о реализации гуманитарной помощи как одного из инструментов дипломатии КНР, то стоит отметить, что Китай рассматривает гуманитарную помощь как вспомогательный инструмент внешней политики, использующийся для укрепления отношений с другими странами и

³³⁴ 老子: 道德经 [Лао-цзы. Дао Дэ Цзин]. 北京: 中国人口出版社. 2015年. 第43页.

³³⁵ Hirono M. Three legacies of humanitarianism in China // *Disasters*. 2013. Vol. 37(2). P. 202–220.

международными организациями. Подход Пекина к гуманитарной дипломатии во многом определяется политическими соображениями: термины «гуманизм» и «гуманитарный» трактуются строго и применяются в основном в контексте чрезвычайных ситуаций, чтобы избежать политизации. Особенно настороженно Китай относится к понятию гуманитарной интервенции, исходя из своей принципиальной позиции невмешательства³³⁶.

Гуманитарная помощь в китайских официальных документах долгое время ассоциировалась исключительно с природными катастрофами. Однако в 2014 г. Китай начал упоминать о помощи в условиях вооруженных конфликтов, таких как гражданская война в Сирии. Впоследствии содержание этого понятия расширилось сферой общественного здравоохранения: например, действия китайских медиков во время эпидемии Эболы в Западной Африке стали примером «гуманитарного вклада» страны³³⁷.

Китай по-прежнему предпочитает оказывать помощь через межгосударственные каналы, в отличие от принятых в мире многосторонних моделей с участием ООН и НПО. Он настороженно относится к негосударственным гуманитарным организациям и настаивает на соблюдении ими принципов нейтралитета и неполитизированности гуманитарных проблем. Такая позиция была озвучена, в частности, при обсуждении ситуации с рохинджа, когда заместитель представителя Китая в ООН предупредил, что учреждениям ООН, таким как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и Программа развития ООН (ПРООН), следует избегать политизации, а международному сообществу следует приложить больше усилий для искоренения нищеты и достижения стабильности и

³³⁶ Liu T. Chinese strategic culture and the use of force: Moral and political perspectives // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 23(87). P. 556–574.

³³⁷ China's foreign aid // State Council of China. 2014. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm (accessed: 13.07.2025).

гармонии в пострадавших районах³³⁸. Предпочтение двусторонней помощи может вызывать сомнения в ее беспристрастности, но при условии соответствия нуждам в пострадавшей стране помощь может способствовать укреплению политических связей и стабильности.

Китайский подход к гуманитарной деятельности в условиях конфликтов после окончания холодной войны основывается на тесной связи между развитием, безопасностью и миром. В таких ситуациях Китай делает упор не только на оказание срочной помощи, но и на поддержку долгосрочного восстановления: аннулирует долги, направляет медицинские команды, способствует восстановлению инфраструктуры и развитию потенциала в постконфликтных регионах. Например, в ответ на кризис в Сирии в 2017 г. Китай выделил по 1 млн долл. США для ВОЗ, Всемирной продовольственной программе (ВПП) и МККК, подписал соглашения на более чем 40 млн долл. США безвозмездной помощи и пообещал продолжить поддержку³³⁹.

Хотя Китай подвергается критике за свою осторожную позицию в гуманитарной сфере, экономические интересы стали важным стимулом для его более активного участия. Увеличение китайских инвестиций за рубежом сделало страну более уязвимой перед внешними угрозами. Так, потери китайских компаний в Ливии в 2011 г. составили около 1,5 млрд долл. США всего за неделю. Эти риски были отражены в Белой книге по обороне КНР 2013 г. как значимый фактор внешней политики³⁴⁰. Инициатива ОПОП также направлена на укрепление экономических связей и повышение устойчивости стран-партнеров, что, в свою очередь, делает Пекин более заинтересованным в стабилизации регионов и участии в решении гуманитарных кризисов, в том

³³⁸ The situation in Myanmar. Security Council Meeting S/PV.8333 // United Nations. 2018. URL: http://eproof.hurix.com/SAGE_HurixCMS/CMS.aspxpath%4IJehIa9SgdeMIAA7SgUukpJdWSHmlwATxstPojZ3dBtG0MB3g5jgLGW8gmgK/Li (accessed: 13.07.2025).

³³⁹ China to continue relief aid to alleviate Syrian people's suffering: Envoy // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136716070.htm (accessed: 13.07.2025).

³⁴⁰ 2013年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2013 г.] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (accessed: 13.07.2025).

числе через поддержку проектов международных организаций в зонах конфликтов.

В последние годы Китай демонстрирует стремление активнее участвовать в решении гуманитарных проблем, создавая специальные фонды для финансирования гуманитарных и развивающих инициатив. Так, в 2015–2017 гг. Пекин выделил 3 млрд долл. США Фонду содействия сотрудничеству Юг–Юг (SSCAF) и еще 1 млрд долл. США Целевому фонду ООН для мира и развития на 10 лет, часть средств из которых направляется на помощь беженцам. Из-за ограниченного опыта реализации проектов на местах Китай предпочитает работать через структуры ООН, особенно в рамках проектов, финансируемых SSCAF.

Тем не менее, несмотря на рост активности, вклад Китая в глобальное гуманитарное финансирование остается умеренным. В 2017 г., по данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, Китай пожертвовал более 128 млн долл. США — около 1% от общего мирового объема гуманитарной помощи, что стало крупнейшим годовым взносом в его истории³⁴¹. Однако эти данные охватывают лишь пожертвования в рамках системы ООН. Значительная часть китайской помощи поступает по двусторонним каналам, что усложняет ее отслеживание и вызывает критику за непрозрачность.

Китайская гуманитарная помощь в основном сосредоточена на чрезвычайных ситуациях природного характера — продовольственных кризисах, эпидемиях и стихийных бедствиях — и реже направляется на помощь в зонах вооруженных конфликтов. Это видно по распределению средств между учреждениями ООН: основными получателями выступают ВПП и ВОЗ, которые вместе получили около 90% китайских пожертвований в

³⁴¹ Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // Asian Journal of Comparative Politics. 2021. Vol. 6. № 3. P. 247.

период с 2000 по 2020 годы³⁴². В то же время УВКБ получило за почти два десятилетия всего восемь взносов из Китая.

Таким образом, гуманитарная помощь становится все более значимым инструментом внешнеполитической стратегии Китая, позволяя Пекину не только продемонстрировать свою готовность участвовать в решении глобальных проблем, но и формировать положительный международный имидж ответственной державы. Несмотря на традиционно осторожное отношение Китая к вопросам гуманитарного вмешательства и акцент на принципе невмешательства, за последние десятилетия наблюдается качественный сдвиг в его подходе — от ограниченного реагирования на природные катастрофы к более активному участию в сложных кризисных ситуациях, включая вооруженные конфликты и эпидемии.

Особенности китайской гуманитарной дипломатии обусловлены историческим и культурным контекстом, в котором государство воспринимается как основной актор помощи, а также стремлением сохранять политический нейтралитет и уважение к суверенитету стран-реципиентов. Китай использует гуманитарные инициативы как средство укрепления двусторонних связей, повышения доверия и продвижения собственных моделей развития, особенно в странах Глобального Юга. При этом заметно, что гуманитарная помощь КНР тесно связана с ее экономическими интересами и инициативой «Один пояс, один путь», что нередко вызывает критику со стороны стран Коллективного Запада.

Подводя итог главе, стоит отметить, что влияние геополитических факторов формирует уникальный подход КНР, основанный на принципах невмешательства, взаимовыгодного партнерства и уважения суверенитета, что позволяет Пекину расширять свое присутствие в странах Глобального Юга. Инициатива «Один пояс, один путь» служит фундаментом для интеграции

³⁴² Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // Asian Journal of Comparative Politics. 2021. Vol. 6. № 3. P. 248.

гуманитарного измерения с задачами устойчивого развития, предлагая комплексные решения в сфере инфраструктуры, здравоохранения, образования и социального развития. Международное сотрудничество в рамках ШОС и Форум по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC) демонстрируют успешные практики региональной гуманитарной кооперации и формирования положительного имиджа Китая как ответственного и активного глобального игрока.

При этом китайская гуманитарная помощь выступает не только как инструмент социальной поддержки, но и как эффективный механизм внешнеполитического влияния, позволяющий КНР формировать альтернативные международные нормы и расширять свои экономические, политические и культурные связи. Централизация управления, акцент на долгосрочные инфраструктурные проекты и усилия по институционализации программ свидетельствуют о намерении Китая закрепиться в мировой системе гуманитарной помощи на равных с традиционными западными донорами.

В целом, изученный материал подчеркивает важность гуманитарной составляющей в стратегии Китая по укреплению позиций на международной арене, одновременно выявляя вызовы, связанные с прозрачностью помощи, балансированием между гуманитарными и политическими интересами, а также необходимостью согласования китайской модели с глобальными стандартами. Такая интегрированная система гуманитарной помощи становится неотъемлемой частью амбициозного проекта Китая по формированию нового миропорядка и укреплению связей с широкой сетью партнеров по всему миру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследования с использованием источников и литературы на китайском, русском и английском языках были показаны этапы, направления и формы предоставления гуманитарной помощи Китаем в период с 1978 г. по 2025 год. В результате исследования были выявлены и проанализированы особенности и достижения Китая в деле укрепления международных связей в различные этапы и периоды, значение гуманитарной помощи как инструмента внешней политики в общем контексте межгосударственного сотрудничества, а также перспективы гуманитарной дипломатии КНР.

Проведенный анализ исторического развития гуманитарной помощи Китая позволяет выделить три взаимосвязанных этапа ее эволюции.

На первом этапе (1949–1978 гг.) были заложены организационные и идеологические основы внешней помощи КНР. Она строилась на принципах интернационализма, равенства и отсутствия политических условий, что выгодно отличало китайский подход от западных моделей. Несмотря на ограниченные ресурсы, Китай оказывал масштабную поддержку странам Азии, Африки и Латинской Америки, используя помощь как инструмент дипломатии и международного признания.

На втором этапе (1978–2000 гг.) в условиях политики реформ и открытости гуманитарная помощь Китая трансформировалась из преимущественно идеологического инструмента в прагматичный и структурированный механизм международного сотрудничества. Внешняя помощь стала сочетаться с рыночными механизмами, тендерами и контрактной системой, что повысило ее эффективность. Появились новые формы партнерства — от создания совместных предприятий до предоставления льготных кредитов, что позволило КНР интегрировать экономическую выгоду с политическими целями и сформировать более устойчивую модель сотрудничества.

В период 2002–2012 гг. гуманитарная помощь Китая приобрела институционально оформленный и динамичный характер, отражающий стремительное усиление экономической мощи страны и ее растущее участие в международных механизмах развития. Для этого этапа характерно углубление практической направленности помощи и укрепление механизмов оперативного реагирования: создаются специализированные структуры для чрезвычайных ситуаций, отладка межведомственной координации, расширяются медицинские миссии, образовательные программы и техническое содействие.

Период 2012–2025 гг. демонстрирует качественный переход в развитии гуманитарной помощи КНР, который обусловлен изменением статуса страны в международной системе, ее выходом на позиции одного из центров мировой экономики и участника глобального управления. С этого времени гуманитарная политика Китая проходит этап концептуальной модернизации и институционального усложнения: значительно расширяется набор инструментов помощи, создаются крупные финансовые механизмы (включая фонд содействия сотрудничеству Юг–Юг), усиливается многосторонний формат участия через ООН, а гуманитарная поддержка увязывается с новыми внешнеполитическими инициативами, прежде всего «Один пояс, один путь». Китай все активнее вовлекается в решения глобальных гуманитарных вызовов, в том числе в борьбу с эпидемиями, поддержание развития человеческого капитала и укрепление социальной инфраструктуры партнеров. Для данного периода характерна концептуальная гибкость и адаптивность модели внешней помощи, стремление объединить экономическую, социальную и технологическую поддержку в единую систему, а также ориентация на долгосрочные эффекты, устойчивость и институционализацию сотрудничества. Рост международного веса КНР и его углубляющаяся взаимосвязанность с мировыми процессами привели к тому, что гуманитарная помощь стала одним из значимых элементов участия Китая в формировании

нового глобального порядка, что подтверждают изменения, описанные в исследовании.

Китайская модель содействия международному развитию представляет собой многоуровневую и комплексную систему, основанную на сочетании различных финансовых инструментов (грантов, беспроцентных ссуд, льготных кредитов), организационных механизмов и институциональной базы. Она охватывает широкий спектр сфер – от строительства инфраструктурных и промышленных объектов до развития сельского хозяйства, образования, здравоохранения и борьбы с последствиями стихийных бедствий. При этом Китай делает акцент на долгосрочных проектах, ориентированных на повышение производственного потенциала стран-получателей, улучшение условий жизни населения и формирование основ для устойчивого экономического роста. Существенное внимание уделяется поддержке наименее развитых государств Африки, Азии и Латинской Америки, что подтверждается как распределением финансовых ресурсов, так и географией реализованных проектов. Важно и то, что КНР не ограничивается традиционными формами помощи, а активно внедряет новые подходы, включая инициативы в области борьбы с изменением климата и развитие сотрудничества в формате «Юг — Юг» через Фонд содействия сотрудничеству. Все это позволяет заключить, что современная внешнеполитическая стратегия Китая в сфере международной помощи не только укрепляет его позиции в мировой экономике и политике, но и вносит весомый вклад в достижение глобальных целей устойчивого развития.

Медицинская помощь является одним из ключевых и наиболее устойчивых направлений внешней деятельности Китая. Ее специфика заключается не столько в масштабах финансовых вложений, сколько в характере и практической направленности предоставляемой поддержки. Китай последовательно делает акцент на проектных формах взаимодействия — направлении медицинских бригад, строительстве больниц, подготовке специалистов и предоставлении оборудования, что позволяет добиваться

ощутимых и быстро проявляющихся результатов. Эти меры вносят существенный вклад в повышение доступности и качества медицинских услуг в странах-получателях, особенно в Африке, где хронически ощущается дефицит врачей и инфраструктуры.

Особое значение имеет практический опыт китайских специалистов, которые не только оказывают помощь пациентам, но и делятся знаниями с местным персоналом, тем самым формируя основу для устойчивого развития национальных систем здравоохранения. Масштабность и регулярность миссий подтверждают стратегический характер медицинской дипломатии Китая, укрепляющей его международный авторитет и формирующей позитивный имидж в глазах мирового сообщества.

Вместе с тем анализ показывает, что, несмотря на значительные достижения и положительное влияние, медицинская помощь остается лишь частью более широкой системы внешней поддержки КНР, где ее доля в финансовом выражении сравнительно невелика. Эффективность китайской модели проявляется прежде всего в сочетании практических результатов с дипломатическим эффектом: помощь в здравоохранении становится инструментом внешней политики, позволяя Китаю укреплять позиции в развивающихся странах и активно участвовать в решении глобальных вызовов, таких как борьба с инфекционными заболеваниями и пандемиями.

Гуманитарная помощь Китая в сфере образования эволюционировала от разрозненных инициатив середины XX века до масштабной, системно организованной политики глобального уровня. Китай выработал собственную модель, которая опирается на исторические, культурные и политические традиции, но при этом активно учитывает современные международные тенденции и задачи устойчивого развития. В отличие от западных доноров, Пекин делает акцент на взаимовыгодном сотрудничестве, практической пользе и подготовке кадров, которые способны не только удовлетворить текущие потребности, но и способствовать долгосрочному развитию стран-партнеров.

Ключевыми направлениями китайской образовательной помощи стали подготовка специалистов и государственных служащих, предоставление стипендий, строительство школ и университетов, а также развитие профессионально-технического образования. Эти меры позволяют укреплять человеческий капитал, создают условия для модернизации национальных систем образования и, в конечном счете, способствуют экономическому росту и социальной стабильности. При этом образовательная политика КНР все чаще интегрируется в более широкие международные инициативы, включая сотрудничество с организациями системы ООН и региональными структурами.

Несмотря на успехи, сохраняются определенные вызовы — дисбаланс между приоритетами высшего и базового образования, нехватка координации отдельных проектов и недостаточное внимание к долгосрочной программной части, такой как систематическая подготовка учителей. Тем не менее, даже с учетом этих ограничений, китайская модель образовательной помощи становится все более востребованной и привлекательной для развивающихся стран. Она выступает альтернативой западным подходам, предлагая меньше политических условий и больше возможностей для практического развития.

В конечном счете, помощь в сфере образования и культуры Китая не только способствует социально-экономическому прогрессу стран-получателей, но и укрепляет международные позиции самой КНР, позволяя ей выступать в роли не просто донора, а партнера и лидера глобального сотрудничества в сфере образования.

Геополитические факторы оказывают решающее влияние на характер и направления гуманитарной помощи Китая. В условиях стратегического соперничества с США Пекин использует гуманитарную поддержку как инструмент укрепления своего международного имиджа, продвижения принципов невмешательства и взаимной выгоды, а также расширения экономического и политического присутствия в странах Глобального Юга. Конкуренция с Вашингтоном стимулирует КНР к институционализации и

масштабированию программ внешней помощи, превращая их в часть долгосрочной стратегии глобального влияния. В целом, гуманитарная помощь Китая не только выполняет социально-экономические задачи, но и становится важным элементом геополитической борьбы за лидерство в международной системе.

Инициатива «Один пояс, один путь» выходит далеко за рамки инфраструктурных и экономических проектов, становясь ключевой платформой для гуманитарного взаимодействия. Через проекты в сфере здравоохранения, образования, борьбы с бедностью и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций Китай постепенно институционализирует гуманитарное измерение ОПОП, делая его неотъемлемой частью глобальной повестки устойчивого развития. Взаимосвязь ОПОП с Целями устойчивого развития ООН укрепляет международную легитимность инициативы и придает ей долгосрочную значимость как каналу предоставления помощи, обмена знаниями и формирования человеческого капитала. Именно это превращает ОПОП в фундамент современного гуманитарного сотрудничества, ориентированного на улучшение качества жизни и укрепление устойчивости стран-партнеров.

Международное гуманитарное сотрудничество Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества представляет собой многогранный и динамично развивающийся процесс, играющий ключевую роль в укреплении позиций КНР в Центральной Азии. Несмотря на то, что изначально регион не являлся приоритетным направлением китайской внешней политики, с обретением странами ЦА независимости и особенно после создания ШОС в 2001 году, Пекин значительно активизировал свои усилия в гуманитарной сфере.

Ключевыми инструментами этой политики стали образовательные инициативы, такие как Университет ШОС и предоставление многочисленных стипендий, а также масштабная культурная экспансия через Институты Конфуция. Эти проекты, наряду с сотрудничеством в области

здравоохранения, информации и чрезвычайных ситуаций, направлены не только на укрепление взаимопонимания и доверия между народами, но и на формирование устойчивого положительного имиджа Китая в регионе.

Однако гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС сталкивается с рядом вызовов, включая цивилизационные различия стран-участниц, внутренние противоречия между ними, а также сохраняющиеся настороженность и синофобские настроения в центральноазиатских обществах.

В конечном итоге, гуманитарное сотрудничество является для Китая стратегически важным компонентом его комплексного подхода к Центральной Азии. Оно позволяет Пекину не только продвигать свои ценности и стандарты, но и обеспечивать стабильность на своих западных границах, получать доступ к ресурсам и создавать благоприятные условия для реализации масштабных инфраструктурных проектов в рамках инициативы ОПОП. Несмотря на существующие барьеры, именно гуманитарная сфера остается одной из наиболее перспективных и бесконфликтных областей для дальнейшего углубления взаимодействия между КНР и странами ШОС.

Гуманитарная помощь, предоставляемая Китаем странам Африки в рамках форума ФОСАС, представляет собой неотъемлемую часть широкой стратегии внешнеполитического и экономического взаимодействия КНР с африканским континентом. Как показал анализ, гуманитарное измерение сотрудничества выходит далеко за рамки экстренной поддержки и становится важным инструментом содействия международному развитию, в том числе в таких сферах, как здравоохранение, продовольственная безопасность, образование, устойчивое сельское хозяйство и борьба с изменением климата.

Китай последовательно продвигает модель сотрудничества «Юг–Юг», основанную на принципах невмешательства, уважения суверенитета и равноправия. В отличие от западных доноров, КНР делает акцент на комплексной поддержке, сочетающей гуманитарную помощь с инвестициями в инфраструктуру, развитием человеческого капитала и промышленной

кооперацией. Это позволяет Китаю не только укреплять политические и экономические позиции в Африке, но и формировать образ ответственного глобального партнера.

Тем не менее, несмотря на позитивные эффекты китайской помощи, остаются вопросы о ее прозрачности, устойчивости и долгосрочном влиянии на системы национального развития стран-получателей. Гуманитарная помощь, в значительной степени осуществляемая на двусторонней основе и вне общепринятых международных механизмов отчетности, требует дальнейшего анализа с точки зрения соответствия принципам эффективности помощи и устойчивости результатов.

В целом, гуманитарная помощь становится все более значимым инструментом внешнеполитической стратегии Китая, позволяя Пекину не только продемонстрировать свою готовность участвовать в решении глобальных проблем, но и формировать положительный международный имидж ответственной державы. Несмотря на традиционно осторожное отношение Китая к вопросам гуманитарного вмешательства и акцент на принципе невмешательства, за последние десятилетия наблюдается качественный сдвиг в его подходе — от ограниченного реагирования на природные катастрофы к более активному участию в сложных кризисных ситуациях, включая вооруженные конфликты и эпидемии.

Особенности китайской гуманитарной дипломатии обусловлены историческим и культурным контекстом, в котором государство воспринимается как основной актор помощи, а также стремлением сохранять политический нейтралитет и уважение к суверенитету стран-реципиентов. Китай использует гуманитарные инициативы как средство укрепления двусторонних связей, повышения доверия и продвижения собственных моделей развития, особенно в странах Глобального Юга. При этом заметно, что гуманитарная помощь КНР тесно связана с ее экономическими интересами и инициативой «Один пояс, один путь», что нередко вызывает критику со стороны стран Коллективного Запада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ:

На русском языке:

Нормативно-правовые:

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 10.10.2023).

2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках. URL: <https://base.garant.ru/2562816/?ysclid=lf10lb11o303855549>. (дата обращения: 25.03.2023).

3. Соглашение между правительствами государств членов Шанхайской организации сотрудничества в области образования. 15 июня 2006. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17793> (дата обращения: 24.11.2024).

4. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 5. С. 6-10.

Делопроизводственные:

5. Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами: всемир. докл. ЮНЕСКО. - Париж: ЮНЕСКО, 2009. 38 с.

6. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Париж: ЮНЕСКО, 2005. 16 с.

7. О международном обмене культурными ценностями: рекомендации ЮНЕСКО от 26 ноября 1976 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. 1995. № 6.

Публицистические:

8. Астанинская декларация десятилетия ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 18-22.

9. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. 28.09.2015. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (дата обращения: 10.05.2024).

10. Доклад конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среде, Стокгольм, 5-16 июня 1972 года, Глава 1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 15.01.2025).

^{11.} Доклад посла КНР в России Чжана Дэгуана // Российская газета. 2003, 2 апр. С. 10.

12. Доклад Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя / Посольство КНР в РФ. 2013. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghaVt998823.htm> (дата обращения 13.01.2025).

13. Дэн Сяопин. Мир и развитие - две крупные проблемы современного мира // Основные вопросы современного го Китая. М.: Политиздат. 1988. С 125.

14. Дэн Сяопин. Насущные задачи партии на организационном и идеологическом фронтах // Основные вопросы современного Китая. - М.: Политиздат, 1988. С. 31-48.

15. Дэн Сяопин. Принципы мирного сосуществования обладают могучей жизненной силой // Основные вопросы современного Китая. - М.: Политиздат, 1988. С. 108.

16. Дэн Сяопин. Речь на Всекитайской конференции Коммунистической партии // Основные вопросы современного Китая. - М.: Политиздат, 1988. С. 160-173.

17. Протокол девятого заседания Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования. URL: <http://www.russia.edu.ru/events/kitai/3709> (дата обращения 05.01.2025).
18. Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 21.02.2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 24.03.2024).
19. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm (дата обращения: 15.01.2025).
20. Совместная Декларация КНР и РФ о международном порядке в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2005. №4. С. 12.
21. Совместная российско-китайская декларация 1994 г. // Сборник рос.-кит. договоров 1949 - 1999 гг. М.: Terra Спорт. 1999. С 271.
22. Совместная Российско-Китайская декларация. 25.04.1996. // Дипломатический вестник. № 5. 1996. С. 18-26.
23. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху / Президент РФ. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 30.01.2025).
24. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии / Президент России. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67712> (date of access: 10.12.2024).
25. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии / Президент России. 04.02.2022.

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67712> (date of access: 10.12.2024).

26. Уверенно идти вперед во имя прекрасного будущего мира после пандемии. Выступление Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина // МИД КНР. 17.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202201/t20220117_10601039.html (дата обращения: 21.01.2025).

27. Ян Цзечи об итогах участия премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао во встречах ООН // Посольство КНР в РФ. 26.09.2008. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/200809/t20080929_857835.html (дата обращения: 31.12.2024).

На китайском языке:

Нормативно-правовые:

28. 《中华人民共和国教育法》（1995年3月18日第八届全国人民代表大会第三次会议通过，1995年9月1日起施行）["Закон Китайской Народной Республики об образовании" (принят на Третьей сессии Восьмого Всекитайского собрания народных представителей 18 марта 1995 года и введен в действие 1 сентября 1995 года)]. URL: http://www.qinquanfa.com/t_content.asp?Id=639 (дата обращения: 23.11.2024).

29. 文化部关于学习和贯彻《营业性演出管理条例》的通知 [Уведомление Министерства культуры об изучении и внедрении "Положения об организации коммерческих представлений"]. URL: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49625.htm (дата обращения: 15.01.2025).

30. 文化部关于加强文化市场统计工作的通知 [Уведомление Министерства культуры об усилении статистической работы на культурном рынке]. URL: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49707.htm (дата обращения: 15.01.2025).

31. 文化部关于进一步加强营业性演出管理和演员艺德教育的通知 [Уведомление Министерства культуры о дальнейшем совершенствовании управления коммерческими представлениями и художественном и нравственном воспитании актеров]. URL: http://www.chinaculture.org/gb/cn_law/2004-06/28/content_49626.htm (дата обращения: 15.01.2025).

32. 中国的和平发展道路白皮书 [Белая книга "Путь Китая к мирному развитию"] // 中国政府网 [Китайская правительственная сеть]. 2005. URL: https://www.gov.cn/xwfb/2005-12/22/content_133974.htm (дата обращения: 23.12.2024).

33. China 2-nd White Paper on Foreign Aid. 2014. URL: <http://ssc.undp.org/content/dam/ssc/dgspaces/China/files/China%202nd%20White%20Paper%20on%20Foreign%20Aid%202014.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

34. 中国的海洋生态环境保护白皮书 // 新华社 ["Белая книга" по охране окружающей среды морской экологии Китая // Информационное агентство Синьхуа]. 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1804246151344994334&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 31.03.2025).

35. 中华人民共和国宪法 [Конституция КНР]. 14.06.2005. / 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 10.01.2025).

Делопроизводственные:

36. "国家“十一五”时期文化发展规划纲要 // 人民日报 ["Основные положения Национального плана культурного развития на период одиннадцатой пятилетки" // Жэньминь Жибао]. 13.09.2006. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2006-09/13/content_388046_6.htm (дата обращения: 31.12.2024).

37. 1983年国务院政府工作报告 [Отчет Государственного совета о работе правительства за 1983 год] // 中央政府门户网站 [Портал Центрального правительства]. 16.02.2006. URL: https://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_200823.htm (дата обращения: 31.01.2025).

38. 2007年国务院政府工作报告 [Отчет Государственного совета о работе Правительства за 2007 год]. 2007. URL: http://www.gov.cn/test/2009-03/16/content_1260188.htm (дата обращения 06.01.2025).

39. 中共中央 国务院印发《生态文明体制改革总体方案》 // 中国政府网 [Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали "Общий план реформирования системы экологической цивилизации" // Китайская правительственная сеть]. 2015. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2015/content_2941157.htm (дата обращения: 31.01.2025).

40. 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十一个五年规划的建议 [Рекомендации Центрального комитета Коммунистической партии Китая по разработке Одиннадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития] // 中国共产党新闻 [Новости Коммунистической партии Китая]. 08.11.2002. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65414/4429220.html> (дата обращения: 15.01.2025).

41. 中共中央关于加强党的执政能力建设的决定 // 人民日报 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая об укреплении способности партии управлять страной//People's Daily]. 19.09.2004. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182138/10326365.html> (дата обращения: 15.01.2025).

42. 中共中央关于加强社会主义精神文明建设若干重要问题的决议 [Постановления Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важных вопросов укрепления строительства духа социалистической

духовной цивилизации]. 北京: 人民出版社 [Пекин: Народное издательство]. 1996. 56 с.

43. 中共中央关于完善社会主义市场经济体制若干问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду вопросов, связанных с совершенствованием системы социалистической рыночной экономики] // 中国共产党新闻 [Новости Коммунистической партии Китая]. 08.11.2003. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65411/4429165.html> (дата обращения: 15.01.2025).

44. 中共中央关于完善社会主义市场经济体制若干问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду вопросов, связанных с совершенствованием системы социалистической рыночной экономики] / 中国共产党第十六届中央委员会第三次全体会议 [Третье пленарное заседание 16-го созыва Центрального комитета Коммунистической партии Китая]. 14.10.2003. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2003/content_62494.htm (дата обращения: 28.12.2024).

45. 中共中央关于构建社会主义和谐社会若干重大问题的决定 // 人民日报 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важнейших вопросов, связанных со строительством гармоничного социалистического общества// Жэньминь Жибао]. 11.10.2006. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_453176.htm (дата обращения: 01.01.2025).

46. 中共中央关于深化文化体制改革推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важных вопросов, связанных с углублением реформы культурной системы и содействием значительному развитию и процветанию социалистической культуры] // 中央政府门户网站 [Центральный

Правительственный портал]. 25.10.2011. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2011-10/25/content_1978202.htm (дата обращения 07.12.2024).

47. 中共中央关于深化文化体制改革推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важных вопросов, связанных с углублением реформы культурной системы и содействием значительному развитию и процветанию социалистической культуры] // 中央政府门户网站 [Центральный Правительственный портал]. 18.10.2011. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2011-10/25/content_1978202.htm (дата обращения: 12.01.2025).

48. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要 [11-й пятилетний план социально-экономического развития КНР] // Сайт Всекитайского съезда народных представителей КНР. 2006. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/jdgz/bgjy/2006-03/18/content_347869.htm (дата обращения: 31.01.2025).

49. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [14-й пятилетний план национального социально-экономического развития КНР и наброски долгосрочных целей на 2035 г.] // Сайт Центрального народного правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 31.03.2025).

50. 中国共产党章程 [Устав Коммунистической партии Китая]. 22.10.2022. URL: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/> (дата обращения 20.12.2024).

51. 中国共产党第十七次全国代表大会文件汇编。《学条规、守纪律、树形象》廉政主题教育活动学习材料。福州市西峰小学党支部编印，2008年2月。页码51页。[Сборник материалов XVII съезда КПК. «Правила Партийной школы, дисциплина, формирование имиджа» // Партийные

материалы. Фучжоу: Изд-во Партийной школы филиала г. Фучжоу, район Сифэн, февраль, 2008. 51 с.].

52. 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报

[Коммюнике Четвертого пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Китая 16-го созыва] // 中共陕西省纪律检查委员会 [Комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая провинции Шэньси]. 20.09.2004. URL: <https://www.qinfeng.gov.cn/info/1022/14768.htm> (дата обращения: 29.12.2024).

53. 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报(2004 年 9

月 19 日中国共产党第十六届中央委员会 第四次全 体会议通过)//人民日报。2004 年 09 月 20 日 第一版)。 (Бюллетень 4-го пленарного заседания ЦК КПК 16-го созыва от 19 сентября 2004 г. 4-е пленарное заседание // Жэньминь Жибао. Вып. 1. 20.09.2004). URL: <http://src.people.com.cn/GB/64162/66174/4527266.html> (дата обращения: 12.01.2025).

54. 中国现代化报告2001. 北京:京大学出版社 [Отчет о модернизации

Китая за 2001 год. Пекин: Издательство Пекинского университета]. 2001. 10 p.

55. 国家卫生计生委关于推进“一带一路”卫生交流合作三年实施方案

2015-2017 [Трехлетний план Национальной комиссии по здравоохранению и планированию семьи по содействию обменам и сотрудничеству в области здравоохранения в рамках “Пояса и пути” на 2015-2017 годы] / 国家卫生计生委办公厅 [Главное управление Национальной комиссией здравоохранения и планирования семьи]. 2015. URL: <http://www.nhc.gov.cn/zwgk/zxgzjh/201510/ce634f7fed834992849e9611099bd7c5.shtml> (дата обращения: 11.01.2025).

56. 国民经济和社会发展第十三个五年（2016—2020年）// 中国政府

网 [13-й пятилетний план социально-экономического развития страны (2016—2020 гг.)] // Сайт Центрального народного правительства КНР. URL

https://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (дата обращения: 31.03.2025).

57. 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 [12-й пятилетний план социально-экономического развития страны] // Сайт Центрального народного правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_7.htm (дата обращения: 31.01.2025).

58. 孔子学院章程 [Устав Института Конфуция]. 2013. URL: https://wenku.baidu.com/view/2c9024237375a417866f8fb0.html?fr=aladdin664466&ind=1&aigcsid=0&qtype=0&lcid=1&queryKey=%E5%AD%94%E5%AD%90%E5%AD%A6%E9%99%A2%E7%AB%A0%E7%A8%8B&verifyType=0&_wkt_s_=1738048710756&bdQuery=%E5%AD%94%E5%AD%90%E5%AD%A6%E9%99%A2%E7%AB%A0%E7%A8%8B&needWelcomeRecommand=1&unResetStore=1 (дата обращения: 11.01.2025).

59. 教科文组织世界文化多样性宣信. 巴黎:教科文组织 [Письмо о декларации Всемирного культурного разнообразия ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО]. 2001. 7с.

Публицистические:

60. “胡锦涛,高举中国特色社会主义伟大旗帜,...(在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告) [Ху Цзиньтао. Высоко держите великое знамя социализма с китайской спецификой,...(Доклад на 17-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая)] // 中央政府门户网站 [Центральный Правительственный портал]. 15.10.2007. URL: <http://src.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/106156/6430009.html> (дата обращения 28.12.2024).

61. 《在文艺工作座谈会上的讲话》(2014年10月15日),《十八大以来重要文献选编》// 中央文献出版社 [Выступление на симпозиуме по литературным и художественным произведениям от 15 октября 2014.

Избранные документы после 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая. Центральное литературное издательство]. 2016. С. 10.

62. 中国共产党第十七次全国代表大会在北京人民大会堂隆重开幕。胡锦涛代表第十六届中央委员会作报告//新化社。2007年10月15日。
(Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVI сессии ЦК КПК. Торжественное открытие XVII съезда ВСНП ЦК КПК в Пекине // Агентство Синьхуа. 15.10.2007). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/70486/70501/6431402.html> (дата обращения: 12.01.2025).

63. 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 10.05.2024).

64. 习近平: 迈向命运共同体 开创亚洲新未来 // 新华网 [Си Цзиньпин: На пути к общности судеб и созданию нового будущего в Азии// Синьхуа]. 28.03.2015. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0328/c64094-26764811.html> (дата обращения: 21.01.2025).

65. 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин: Высоко держа великое знамя социализма с китайской спецификой, стремясь к единству и борьбе за всестороннее построение современной социалистической страны - Доклад на Двадцатом национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华网. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (дата обращения: 10.01.2025).

66. 习近平在中非领导人对话会上的主旨讲话（全文）// 新华网 [Основная речь Си Цзиньпина на диалоге лидеров Китая и Африки (полный текст)// Синьхуа]. 25.08.2023. URL: http://www.news.cn/world/2023-08/25/c_1129823246.htm (дата обращения: 10.01.2025).

67. 习近平在第七十五届联合国大会一般性辩论上的讲话 // 新华社 [Выступление Си Цзиньпина на общих прениях 75-й Генеральной Ассамблеи ООН // Информационное агентство Синьхуа]. 22.09.2020. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-09/22/content_5546169.htm (дата обращения: 21.01.2025).

68. 全面建设小康社会，开创中国特色社会主义事业新局面。在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告 [Постройте всесторонне благополучное общество и создайте новую ситуацию во имя социализма с китайской спецификой. Доклад на 16-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 中国共产党新闻 [Новости Коммунистической партии Китая]. 08.11.2002. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html> (дата обращения: 15.01.2025).

69. 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [Видение и действия по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути 21 века] / 中国政府网 [Китайская правительственная сеть]. 29.03.2015. URL: http://fujian.gov.cn/zwgk/ztl/sczl/zcwj/201601/t20160117_1119685.htm (дата обращения: 11.01.2025).

70. 文化强国，习近平总书记强调坚定文化自信 // 新华网 [Являясь культурным лидером, Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул важность укрепления культурной уверенности в себе // Синьхуа]. 20.06.2023. URL: http://www.news.cn/politics/xxjxs/2023-06/20/c_1129707594.htm (дата обращения: 10.01.2025).

71. 文化部外联局副局长谈提升我国“软实力”与对外文化交流 [Заместитель директора информационного бюро Министерства культуры рассказывает об усилении "мягкой силы" нашей страны и культурных обменах с зарубежными странами] // Xinhua.30.05.2007. URL:

<https://www.chinaqw.com/news/200705/30/74361.shtml> (дата обращения: 11.01.2025).

72. 杜占元. 构建更有效力的国际传播体系 向世界讲好中国式现代化的故事 // 人民政协网 [Ду Чжаньюань. Построить более эффективную международную коммуникационную систему, чтобы рассказать миру историю модернизации по-китайски // Народный политический консультативный совет Китая]. 12.08.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1807178261533073837&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.01.2025).

73. 杨洁篪外长就中国外交政策和对外关系答中外记者问 / 中华人民共和国外交部 [Министр иностранных дел Ян Цзечи отвечает на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и внешних сношениях Китая / Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 2010. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbx_673089/sp/201003/t20100308_7481725.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

74. 毛泽东. 毛泽东文选. 北京: 中央文献出版社 [Мао Цзэдун. Избранные произведения Мао Цзэдуна. Пекин: Центральное литературное издательство]. 1972. 231 с.

75. 江泽民,在庆祝中国共产党成立八十周年大会上的讲话 [Цзян Цзэминь, выступление на конференции, посвященной 80-летию основания Коммунистической партии Китая]. 2001. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/2001/Jul/42177.htm> (дата обращения: 15.01.2025).

76. 江泽民,高举邓小平理论伟大旗帜,把建设有中国特色社会主义事业全面推向二十一世纪. 在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告 [Цзян Цзэминь высоко держал великое знамя теории Дэн Сяопина и всесторонне продвигал дело построения социализма с китайской спецификой в XXI веке. Доклад на 15-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая]. URL:

<http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526285.html> (дата обращения: 15.01.2025).

77. 王毅在减贫与南南合作高级别视频会议上的讲话 // 外交部网站 [Выступление Ван И на видеоконференции высокого уровня по сокращению бедности и сотрудничеству Юг-Юг// Веб-сайт Министерства иностранных дел]. 26.09.2020. URL: <https://www.chinanews.com/gn/2020/09-26/9300986.shtml> (дата обращения: 25.01.2025).

78. 胡锦涛. 在美国耶鲁大学的演讲 // 人民日报 [Ху Цзиньтао, выступление в Йельском университете// People's Daily] 23.04.2006. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2006-04/22/content_260592.htm (дата обращения: 31.12.2024).

79. 胡锦涛. 高举中国特色社会主义伟大旗帜,以邓小平理论、“三个代表”重要思想、科学发展观为指导,解放思想,改革开放,凝聚力量,攻坚克难,坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进,为全面建成小康社会而奋斗(在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告) [Ху Цзиньтао. Высоко держите великое знамя социализма с китайской спецификой, руководствуясь теорией Дэн Сяопина, важной мыслью о “Трех представителях” и научным взглядом на развитие, раскрепощайте мышление, проводите реформы и открытость, набирайтесь сил, преодолевайте трудности и неуклонно следуйте по пути социализма с китайской спецификой и стремитесь к успеху. всесторонне строить благополучное общество (доклад на 18-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая)] // 中央政府门户网站 [Центральный Правительственный портал]. 09.11.2012. URL: <http://cpc.people.com.cn/18/n/2012/1109/c350821-19529915.html> (дата обращения 03.01.2025).

80. 胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话 [Выступление Ху Цзиньтао на саммите, посвященном 60-летию Организации Объединенных Наций] // 中央政府门户网站 [Центральный Правительственный портал].

16.09.2005. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (дата обращения: 31.12.2024).

81. 赵紫阳. 沿着有中国特色的社会主义道路前进 [Чжао Цзыян. Следуйте по пути социализма с китайской спецификой] // 中国共产党新闻 [Новости Коммунистической партии Китая]. 25.10.1987. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65447/4526368.html> (дата обращения: 15.01.2025).

82. 邓小平. 善于利用时机解决发展问题 / 邓小平文选. 北京:人民出版社 [Дэн Сяопин. Умение использовать возможности для решения проблем развития / Избранные эссе Дэн Сяопина. Пекин: Народное издательство]. 2007. Т. 3. С. 36-39.

Статистические:

83. 2023年全国来华留学生数据统计 // 中国高等教育学会外国留学生教育管理分会 [Статистика национальных иностранных студентов, приезжающих в Китай в 2023 году // Отдел управления образованием Китайского общества высшего образования для иностранных студентов]. 2024. URL: <http://www.cafsa.org.cn/> (дата обращения: 11.01.2025).

84. 2018年中央本级支出预算表 [Государственный бюджет КНР за 2018 год]. URL: http://yss.mof.gov.cn/2018zyys/201804/t20180403_2859400.html (дата обращения: 03.02.2025).

85. 中国旅游研究院、携程发布《2017出境旅游大数据报告》 [Академия туризма Китая опубликовала Большой статистический отчет по туризму за 2017 г.]. 01.03.2018. URL: <http://www.ctaweb.org/html/2018-2/2018-2-26-11-57-78366.html> (дата обращения: 03.01.2025).

На китайском языке:

Нормативно-правовые:

86. United Nations. Treaty Series. India and People's Republic of China: Agreement (With Exchange of Notes) On Trade and Intercourse Between Tibet Region of China and India. P. 70. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

87. Final Communiqué of the Asian-African conference of Bandung. 24 April 1955 // CVCE. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/final_communique_of_the_asian_african_conference_of_bandung_24_april_1955-en-676237bd-72f7-471f-949a-88b6ae513585.html (дата обращения: 11.01.2025).

Делопроизводственные:

88. CIDCA. Official website. URL: <http://cidca.gov.cn/> (дата обращения: 01.02.2025).

89. Cultural policy: a preliminary study. Paris: UNESCO, 1969. P.5.

90. Our work in China / ICRC. URL: <https://www.icrc.org/en/where-we-work/china> (дата обращения: 01.02.2025).

91. Renewables 2022. Analysis and forecast to 2027 // International Energy Agency. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/ada7af90-e280-46c4-a577-df2e4fb44254/Renewables2022.pdf> (дата обращения: 31.03.2025).

92. South-South Cooperation Assistance Fund Projects Highlights / MOFCOM, CIDCA, CICETE, 2019. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/cicete/202104/20210408101158774.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

93. South-South Cooperation: Our Partners / FAO. URL: <https://www.fao.org/partnerships/south-south-cooperation/our-partners/en/> (дата обращения: 01.02.2025).

94. Towards a Health Silk Road / WHO. 2017, August 18. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/towards-a-health-silk-road> (дата обращения: 11.01.2025).

Публицистические:

95. Chinese Approach to the Eradication of Poverty: Taking Targeted Measures to Lift People out of Poverty // A Speech at the Expert Panel on the Implementation of the Third UN Decade for the Eradication of Poverty (2018-2027). Addis Ababa, April 18, 2018. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2018/05/15.pdf> (дата обращения: 27.01.2025).

96. Full Text: China's International Development Cooperation in the New Era / China's State Council Information Office. 2021, January 10. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения: 11.01.2025).

97. President Xi Jinping Talked with Italian Prime Minister Giuseppe Conte over the Phone / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2020, March 16. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/xos_664404/xwlb_664406/202406/t20240606_11404030.html (дата обращения: 11.01.2025).

98. Towards Win-win Partnership for Sustainable Development: Remarks by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the United Nations Sustainable Development Summit / UN. 2015, September 26. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2015zt/xjpdmgjxgswbcxlhgcl70znxlfh/202406/t20240606_11381562.html (дата обращения: 11.01.2025).

99. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity / UNESCO. 2002. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000127162> (дата обращения: 31.12.2024).

Статистические:

100. Tracking Chinese Development Finance — BETA. URL: <http://china.aiddata.org/> (дата обращения: 10.05.2024).

101. China, Government of 2024 / Financial Tracking Service. URL: <https://fts.unocha.org/donors/2976/flows/2024> (дата обращения: 11.01.2025).

ЛИТЕРАТУРА

на русском языке:

102. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы международной конференции. Чита, 18–20 октября 2006 г. Чита, 2006. С. 75–79.

103. Баженова Е.С. Бедность в России и Китае в условиях рыночной экономики (итоги развития последних 40 лет) // 40 лет экономических реформ в КНР. М.: Издательство Института Дальнего Востока РАН, 2020. С. 48-59.

104. Бакищев Д. Диалог во имя безопасности и процветания в Азии и мире // Международная жизнь. 2010. №3. С.100-112.

105. Бахриев Б.Х. Культурный аспект в стратегиях развития государств Центральной Азии: возможности для внешней политики // Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации национальных проектов-2030. М.: Краснодарский государственный институт культуры. 2021. С. 18-23.

106. Бахриев Б.Х., Боришполец К.П. "Мягкая сила" негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов // Вестник Томского государственного университета. 2022. №. 481. С. 66-76.

107. Богуславский А. Китай - Африка: опыт взаимного сотрудничества // Международная жизнь. 2012. №4. С. 51-65.

108. Бодрова О.И. Опыт Китая в построении культуры «Гармоничного мира» // Вестник ВСГУТУ. 2013. №3 (42). С. 139-144.

109. Бони Л.Д. Китай: модель адресной борьбы с бедностью // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016-2020). М.: Издательство Института Дальнего Востока РАН, 2020. С. 57-79.

110. Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. URL:

<http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 12.01.2025).

111. Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. 2016. 234 с.

112. Бояркина А.В. Борьба с бедностью в Китае в контексте идеи «Сообщества единой судьбы человечества» с 2013-2020 годы // Мировая политика. 2021. № 3. С. 63-82.

113. Ван Мэн. Волна глобализации и строительство культурной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 2. С. 161-179.

114. Ван Цзыцянь. Культурное сотрудничество выйдет на новый уровень // Китай. 2011. №6. С. 19-27.

115. Ван Ци. Многосторонняя дипломатия станет нормой // Китай. 2010. №6. С. 10-25.

116. Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023» // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 1—23.

117. Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 3. С. 23-32.

118. Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века. // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 131-145; Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы дальнего Востока. 2018. № 1. С.68-80.

119. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008.

120. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. - М.: НОФМО, 2008. 368 с.

121. Виноградов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации / А.В.Виноградов, А.В.Рябов // Полис. 2019. №3 С. 69-86.
122. Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С. 228-246.
123. Гамза Л., Заклязьминская Е. Пандемия COVID-19 как фактор внешней и внутренней политики Китая // Пути к миру и безопасности. 2020. №. 2 (59). С. 63-80.
124. Грачиков Е., Сяюй Чжоу Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70-83.
125. Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // Международные отношения. 2015. №. 3. С. 290-306.
126. Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993-2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №. 3. С. 83-93.
127. Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993-2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 3. С. 83-93.
128. Долинский А. «Мягкая сила» России 2.0 // Квартальный доклад Russia Direct. 2013. №1. С. 40-55.
129. Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. С. 804-827.
130. Заклязьминская Е.О. Политика Китая в области охраны окружающей среды. М.: Российский совет по международным делам. 2024. 30 с.

131. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. М. 2022. 15(6). С. 36–54.
132. Зонова Т. Публичная дипломатия и ее акторы // РСМД. 2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publicchnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/?ysclid=lbz8ср6qe7495817220> (дата обращения: 24.03.2024).
133. Иностранная помощь / Л.М. Капица, А.А. Абалкина, А.В. Абрамова, А. Габарта, Д.А. Дегтерев, Е.А. Дегтерева и др. / под ред Л.М. Капицы. М.: МГИМО Университет, 2013. 610 с.
134. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. №22. С. 203-221.
135. Крушинский А.А. К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 123–133. Крушинский А. А. Логика Древнего Китая. М.: ИДВ РАН, 2013. 304 с.; Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 166–177.
136. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай - Россия 2050: стратегия соразвития. - М.: Инст. эконом, стратегий, 2006. С. 411.
137. Лебедева М.М. Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО (У), 2012. 505 с.
138. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. 2009. № 4. С. 72 – 83.
139. Лебедева М.М. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение/ [М.М. Лебедева и др.] – М.: Аспект Пресс, 2016. 224 с.
140. Лебедева О.В. Концептуальные основы культурной политики России на современном этапе: основные цели и задачи //Международная жизнь. 2020. №. 9. С. 34-43.

141. Лексютина Я.В. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии / Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 12-18; Лексютина Я.В. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2015. №. 2. С. 24-37.
142. Линь Яньмэй. О теории социалистич. гармоничного общества // Вопросы философии. 2007. №5. С. 27-42.
143. Лю Цзайи. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. №4. С. 151.
144. Лян Шумин. В чем специфика китайской культуры? // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 132-148.
145. Малевич Ю.И. Культурные связи КНР со странами Латинской Америки // Труды факультета междунар. отношений БГУ 2012: научн. сб. - Изд.-во БГУ, 2012. -Вып. III. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/30320> (дата обращения: 28.12.2024).
146. Мамонов М. Инерция и новация во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). С. 40-56.
147. Михневич С.В. Эволюция архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии: роль КНР и США // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 2014. С. 10-20.
148. Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. М.: Белый город, 2019, 390 с.; Мосяков Д.В., Шпаковская М.А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 3. С.
149. Нагорная О.С. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945-1989. М.: РОССПЭН. 446 с.
150. Най Дж. Новая публичная дипломатия // Project Syndicate. 2010. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy-2010-02/russian> (дата обращения: 10.01.2025).
151. Национальные стратегии содействия международному развитию: учеб. те мат. пособие / А.Б. Векшина, И.А. Гречухина, О.В. Есаулова, Ю.К.

Зайцев, М.В. Ларионова, В.А.Нагорнов, О.В.Перфильева, М.Р.Рахмангулов, А.П. Шадрикова, Е.А. Швец; отв. ред. М.В. Ларионова; Нац. исслед. унт «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.:Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 306 с.

152. Никитина Ю.А. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: теория и практика (под общ. ред. М.М. Лебедевой). М., 2017. С. 112-127.

153. Николаева Ю.В., Боголюбова Н.М. Межкультурная коммуникация в 2 ч. СПб: СПбГУ. 2020. 276 с.

154. Островский А.В. Экономика Китая до пандемии коронавируса: сможет ли Китай построить «общество сяокан» к 100-летию юбилею КПК-2021 г. // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016-2020). М.: Издательство Института Дальнего Востока РАН, 2020. С. 9-28.

155. Отчет НПКСК]. 08.04.2024. URL: <http://www.cprcc.gov.cn/zxww/2024/04/08/ART11712545091980500.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).

156. Переломов Л.С. Конфуций: Конфуцианство и современный стратегический курс КИР. М.: Из.-во ЛКИ, 2007. С. 54.; Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая: Пекин творчески развивает американскую концепцию «Мягкой силы» // Pro et Contra. Ноябрь-декабрь 2007. №3. С. 43.

157. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.

158. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2017. 272 с.

159. Самарцев В.В. Национальная мощь по-китайски // Проблемы Дальнего Востока. - 2012. - № 4. С. 106.

160. Сампайю Ж. «Мягкая сила» - веление современности: Москва // Международная жизнь. 2010. № 9. С. 10-19.

161. Селезнева Н. Актуальное состояние российско-китайского гуманитарного сотрудничества // РСМД. 20.01.2022. URL:

<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/culture/aktualnoe-sostoyanie-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva/?ysclid=lf1637gj59470555216>. – (Дата обращения: 25.03.2023).

162. Синь Ван. Международное сотрудничество Китая в области экологии на современном этапе // Россия и современный мир. 2022. №. 2 (115). С. 216-227.

163. Смирнова В.А. Китай в глобальной архитектуре гуманитарной помощи // Азия и Африка сегодня. 2022. Выпуск №3. С. 43-49.

164. Степанова Г. А. О тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников в последние годы // Защита прав и интересов соотечественников, проживающих за рубежом: анализ. вест. Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 20 (272). С. 2-14.

165. Сухадольская Л.Л. «Китайская мечта» и новая дипломатия Китая //Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. №. 1. С. 363-370.

166. Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики: «мягкий» захват «твердой» силы (операциональный аспект) // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 209.

167. Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики: «мягкий» захват «твердой» силы (операциональный аспект) // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 208-217.

168. Сухарев А.И., Кореньков А.В. Гуманитарное измерение внешнеполитической деятельности: внешняя культурная политика - цели, ресурсы, перспективы // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 340-356.

169. Табаринцева-Романова К.М. Эволюция концепта «культурная политика» как элемента гуманитарной дипломатии международных организаций после 1945 г // Международные отношения в XX-XXI вв.: IV Чемпаловские чтения. 2020. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 228-234.

170. Тимофеев О.А. «Мягкие» методы международного влияния и трансформация внешнеполитической парадигмы в КНР // Вестник ТОГУ. 2009. №4. С. 193.

171. Трофимов Е. Туризм как бизнес и народная дипломатия // *Международная жизнь*. 2010. № 2. С.93-99.

172. Фан Кэли. Общее предисловие к серии «Основных работ современных новых конфуцианцев», которая издавалась в 1990-е годы в Пекине издательством Китайского радиовещания и телевидения. Все тома серии. Цит. по: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай - Россия 2050: стратегия соразвития. - М.: Институт экономия, стратегий, 2006. 400 с..

173. Фокин В.И. Культурная дипломатия СССР 20-30-х годов XX в. в современной информационной войне // *Межкультурный диалог в современном мире*. СПб: Скифия-принт. 2022. С. 47-55.

174. Цыганков П.А., Грачиков Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // *Политическая наука*. 2015. № 4. С. 22–39.

175. Юй Кэпин, Фрэнсис Фукуяма. Глобализация, современный мир, китайская модель развития//*Проблемы Дальнего Востока*.2013.№ 1.С. 105-114.
на китайском языке:

176. 中国与20个国家或组织建立《战略伙伴关系》// 南方都市报 [Китай установил "стратегические партнерские отношения" с 20 странами и организациями// Southern Metropolis Daily]. 05.09.2013. URL: <https://news.sina.com.cn/c/2013-09-05/030028134824.shtml> (дата обращения: 15.01.2025).

177. 中国与20个国家或组织建立《战略伙伴关系》// 南方都市报 [Китай установил "стратегические партнерские отношения" с 20 странами и организациями// Southern Metropolis Daily]. 05.09.2013. URL: <https://news.sina.com.cn/c/2013-09-05/030028134824.shtml> (дата обращения: 15.01.2025).

178. 中国对外关系转型30年(1978-2008). 北京:社会科学文献出版社 [30 лет трансформации международных отношений Китая (1978-2008). Пекин: Издательство литературы по общественным наукам]. 2008. С. 35.

179. 中日关系现状及发展 [Состояние и развитие китайско-японских отношений] // Кит. информац канал. URL: <http://www.cctv.com/news/special/zt1/zhu/229.html> (дата обращения: 15.01.2025).
180. 俞新天. 软力量建设与中国对外战略 // 国际问题研究 [Юй Синьтянь. Формирование мягкой силы и внешняя стратегия Китая // Исследования по международным проблемам]. 2008. № 2. С. 34-41.
181. 叶青. 浅析中国特色人文外交//国际展望 [Е Цин. Краткий анализ гуманистической дипломатии с китайской спецификой //Международное обозрение]. 2010. №1. С. 37-45.
182. 吴玉军, 韩震. 坚定文化自信 提高国家文化软实力 // 光明日报 [У Юйцзюнь, Хань Чжэнь. Укрепление культурной самостоятельности и государственной культурной мягкой силы // Газета Гуанмин Дэйли. 2019. 18 с.
183. 吴玉军, 韩震. 坚定文化自信提高国家文化软实力 // 光明日报 [У Юйцзюнь, Хань Чжэнь. Укрепление культурной самостоятельности и государственной культурной мягкой силы // Газета Гуанмин Дэйли]. 2019. 5 с.
184. 周言艳.中俄在旅游领域的人文交流问题探究 // 西伯利亚研究 [Чжоу Яньян. Изучение культурных обменов между Китаем и Россией в сфере туризма // Сибирские исследования]. 2020. Vol. 47. Iss. 05. P. 94-101.
185. 周言艳.中俄教育交流与合作问题研究. 北京外国语大学 [Чжоу Яньян. Исследование образовательных обменов и сотрудничества между Китаем и Россией.. Пекинский университет иностранных языков]. 2021. С. 54.
186. 姜磊,王海军. 中国与西方国家对外援助比较分析—基于附加政治条件的研究 // 理论与改革 [Цзян Лэй, Ван Хайцзюнь. Сравнительный анализ иностранной помощи между Китаем и западными странами — исследование, основанное на дополнительных политических условиях // Теория и реформы]. 2010. № 6. С. 4-10.

187. 姜锐.二十一世纪中俄文化交流研究 // 哈尔滨师范大学 [Цзян Жуй. Исследование китайско-российских культурных обменов в 21 веке // Харбинский педагогический университет]. 2021. 194 с.
188. 孙学峰, 丁鲁. 中国伙伴关系战略及其升级动因[Сунь Сюэфэн, Дин Лу. Стратегия партнерства Китая и предпосылки для ее развития] // 改革开放以来的中国与世界. 2018. № 1. Р. 270-295; 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/> (accessed: 21.10.2024).
189. 席琰妍, 岳大为. 新媒体时代中俄电影的交流交互及动态关系研究 // 作家天地 [Си Яньян, Юэ Давэй. Исследование взаимодействия и динамических взаимоотношений между китайскими и российскими фильмами в эпоху новых медиа // Writers World]. 2020. Vol. 01. Р. 27-49.
190. 廖宏斌. 公共外交: 国际经验与启示 // 当代世界与社会主义 [Ляо Хунбинь. Публичная дипломатия: международный опыт и вдохновение // Современный мир и социализм]. 2009. Vol. 1. Р. 54.
191. 张云天. 中国与“一带一路”沿线关键国家双边体育交流研究 [Чжан Юньтянь. Исследование двусторонних спортивных обменов между Китаем и ключевыми странами, расположенными вдоль “Пояса и пути”] // 首都体育学院. 2022. С. 101.
192. 张婷婷, 阿尔希波娃, 维阿列塔. 孔子学院助推中俄“一带一盟”对接中的人文交流 [Чжан Тинтин, Алсипова, Виаретта. Институт Конфуция содействует культурным обменам в рамках китайско-российского альянса “Пояс и путь”] // 对外传播. 2020. № 06. С. 49-51.
193. 张振宇. 中俄网络媒体合作背景下中国国家形象构建研究 // 郑州大学 [Чжан Чжэньюй. Исследование формирования национального имиджа Китая в контексте китайско-российского сотрудничества онлайн-СМИ // Университет Чжэнчжоу]. 2020. Р. 54.

194. 徐向梅. 俄罗斯公共外交体系建设及对西方的公共外交 // 西伯利亚研究 [Сюй Сяньмэй. Построение системы публичной дипломатии в России и публичной дипломатии в отношениях с Западом // Сибирские исследования]. 2020. Vol. 47 (04). P. 19-117.
195. 文明对话与和谐世界国际会议文集. 北京:世界知识出版社 [Сборник материалов Международной конференции по диалогу между цивилизациями и гармоничному миру -Пекин: World Knowledge Press]. 2010. С. 205-231.
196. 方向勤. 预防性外交: 基于概念的比较分析 // 国际政治研究 [Фан Сянцин. Превентивная дипломатия: сравнительный анализ, основанный на концепции // Международные политические исследования]. 2007. № 3. С. 72–83.
197. 曹玮、赵可金. 合法性塑造及中国公共外交 // 国际政治科学研究 [Цао Вэй и Чжао Кэцзин. Формирование легитимности и китайская публичная дипломатия // Международная политическая наука. 2013. № 2. P. 76.
198. 朱學勤. 书斋里的革命. 北京:长春出版社 [Чжу Сюэцин. Революция в учебе. Пекин: Издательство "Чанчунь"]. 1999. 251 с.
199. 李昕,段辉琴. 加强文化交流促进中俄关系全面发展 // 佳木斯职业学院学报 [Ли Синь, Дуань Хуэй Цинь. Укреплять культурные обмены и содействовать всестороннему развитию китайско-российских отношений // Журнал профессионального колледжа Цзямуси]. 2022. Vol. 38(02). P. 56-58.
200. 李滔. 对20年来中俄媒体关于两国报道的观察与思考 // 对外传播 [Ли Тао. Наблюдения и размышления над сообщениями китайских и российских СМИ о двух странах за последние 20 лет// Внешнее распространение]. 2021. Vol. 08. P. 46-48.
201. 江西元,夏立平. 中国和平崛起. 北京:中国社会科学出版社 [Цзянси Юань, Ся Липин. Мирный подъем Китая. Пекин: China Social Sciences Press]. 2004. С. 125.

202. 深入学习贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想 // 人民政协报 [Углубленное изучение и реализация идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху// Отчет НПКСК]. 08.04.2024. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2024/04/08/ART11712545091980500.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).

203. 王云鹤. 2009年以来中俄旅游合作研究 // 黑龙江大学 [Ван Юньхэ. Исследование китайско-российского сотрудничества в сфере туризма с 2009 года// Хэйлунцзянский университет]. 2019. Р. 23-25.

204. 王沪宁. 作为国家实力的文化:软权力 // 复旦学报(社会科学版) [Ван Хунин. Культура как национальная сила: «мягкая сила» // Фудань сюэбао (Серия «социологические науки»)]. 1993. № 3. С. 93.

205. 王海云. 新形势下中国外交战略中的国家定位//世界大势与中国和平发展,徐敦信主编. 北京:世界知识出版社 [Ван Хайюнь. Национальное позиционирование в дипломатической стратегии Китая в новой ситуации //Ситуация в мире и мирное развитие Китая, главный редактор Сюй Дуньсинь. Пекин: World Knowledge Press]. 2006. С. 78-87.

206. 王颖.专家建议: 加强中俄文化交流与合作 // 黑龙江经济报 [Ван Ин. Рекомендация экспертов: Укреплять культурные обмены и сотрудничество между Китаем и Россией // Heilongjiang Economic Daily]. 2014. Р. 10-27.

207. 肖枫. 怎么样理解邓小平同志的“韬光养晦、有所作为”思想 // 北京日报 [Сяо Фэн. Как понять мысль товарища Дэн Сяопина о ”даосизме, сокрытии и изменении мира к лучшему“// Beijing Daily]. 2010. URL: https://epaper.gmw.cn/wzb/html/2016-09/08/nw.D110000wzb_20160908_7-06.htm (дата обращения: 28.12.2024).

208. 胡惠林. 中国国家文化安全论. 上海人民出版社出版 [Ху Хуэйлин. Теория национальной культурной безопасности Китая. Шанхайское народное издательство]. 2005. 301 с.

209. 苏格. “习近平外交战略思想全面领航” 载 国际问题研究 2016第5期 [Су Гэ. Всесторонний анализ идей Си Цзиньпина о дипломатических стратегиях. Международные исследования, 2016, № 5. (In Chin.). URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2016-09/26/content_9057017.htm (дата обращения: 30.01.2025).

210. 苏长和. 中国的软权力—以国际制度与中国的关系为例//国际观察 [Су Чанхэ. «Мягкая сила» Китая — в качестве примера международная система и международные отношения Китая // Мирская Международное обозрение]. 2007. № 2. С. 29–31.

211. 荣翌.中俄人文交流合作持续深化 // 人民日报 [Жонг И. Китайско-российские культурные обмены и сотрудничество продолжают углубляться// People's Daily]. 2022. № 017.

212. 袁鹏.《和谢世界》与《中国新外交》//现代国际关系 [Юань Пэн. "Гармоничный мир" и "Новая дипломатия Китая" // Современные международные отношения]. 2007. № 4. С. 1-7.

213. 许志瑜. 中国对非援助面临的新形势及对策建议 // 国际商务财会 [Сюй Чжию. Новая ситуация и контрмеры, с которыми сталкивается помощь Китая Африке // Международный бизнес и бухгалтерский учет]. 2011. №2. С. 3-13.

214. 许琳:孔子学院发展主要存在两方面困难和挑战 [Сюй Линь: В развитии институтов Конфуция есть две основные трудности и вызов] // 人民网. 2011. URL: <https://news.ifeng.com/c/7fZmOf5nSZy> (дата обращения: 11.01.2025).

215. 邵振华.中俄深化媒体合作 提升国际舆论话语权 // 新闻传播 [Шао Чжэньхуа. Китай и Россия углубляют сотрудничество в области СМИ и расширяют право международной общественности высказываться // Распространение новостей]. 2020. Iss. 01. P. 27-28.

216. 郭丽洁.中俄国际旅游发展的影响因素探析 // 广西质量监督导报 [Го Лицзе. Анализ факторов, влияющих на развитие международного туризма между Китаем и Россией // Guangxi Quality Supervision Herald]. 2019. Iss. 08. P. 120-148.
217. 郭金峰.中俄媒体合作70年的问题和建议 // 对外传播 [Го Цзиньфэн. Проблемы и предложения за 70 лет китайско-российского сотрудничества в области СМИ // Внешние коммуникации]. 2020. Iss. 03. P. 28-31.
218. 金新,贾梦茜.中美公共外交博弈:叙事构建与策略选择 // 国际展望 [Цзинь Синь, Цзя Мэнцянь. Китайско-американская игра в публичную дипломатию: построение повествования и стратегический выбор // Международные перспективы]. 2021. Vol.13(06). P. 10-33.
219. 门洪华,刘笑阳:中国伙伴关系战略评估与展望 [Мен Хунхуа, Лю Сяоян. Стратегия партнерства с Китаем: оценка и перспективы] // 世界经济与政治, 2015, No. 2. P. 65-95.
220. 阎学通,徐进.中美软实力比较//现代国际关系 [Янь Сюэтун, Сюй Цзинь. Сравнение «мягкой силы» Китая и США // Современные международные отношения]. 2008. № 1. С. 24–29.
221. 阎学通,阎梁.国际关系分析.北京:北京大学出版社 [Янь Сюэтун, Янь Лян. Анализ международных отношений. Пекин: Издательство Пекинского университета]. 2008. 347 с.
222. 阎学通,阎梁.国际关系分析.北京:北京大学出版社 [Янь Сюэтун, Янь Лян. Анализ международных отношений. Пекин: Издательство Пекинского университета]. 2008. 347 с.
223. 阎学通、文化资源需要政治运用——对《政治实力是软实力核心》讨论中某些问题的解释 // 环球时报 [Ян Сюэтун, Культурные ресурсы нуждаются в политическом использовании — объяснение некоторых вопросов

в дискуссии на тему "Политическая сила - это основа мягкой силы" //Global Times]. 02.08.2007. С. 3.

224. 陆钢. 文化实力弱让中国失分 // 环球时报 [Лу Ган. Слабая культурная мощь заставляет Китай терять очки // Global Times]. 19.06.2007. 4 р.

225. 鞠荣华, 刘芸利. 中国农村资金互助组织发展的现状及对策 // 金融 [Цзюй Жунхуа, Лю Юньли. Статус-кво и ответные меры по развитию сельских организаций взаимопомощи в Китае // Финансы]. 2015. №5(3). С. 39-46.

226. 韩庆祥, 陈远章. 人类命运共同体与中华新文明 [Хан Цинсян, Чэнь Юаньчжан. Сообщество единой судьбы человечества и новая китайская цивилизация] // 学习时报. 2017. С. 3.

227. 韩永进. 新的文化自觉. 北京: 文化艺术出版社 [Хан Юнцзинь. Новое культурное сознание. Пекин: Издательство "Культура и искусство"]. 2008. 278 с.

228. 颜声数. 当代中国外交. 上海: 复旦大学出版社 [Янь Шэньшу. Современная китайская дипломатия. Шанхай: Издательство университета Фудань]. 2004. 241 с.

229. 颜声毅. 当代中国外交. 上海: 复旦大学出版社 [Янь Шэньи. Современная китайская дипломатия. Шанхай: Издательство университета Фудань]. 2004. 301 с.

230. 魏颖. 中俄旅游交流现状及意义分析 // 旅游纵览(下半月) [Вэй Ин. Анализ текущей ситуации и значимости китайско-российских туристических обменов // Обзор туризма (вторая половина месяца)]. 2013. Iss. 04. Р. 282-297.

231. 龚婷. "一带一路"倡议的中国传统思想要素初探. [Гун Тин. Исследование элементов традиционной китайской мысли в инициативе «один пояс, один путь».] //当代世界与社会主义. 2015. 5 с.

на английском языке:

232. Asgari, M. A Critical Approach to the Theory of Soft Power," *Journal of Defense Strategy*, eighth year. 2010. No. 28 P. 60-78.
233. Bolewski, W., Rietig, C.M. The Cultural Impact on China's New Diplomacy // *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. Vol. 8. № 3. 2008. P. 85–86.
234. China's Humanitarian Aid: Cooperation amidst Competition. URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-humanitarian-aid-cooperation-amidst-competition> (дата обращения: 26.12.2024).
235. China-Africa Trade and Economic Relationship Annual Report, 2011. URL: <http://www.focac.org/eng/zxxx/t832788.htm> (дата обращения 26.01.2025).
236. Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world / ed. by Carola McGiffert. A report of the Center of strategic and international studies, 2009. P. 3.
237. Chung, C.P. China's Multilateral Cooperation in Asia and the Pacific: Institutionalizing Beijing's «Good Neighbour Policy». Routledge. 2010. 168 p.
238. Ciorciari, J.D. A Chinese model for patron–client relations? The Sino-Cambodian partnership // *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 15. Iss. 2. 2015. P. 245– 278.
239. Cull N. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. URL: www.uscpublicdiplomacy.com (дата обращения: 10.01.2025).
240. Dellios, R. International relations theory and Chinese philosophy // *Humanities & Social Sciences papers*. 2011. Paper 570. URL: http://epublications.bond.edu.au/hss_pubs/570 (accessed: 15.05.2024).
241. Evan S. Medeiros. China's International Behavior: Activism, Opportunism, and Diversification, Santa Monica: RAND Corporation. 2009. 82 p.
242. Falomir, L.N. A Latin American Reading of the Classical Concepts of International Relations Theory // *Relaciones Internacionales*. 2008. 251 p.
243. Fan R. China's Excess Capacity: Drivers and Implications // *Stewart and Stewart*. 2015. T. 12. URL:

<http://www.stewartlaw.com/Content/Documents/China%27s%20Excess%20Capacity%20%20Drivers%20and%20Implications.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

244. Galan E.M., Leandro F.J. The Belt and Road Initiative: The Cornerstone of the New-Fangled Financial Institutionalism Led by China // *Baltic Journal of European Studies*. 2019. Vol. 9. Iss. 2. P. 153–182. doi:10.1515/ bjes-2019-0018

245. Hartig, F. How China understands public diplomacy: The importance of national image for national interests. *International Studies Review*. 2016. P. 54.

246. Hirono M. Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action: Multiple interests, processes and actors/Humanitarian Policy Group. L. Overseas Development Institute, 2018, 36 p.

247. Huntington, S. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 229.

248. Johnston A.J. *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton University Press. 2008. 385 p.

249. Jorgensen, K.E. *International Relations Theory: A New Introduction*. Palgrave Macmillan, 2010. 338 p.

250. Kang D.C. *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. N.Y.: Columbia University Press. 2010. 298 p.

251. Kent A. China's Participation in International Organisations. Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy / Y. Zhang, G. Austin (eds). Australian National University Press. 2013. P. 132–166.

252. Kosuke Shimizu. The Genealogy of Culturalist International Relations in Japan and Its Implications for Post-Western Discourse // *All Azimuth*. 2017. V0. No. 1–16. URL: [http:// dx.doi.org/10.2099/allazimuth.326972](http://dx.doi.org/10.2099/allazimuth.326972) (accessed: 15.05.2024).

253. Melissen J. *The new public diplomacy: soft power in international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 240 p.

254. Merle, M. *Sociology of International Relations* / Translator: D. Parkin. Berg Publishers, 1992.
255. Morgenthau H. *Politics Among Nations*. 5th ed. - New York.: Alfred A. Knopf, 1973. P. 97.
256. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. 34.
257. Nye J.S. *China and Soft Power*: Kennedy School of Government, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, USA. *South African Journal of International Affairs*. 2012. 19(2). P. 151- 155.
258. Nye J.S. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. P. 88-99.
259. Nye, J. *Public Diplomacy and Soft Power*. In: Cowan, Geoffrey and Cull, J. Nicholas (eds.): *Diplomacy in a Changing World*. 2002. P. 94–109.
260. Nye, J. *Soft Power and Public Diplomacy Revisited* // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2019. Vol. 14 (1–2). URL: https://brill.com/view/journals/hjd/14/1-2/article-p7_2.xml (дата обращения: 24.03.2023).
261. Pijl, K. van der. *The Making of an Atlantic Ruling Class*. Verso Books, 2012. 302 p.
262. Quadir F. *Rising Donors and the New Narrative of South-South Cooperation: What Prospects for Changing the Landscape of Development Assistance Programmes* // *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. No 2. P. 321-338.
263. Shihata I., Mabro, R. *The OPEC Aid Record* // *World Development*. 1979. Vol. 7. No.2. P. 161-173.
264. *South-South Cooperation Beyond the Myths: Rising Donors, New Aid Practices*. L: Palgrave Macmillan, 2017. 353 p.
265. Tanchum, M. *China's new military base in Africa: What it means for Europe and America* // *European Council on Foreign Relations*. 14 December 2021. URL: <https://ecfr.eu/article/chinas-new-military-base-in-africa-what-it-means-for-europe-and-america/> (дата обращения: 10.05.2024).

266. The Annals of the American Academy of Political and Social Science 616, March 2008. P. 44-65.

267. Xu Lin. Chinese Language Quickly Going Global is a Great Phenomenon. URL: http://www.chinese.cn/hanban_en/article/2010-08/16/content_167061_7.htm (дата обращения 23.01.2025).

268. Yang S. Three Levels of the Construction of China's International Cultural Soft Power at Present——From the Thought of Joseph Nye's Soft Power // Red Flag Manuscript. 2012. Vol. 14. P. 23-25. (In Chinese).

269. Zhang D., Ji H. The new Chinese aid agency after its first two years // Relief Web. 2020. April 22. <https://reliefweb.int/report/china/new-chinese-aid-agency-after-its-first-two-years> (accessed: 27.01.2025).

270. Zhenming, Zhu. China's Economic Aid to CLMV and Its economic Cooperation with Them. Chiba, Institute of Developing Economies Japan External Trade Organization, 2009. 38 p.